Наталья Любимова

Монастырь с глухим колоколом

Наталья Любимова

Монастырь с глухим колоколом

https://litres.ru/73906908
SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь – это огромный супермаркет. В нём есть всё, начиная от бытовых мелочей, и заканчивая заветными желаниями. И рано или поздно за всё в этом «супермаркете» приходится платить. Или расплачиваться

На этот раз Рябинину и его помощникам предстоит распутать сложное дело, связанное с исчезновением детей. Чтобы найти разгадку к этому преступлению, друзьям придется побывать в прошлом, где они сойдутся в поединке с темными силами. Кто победит на этот раз? Смогут ли они устоять перед соблазнами и человеческими пороками? Примут ли они верные решения?

Содержание

- Заходите, - улыбнулась Инга, - но её приглашение, как поняла Кира, относилось только к нему. 135
Конец ознакомительного фрагмента. 223

Наталья Любимова
Монастырь с глухим колоколом

Глава 1
«Неправильное решение»

Несмотря на то, что Андрей Тихомиров по-прежнему с головой был погружен в работу хирурга-кардиолога и заведующего кардиологическим отделением, и домой приходил уставший и измотанный, с одним желанием, как можно скорее провалиться в спасительный сон, он уже несколько недель не мог отдохнуть и выспаться. Как только он закрывал глаза и проваливался в сон, так перед ним всплывала одна и та же картина: сморщенный маленький ребенок-уродец тянул к нему свои тонкие и сухие как ветки руки с грязными длинными когтями. Иногда Тихомиров брал ребенка на руки и его тут же охватывала паника и отвращение, потому что ребенок был холодным и скользким, словно морская минога. А иногда он хотел спрятаться и всячески избегал этого уродца, и тогда тот начинал истошно вопить и искать его. Тихомиров просыпался от ужаса и долго не мог уснуть. Но как только он снова засыпал, сон повторялся.

Его жена Настя, после тяжелой аварии в которой погиб

их сын Ванюшка, на днях пришла в сознание. Но Андрей оттягивал тот момент, когда он должен будет сказать жене правду. Настя спрашивала его о сыне каждый раз, когда он к ней заходил. Она еще не могла разговаривать полноценно, но в её глазах всегда был немой вопрос «что с сыном?», а губы шептали: «Ва-ня…» Андрей брал жену за руку подносил к своим губам и говорил:

- Все будет хорошо! Ты у меня самая лучшая, самая красивая, самая умная, самая сильная…

Потом он начинал суету вокруг неё, изображая занятость. Проверял датчики, капельницу, приборы, к которым была подключена Настя, и поцеловав жену в лоб или щеку, убегал по другим неотложным делам или на очередную операцию.

Однажды в коридоре его остановил терапевт.

- Андрей Владимирович, зайдите ко мне, - пригласил он того в свой кабинет.

Андрей вошел, сел на предложенный стул и стал изучать лицо пожилого доктора. Оно было печальным и озабоченным.

- Андрей Владимирович… - мялся тот, подыскивая нужные слова.

- Михаил Сергеевич, говорите, как есть. Я вижу, что вы с плохими новостями, - простимулировал Андрей терапевта.

- Ну, что ж… - «оторвал» свои глаза от крышки стола доктор. – Разговор неизбежен, времени все равно нет. Скажу прямо. Вы знали, что ваша жена беременна?

- Узнал после аварии. Она мне не успела сказать, хотела сделать сюрприз. Неделю ходила загадочная и счастливая.

- Ох, уж эти женщины…- вздохнул пожилой мужчина… - Понимаю…

- Что-то не так? Насте становится хуже? – убрал со стола свои большие руки Тихомиров, чтобы терапевт не заметил, как они затряслись.

- Повторные анализы утром пришли. Организм борется… Даже есть положительная динамика… На следующей неделе планируем снять гипс. О полном выздоровлении речь, конечно, не идет… Травма головы – это серьезно… Нейрохирург её наблюдает. Конечно есть отклонения, но пока все приблизительно в пределах нормы. Ну, я имею в виду, что после такой травмы…

- Тогда что? – передалась нервная дрожь от рук ко всему телу Тихомирова.

- Ребенок… Дело в ребенке… Он отнимает много жизненно важных сил… Тем более, могут возникнуть некоторые осложнения при родах, я уже не говорю о возможных патологиях у самого ребенка…

- Не продолжайте, я понял… - остановил доктора Тихомиров. – Только я не смогу этого сделать… Если она потеряет и этого ребенка, мне даже страшно подумать, что с ней будет… Я взрослый мужчина, который много видел, и терял в жизни много дорогих сердцу людей… Я специально работаю так, чтобы у меня не оставалось времени ни на воспомина-

ния, ни на сожаления и горести… Я прихожу домой, заставляю себя принять душ, поесть и замертво падаю, но даже в этом состоянии моя душа не находит покоя…

- А она хрупкая, слабая женщина… - посмотрел он в сторону палаты, где лежала Настя. - Она этого не переживет… А я без нее не хочу жить… Я устал терять… Я больше не могу и не хочу никого терять…

- Наверное, я вам сейчас скажу несусветную глупость, не воспринимайте ее как данность, а рассмотрите с точки зрения философской мысли, - внимательно смотрел на Тихомирова пожилой терапевт. – Когда мы что-то теряем, потом обязательно что-то приобретаем. Если жертвуем значимым, получаем взамен тоже что-то значимое…

- Я знаю, но я не смогу принять решение и за другого человека тоже. Больше не смогу… - встал со стула, и не смотря в глаза доктора, направился к двери Тихомиров. – Пусть меня простят… Все…

- Иногда нам приходиться делать трудный выбор… А иногда мы совершаем странные и страшные поступки… - уже сам себе сказал терапевт. – Очень странные и страшные…

Поздно вечером Андрей лежал на кровати и смотрел в глянцевый натяжной потолок. В нем отражалось его похудевшее тело и осунувшееся бледное лицо. Он боялся закрыть глаза, чтобы не увидеть страшного младенца. Но усталость поборола, и он провалился на некоторое время в пустую темноту. Потом темнота стала постепенно приобретать очерта-

ния, и Андрей оказался в старом заброшенном бревенчатом доме. На его почерневшей от времени стене, местами забитой конопляными растрепанными нитями, висело старое зеркало. От времени оно помутнело и было испещрено царапинами, словно старческими морщинами.

В разбитое окно проникал тусклый лунный свет, в отражении зеркала промелькнула чья-то черная тень. По телу Тихомирова пробежал неприятный холодок. Он резко оглянулся, но позади него никого не было, и от этого ему стало еще страшнее…

***

- Исправитель, он все равно принял неверное решение, - подплыл к Юрке Кондратьеву его помощник Слава.

- Я знаю. Я только что вернулся с Верховного совета, - мысленно ответил тот.

- Что теперь будет? – смотрел Слава на воображаемый хрустальный шар, в котором был заключен густой туман.

- Мы хотели ему помочь, но он выбрал другой путь, - тоже посмотрел в шар Исправитель. Туман окрасился в черный цвет и становился все плотнее. – Темные ликуют, они выиграли этот поединок.

- Это потому, что на обычного человека было взвалено слишком много горя и трудностей, - решил поделиться своими переживаниями помощник. – Он больше не верит…

- Всевышнему виднее, и он необычный человек, он Из-

бранный.

В архиве исправителей ошибок, как голограмма появился Григорий с этапа Значимых.

- Я слышал ваши мысли, вам нельзя унывать. Иначе тьма станет сильнее, - он поймал частицу от воображаемых одежд Исправителя, словно пролетавшего рядом мотылька и прикрепил её обратно. – Так бывает… Не всё в нашей власти.

- Мы пытались до него достучаться, но он нас не услышал, - снова отлетела частица от Исправителя, а та, что находилась рядом с оторвавшейся, дала трещину.

- Он услышал вас. Но люди всегда сами решают, как им поступить. Мы лишь предлагаем выбор, но делает его всегда сам человек. Защитник сделал свой выбор. Вашей вины в этом нет, - снова поймал частицу Исправителя Григорий и прикрепил её на место. – Мы проиграли этот поединок, но нам надо победить в следующих. Пусть эта неудача закалит вас, сделает мудрее и сильнее. Помните людскую поговорку: «Век – живи, век – учись жить!» А у нас впереди вечность… И потом, когда вы были людьми в земной жизни, вы ведь тоже сами делали свой выбор, несмотря на то, что вас направляли в нужное русло…- Григорий посмотрел в хрустальный шар, и под его взглядом черная субстанция стала бледнеть, а туман – рассеиваться. Через секунду он так же внезапно исчез, как и появился.

- Что нам делать, Исправитель? – телепатически обратился к тому Слава.

Исправитель постоял в раздумье несколько секунд, поднял с пола конверт, на почтовом штемпеле была дата 26.06.1989.

В архиве исправления ошибок, где он «служил» (так чувствовал Слава, свои обязанности помощника исправителя), посреди залитого светом большого зала, всегда лежала огромная куча писем. Исправитель, почему-то так себе представлял, как должен выглядеть архив. Слава предпринял несколько попыток разложить в хранилище несбывшихся надежд и желаний, разбившихся сердец и загубленных жизней, все по полочкам, по алфавиту и порядку, и даже классифицировал их. Но как только Исправитель появлялся в архиве, все письма словно по команде ссыпались с полок в огромную кучу.

Не прочитав письма, Исправитель закинул его на вершину кучи. Но оно плавно скатилось к его ногам.

- Что там? – поднял с пола конверт и протянул его своему помощнику Исправитель.

Слава стал читать письмо в слух.

«Здравствуй, Оксана! Прости, что долго не писала тебе. Теперь ты сама знаешь почему. Прости, за то, что я тебя тогда не послушала. Теперь все могло бы быть совсем по-другому… Ты уже, наверное, знаешь, что случилось сегодня… В этом я виню лишь себя… Если бы я только могла предвидеть, к чему это приведет…

Завтра я уезжаю очень далеко... Больше тебе писать не

буду. Прости, что принесла много горя…

Не знаю, как мне с этим жить дальше…»

Исправитель, выхватил из рук помощника письмо, это был обыкновенный листок в клетку, вырванный из школьной тетрадки. Пробежал глазами по тексту, потом засунул его в воображаемый карман своих брюк. Из которых, лист выскользнул, сам вставился в конверт и вернулся в кучу.

- Я боюсь, что теперь «темные» могут его использовать в своих целях. И мы не сможем этому помешать, - снова оторвался кусок одежд Исправителя.

- Мы что, не сможем вмешаться? – спросил Слава.

Исправитель задумался на некоторое время, почесал по привычке свой затылок. Потом резко одернул руку вспомнив, что здесь нет тех ощущений, что он испытывал при жизни. Ругнулся про себя и тут же воскликнул:

- Есть идея! – засветился он. Отлетевший кусочек одежды совершив плавный обратный полет, прилип на свое место.

Слава всегда замечал, что Исправитель излучает свет, когда чему-то радуется, или вдохновляется какой-то одному ему понятной идеей, и словно потухает, когда у него что-то не получается.

****

- У вашей жены истерика! – вбежала в кабинет Тихомирова медсестра. – Наша санитарка, тетя Зина, случайно проболталась о вашем погибшем сыне.

Тихомиров забежал в палату. На кровати металась Настя, удерживаемая тетей Зиной и еще одной медсестрой.

- Милая, прости меня, я не хотела. Я не знала, что ты еще не знаешь, - уговаривала пациентку тетя Зина. – Вот я старая дура! - ругала она себя.

- Оставьте нас пожалуйста, - попросил женщин выйти Андрей.

- Настя, прости меня, - схватил он жену в охапку и прижал к себе. – Я должен был сам рассказать тебе. Но я боялся…

Настя предприняла несколько неудачных попыток высвободится из сильных рук мужа, но не смогла. Постепенно ее тело обмякло, а по лицу потекли слезы.

- Это я у-би-ла его! Я не хо-чу жить! За-чем ты спас меня?! – шептали её пересохшие, потрескавшиеся губы.

- Настя, так бывает в жизни. Иногда мы теряем близких людей. И ты ни в чем не виновата. Так сложились обстоятельства.

- Кто их сло-жил?! Эти обсто-я-те-льства?

- Наверное, это судьба, - пытался успокоить жену Андрей.

- Судь-ба?! Кто упра-вля-ет на-ши-ми судь-ба-ми?

- Бог, - ответил Андрей. – Он всегда знает, как лучше…

- Луч-ше ко-му? Ему?

- Настя, успокойся. Прошу тебя успокойся… - прижимал все еще к себе жену Тихомиров.

- Пус-ти ме-ня, мне боль-но! – с ненавистью посмотрела она на мужа.

Андрей разжал объятья и бережно опустил тело Насти на кровать.

- Ты должна быть сильной, ведь мы ждем еще одного ребенка, - напомнил он ей о её беременности.

Настя обхватила свой живот руками:

- Я не отдам его никому. Это только мой ребенок! И нет у него никакой судьбы! Слышите! Никто не посмеет его у меня забрать!

- Света! – позвал Андрей медсестру. – Успокоительное!

Через пару минут девушка вернулась и сделала пациентке укол.

Только когда жена уснула, Тихомиров вышел из её палаты.

- Простите меня, Андрей Владимирович, - поднялась со стула навстречу ему санитарка тетя Зина. – Я не знала, что она еще не знает…

- Это вам спасибо, - приобнял за плечи пожилую женщину Тихомиров, - вы сделали то, что я должен был сделать давно, но не решался.

- Вы на меня не сердитесь? – смотрела в посеревшее и осунувшееся лицо доктора пожилая женщина.

- Нет Зинаида Львовна, не сержусь. Идите занимайтесь своими делами, - нежно отодвинул он её со своего пути, и засунув руки в карманы, пошел быстрым шагом по коридору в направлении своего кабинета.

- Света, - остановился он около поста дежурной медсестры, - попроси нашего терапевта Михаила Сергеевича, со-

брать консилиум по поводу моей жены. Я сейчас не могу сам…

- Хорошо, Андрей Владимирович. Я все сделаю, не переживайте, - поднялась она со своего места.

- И принеси мне тоже чего-нибудь успокоительного, но никак в прошлый раз, - погрозил он ей пальцем.

- Хорошо, - поджала губы и опустила лукавые глаза в пол девушка.

Когда Андрей вошёл в конференц-зал больницы, где проходил консилиум, народ бурно что-то обсуждавший до этого, резко смолк.

- Коллеги! - обратился он к присутствующим докторам. – Я знаю, что вы искренне мне сочувствуете. Но прошу вас, сказать мне всю правду, какой-бы тяжелой она не была. Я готов выслушать каждого. Не нужно щадить моих чувств, я готов ко всему, - опустился он на стул.

Несколько секунд стояла тишина.

- Андрей Владимирович, - наконец-то прервал всеобщее молчание пожилой терапевт. – Я вам утром высказал свое мнение. И я остаюсь при нем. Тем более, что сегодня с вашей женой произошла истерика, и жизненно важные показатели резко пошли вниз. Это конечно не критично, но! – оглядел он всех присутствующих. – В любой момент, может произойти непоправимое, тем более, что у пациентки есть и внутренние повреждения органов…

- Я согласен с Михаилом Сергеевичем, - поднялся со своего места нейрохирург. – Травма головы, а если быть точным, тяжелая травма головы, это и так огромный стресс для всего организма. Тем более такая, как у нашей пациентки. У Анастасии Викторовны, есть небольшие поражения белого вещества, но все мы знаем, - тоже обвел взглядом присутствующих в зале врачей нейрохирург, - к чему может привести малейшее нарушение в нейронных связях. При минимальном нарушении нейриты перестанут взаимодействовать, что приведет к серьезному поражению головного мозга. А беременность в таком положении, это большая нагрузка для её организма.

- Я тоже солидарен с коллегами, - поднялся врач-гинеколог. – По всем показателям, ваша жена не может иметь детей. У нее генетическая патология. И то, что она уже родила, и вновь забеременела, это какое-то чудо. Я уже двадцать пять лет в профессии, а такое вижу впервые. Я провел всевозможные исследования, и честно сказать немного озадачен, - почесал бороду он. – Плод по всем показателям должен быть, ну хотя бы слегка слабым и вялым, как это обычно бывает в таких случаях. Но не в этом… - помялся немного он, пожевал свою нижнюю губу и продолжил. – В нашем случае, все наоборот. Ребенок крепок, никаких отклонений в развитии я у него не нашел.

- Так, почему же вы против этого ребенка? – спросил Андрей.

- Видите ли, этот ребенок очень старается выжить, и забирает у матери все ее силы. А процесс восстановления после такой травмы долог, да и сама беременность будет длиться не две недели, и даже не два месяца. Я не могу вам дать гарантии, что на здоровье матери, это не отразится…

- Ну, вы же сами сказали, что ребенок старается выжить, - перебил его Андрей.

- Я вас, как отца потерявшего сына, конечно, понимаю. Но если даже ваша жена выносит этого ребенка, и он будет совершенно здоров, то нет гарантии, что при родах все обойдется. На благополучный исход я бы дал не более десяти процентов. И это при условии, что все показатели войдут в норму. Вы понимаете, о чем я говорю? Все показатели!

- Я вас услышал, - опустил глаза в пол Андрей. – Ну, а если предположить, что вся беременность пройдет нормально, а вместо родов, будет кесарево сечение, тогда шансы увеличиваются?

- Это все входит в эти десять процентов, и это все равно большой риск.

- Сколько у меня есть времени? – теперь Андрей оглядел всех присутствующих в зале.

- Немного, - ответил гинеколог. – Максимум неделю, и вы должны дать нам окончательный ответ.

- Я постараюсь убедить жену… - не глядя на коллег поднялся он. – Спасибо всем… - вышел Андрей в коридор.

Прежде чем поговорить с Настей, он несколько раз про-

шёл мимо её палаты, не решаясь войти. Андрей не знал, как начать разговор, и как убедить жену избавиться от их ребенка. Но честно сказать, он и сам не был готов к этому. Наконец-то он принял решение и вошел.

- Настя, мне нужно с тобой очень серьезно поговорить, - сел он на край кровати и взял её руку. – Я знаю, что это тяжело… Но ты должна сделать этот выбор сама…

«Что случилось?» - говорили её глаза.

- Ребенок, которого ты носишь. Он может ослабить твой организм, а при родах может случиться все что угодно, - как можно мягче говорил Андрей, стараясь не смотреть жене в глаза.

- Ты пред-ла-га-ешь мне его у-бить? – задрожали её губы.

Андрей отвернулся.

- Что, нет ни-ка-ких шан-сов? – слегка сжала она его руку.

- Десять процентов, - прошептал он, потому что в его горле был огромный ком, который мешал ему не только говорить, но и дышать.

- Да-же если будет только один процент, то мы бу-дем исполь-зо-вать его…- ответила Настя.

Андрей вышел из палаты и с облегчением выдохнул.

- Света, - обратился он к медсестре, заполнявшей журнал, - присмотри за моей женой. Я возьму выходной. Очень устал. Надо собраться с мыслями. Вместо меня остается Караулов. Я ему дал все необходимые распоряжения.

Глава 2
«Стихия»

Рябинин уже почти разделся, чтобы лечь спать, как раздался телефонный звонок.

- Да! – взял он трубку.

- Егор, привет! – услышал он голос Тихомирова.

- А, Андрюха! Рад тебя слышать. Я уж грешным делом подумал, опять на работу вызывают. Что-то случилось?

- Нет. Ничего необычного не случилось. Просто захотелось поговорить. Ты завтра сильно будешь занят?

- Ну, если ничего не случиться, то не сильно. Завтра теща с дочкой едут в санаторий на месяц. На поезд их в 18.00. посажу и заеду к тебе. Ты к этому времени дома будешь?

- Да. Заезжай. Буду очень рад.

- Тогда до завтра.

- Спокойной ночи!

- И тебе, спокойной ночи… - отключился Рябинин.

Он выключил свет и лег на диван. Телевизор вещал со своего экрана, что в ближайшее время ожидается сильный дождь переходящий в снег и усиление ветра с порывами до 35 метров в секунду.

- Когда уже потеплеет? – спросил у телевизора Рябинин. – Достал уже и этот холод, и этот снег, и дождь, и слякоть… - зевнул он и закрыв глаза, тут же уснул.

Солнце теплым светом заливало берег широкой реки. Зе-

леная мягкая трава стелилась сплошным ковром до самого горизонта. Словно соперничая с самим солнцем, тянули свои желтые головы к небу одуванчики, тихо звенели луговые колокольчики, вокруг них суетились мотыльки и дикие пчелы.

Рябинин лежал на старом покрывале у берега реки и смотрел на то, как его шестилетняя дочь Яна плетет цветочный венок. Рядом с ней целая охапка сорванных и уже завявших одуванчиков, засохших гвоздик и колючих осыпавшихся роз.

- Зачем тебе столько? – спросил он её.

- Мне надо сплести много венков. Посмотри сколько их… - кивнула она в сторону.

Рябинин повернул голову назад, и увидел, что в нескольких метрах от него действительно играют дети. Это были девочки и мальчики, примерно от 5 до 12 лет, их было больше тридцати. Но самой маленькой девочке не было и трех. Она держала за руку девочку постарше и тихо плакала. Лица детей имели мертвенно-бледный цвет.

- Не плачь, - отдала венок из засохших роз, перевязанный черной лентой Яна, маленькой девочке. – Мой папа найдет его…

Девочка протянула свою маленькую ручку, укололась о острые шипы и резко одернула её.

- Яна, зачем ты дала ей эти ужасные цветы! – негодовал и сердился на дочь Рябинин.

Он выхватил колючие стебли из рук дочери и бросил их в

сторону. Цветы издали не свойственный им звон разбитого стекла…

От этого резкого звука Рябинин проснулся и не мог ничего понять. В комнате становилось холодно и сыро. Он щелкнул выключателем торшера, который стоял у дивана, но свет не зажегся. Теперь Егор начал понимать. На улице бушует стихия, предсказанная ведущим теленовостей. Накинув одеяло на плечи, Рябинин подошел к балконной двери. Это с неё задувало холодом и сыростью. Дверь была разбита детским велосипедом, который сорвало ветром с гвоздя, на котором тот висел уже года два, подвешенный за раму. Откуда-то с улицы доносились тревожные звуки: звала хозяина на помощь сработавшая сигнализация в иномарке, визжала сирена скорой помощи, под натисками ветра скрипел старый тополь.

Рябинин нецензурно выругался, вытащил торчащий из двери велосипед, и сняв с себя одеяло, накинул его на разбитую дверь. В темноте наступив на осколки стекла, он поранил ногу, от боли резко попятился назад и наступил на портьеру. Портьера, под весом оперативника, оторвала карниз на котором висела. Карниз падая, врезался в полированную стенку и опрокинул на пол хрустальную вазу и шкатулку с мелкими предметами, которые частично рассыпались по всему ковру, а частично закатились под диван и другую мебель комнаты. Он пнул пустую пластмассовую шкатулку, и та ударившись о стену зазвенела. По звуку оперативник опре-

делил, что она разбилась.

Рябинин не мог найти ни фонарик, ни телефон, который не помнил куда положил, перед тем как лечь спать. Он замерз, а сон «как рукой сняло».

«Выпью чашку горячего чаю и согреюсь» - решил он.

Натянул футболку, он вышел на кухню. На ощупь включил электрический чайник и сел на табурет. Посидев так с минуту, Егор не услышал привычного шума, закипающей воды. Вспомнил, что нет света и стал искать обычный чайник. В шкафу для кастрюль и другой кухонной утвари, на ощупь чайник найти не удалось. Потому, что с тех пор как погибла его жена, Рябинин там никогда не наводил порядок. Вся посуда стояла, лежала, торчала друг из друга, с боку, снизу и сверху. Пошарив наугад в разных направлениях и не найдя ничего нужного, Егор решил просто выпить глоток минералки. Открыв холодильник, он нащупал бутылку и сделал внушительный глоток, но тут же выплюнул все обратно. Содержимое бутылки оказалось кислым, противным и вонючим.

- Сто раз же хотел выкинуть этот пропавший сок! – ругал он сам себя, стряхивая с футболки остатки сока.

Он открыл кран с водой, но вода не пошла.

- Блин, света же нет. Насос не работает, - набрал он в рот воды из электрического чайника, ополоснув его, сплюнул в раковину, и пошел на диван.

Там, замотавшись в плед, как личинка шелкопряда, он пы-

тался погрузиться в сон. Но завывание ветра, трепет одеяла и оторванных портьер не давали ему покоя. Старая детская коляска билась ручкой о подоконник. Раскачиваясь на веревках для сушки белья, стучали о балкон прищепки. Что-то непонятное прилетело с улицы, и ударившись о перила, плюхнулось на пол балкона.

Рябинин открыл глаза, прислушался, но то что прилетело, других звуков не издавало, и он не стал подниматься с дивана.

- Завтра посмотрю, - сам себе сообщил он, положил подушку на голову, и закрыл глаза.

Через время он согрелся и уснул. Но как ему показалось, спал не долго. Сработал сигнал будильника. Несколько минут ушло на то, чтобы найти трезвонивший и вибрирующий телефон, чтобы отключить противный сигнал.

Солнце всходило из-за горизонта освещая разруху в его квартире. Буря стихла. Рябинин посмотрел на часы. Было пятнадцать минут восьмого.

«Все службы обычно работают с 8.00, а некоторые и с 9.00, так что звонить еще рано. И вообще куда надо звонить? Какая организация вставляет окна? Надо у Сереги Кузнецова спросить. Он все знает», - решил он.

Рябинин вышел на балкон, чтобы лучше рассмотреть потерпевшую балконную дверь, и оценить ущерб, нанесенный велосипедом. На полу балкона раскидав в разные стороны штанины, распластались чьи-то джинсы 60-го размера. Егор

поднял их, и посмотрел вниз. Земля у дома была усеяна разнообразными предметами, вещами и мусором. Словно весь многоэтажный дом решил выбросить с балконов весь свой годами накопившийся хлам. Егор убедился, что под балконом никого нет, и перекинул чужие джинсы «за борт». Через несколько секунд раздался характерный звук «долетевших» до земли джинс. Такая же участь постигла велосипед, коляску и коробку с деталями от его старой шестерки.

Еще он хотел выкинуть цветочные горшки со скелетами высохших цветов, но снизу кто-то крикнул:

- Эй, придурок! Ураган уже закончился. Не перестанешь безобразничать, я полицию вызову.

Рябинин не хотел никакой полиции, и присев, чтобы его не было видно с дома напротив, «гуськом» вошел в комнату.

Быстро собравшись, он вышел на улицу. У подъезда стояли «домовые пенсионерки» и обсуждали стихию, унесшую жизнь не одной старой вещи, десятилетиями хранящейся на балконе.

- Кира! – через полчаса звонил он своей помощнице, - я еду на место преступления.

- Что-то серьезное? – послышались нотки тревоги в голосе девушки.

- Нет. Обычная кража, - успокоил он её. – А ты зайди к Кузнецову возьми у него телефон или что там еще нужно. Мне ночью ветром стекло разбило, надо новое вставить. Я на твоем столе оставил деньги и запасные ключи от своей

квартиры. Вызови пожалуйста мастера.

- Хорошо, Егор Александрович! Вызову.

День у Рябинина был длинным и насыщенным. Он даже не смог проводить на поезд дочку с тещей, а позвонил им, вызвав такси. Потом он попытался несколько раз позвонить Тихомирову и отложить встречу, но тот не брал трубку.

«Наверное, тоже занят. Или пациентов много после стихии», - решил он, и поехал на очередное место преступления.

- Люди, словно с ума сегодня сошли. Телефон не замолкает ни на минуту. Мы сегодня втроем дежурим, а происшествия не прекращаются, - жаловался дежурный Рябинину. – Так что, начальник УВД распорядился подключать всех сотрудников, не взирая на чины и должности. Даже кадровики на выезде.

- Ладно не продолжай, говори куда ехать? – прервал стенания дежурного Рябинин.

- Красных партизан 89/2 квартира 214. Как я понял, незаконное проникновение в квартиру. Подробности не знаю.

- Еду! – отключился Рябинин.

- Печёнкин, ты сейчас где? – звонил через минуту он своему помощнику.

- Я на улице Ленина 54. Тут киоск обокрали, опрашиваю свидетелей, - ответил тот.

- Ладно продолжай. Сам справлюсь, - отключился Рябинин.

В подъезде дома № 89/2 на пятом этаже долбилась в дверь, дебоширила, орала и материлась пьяная компания. У двоих из дебоширов были разбиты носы. Компания ломилась в 214 квартиру.

- Граждане! – обратился Рябинин к дебоширам. – Куда ломимся?

- Какая тебе разница? – перестал колотить в закрытую дверь мужик в клетчатой рубашке. – Иди куда шел!

- Я представитель власти, - достал свое удостоверение Рябинин.

Дебошир поднял блеклые глаза и попытался сконцентрировать свой взгляд на красной книжечке.

- А-а-а полиция! Вас не дождешься… - хотел он облокотиться на ручку двери, но промазал и ударился о стену.

- По какому поводу ломимся в чужую дверь? – повторил свой вопрос Рябинин.

- Эта дверь, - многозначительно поднял палец вверх тот, - не чужая… Это моя дверь… - потыкал в свою грудь кулаком мужик.

- В таком случае открой ключом, и войди, - посоветовал оперативник.

- Умный? Да? – вступился за мужика в клетчатой рубашке другой, что был в фиолетовых облезлых штанах. – Ключей нету! – с сарказмом произнес он и растопырил руки, демонстрируя что у него их действительно нет.

- Потерял? – спросил Рябинин. – Тогда надо слесаря из

ЖЭКа вызывать, а не полицию.

- Нет. Не потерял. Они там… - кивнул на дверь третий мужик, в домашних тапочках, что до этого сидел на подоконнике лестничной площадки.

- Так все равно слесарь нужен, а не полиция, - хотел развернуться и уйти Рябинин.

- Там вор… - почти шепотом произнес тот, что был в тапочках.

Теперь Рябинин обратил внимание на то, что те двое, что были с разбитыми носами, стояли без обуви и верхней одежды.

- А, почему шепотом? – спросил Рябинин.

- Чтоб не спугнуть… - снова шепотом ответил тот.

- А-а-а! - протянул тоже шепотом Рябинин. – А то, что вы тут орали на весь подъезд, и тарабанили в дверь, его не напугало? И он продолжает там грабить?

Только через два с половиной часа, Рябинин ехал в обратном направлении. Потому что дело оказалось весьма «запутанным». Опрос потерпевших привел Рябинина к следующим выводам.

В 214 квартире веселилась и пьянствовала мужская компания из четырех человек. Обмывали уход жены от потерпевшего в клетчатой рубашке. В разгар всеобщего сочувствия и веселья кто-то стал неистово звонить в дверь. Хозяин квартиры не мог не отреагировать на вероломство непрошенного гостя и попытался выпроводить наглеца. Но тот

ни за что не собирался покидать «поле боя», мало того, он утверждал, что это его квартира и во что бы то не стало хотел в нее попасть. Тут на помощь потерпевшему в клетчатой рубашке вышла «пьяная дружина» в фиолетовых штанах и домашних тапочках. Вероломный наглец оказался не из робкого десятка и уступать «свое жилье» даже такой подмоге не собирался. В итоге разбив два носа и спустив с лестницы того что в тапочках, «вор» проник в квартиру и захлопнул за собой дверь.

А так как «подозреваемый» оказался сам в изрядном подпитии, попав наконец-то в «свою» квартиру, он лег спать. Его даже не смутило то, что он лег рядом с другим таким же пьяным телом четвертого «дружинника». Который уснул раньше и не принимал участия в «битве за квартиру № 214».

Следуя «букве закона», Рябинину пришлось опрашивать соседей, на предмет действительного проживания мужика в клетчатой рубашке в данной квартире. Потом составлять протокол. На предложение Рябинина, выломать дверь, тот категорически отказался. Пришлось звонить в ЖЭК и вызывать слесаря. Но того не могли долго найти, на телефонные звонки он не отвечал. Потом выяснилось, что тот проживает в этом же доме, но в соседнем подъезде в квартире № 124. Слесаря не оказалось дома. Но жена сообщила, что видела из окна, как тот заходил в изрядном подпитии в соседний подъезд. Подумала, что пошел на вызов. Когда Рябинин спросил, как давно тот зашел в соседний подъезд, та сообщила, что

примерно 3 - часа назад. Потом совпали приметы слесаря с «подозреваемым вором из квартиры № 214».

Помощи ждать было неоткуда…

Пришлось вызывать МЧС. Мужик в клетчатой рубашке умолял не ломать дверь, а «войти» через балкон, так как он точно помнил, что не закрыл его.

Когда МЧСник попал в квартиру потерпевшего, на диване в обнимку спали два тела. Тот открыл замок изнутри, и на всякий случай предъявил обоих, тем что остались снаружи. «Дружина» опознала среди них «своего» и занесла его обратно. Слесаря пришлось доставлять по адресу проживания самому Рябинину. Того к счастью тоже опознали, поорали, слегка порукоприкладствовали (сильно побить «тело» жене Рябинин не дал, в знак мужской солидарности. «Типа с кем не бывает? Перепутал мужик квартиры. Ничего страшного не случилось»), и бросили на собственный диван почивать дальше.

Потом Рябинин мчался на кладбище. Поступило заявление от жены смотрителя кладбища. Что, тот больше суток не появляется ни дома ни на работе. Его телефон находился в не зоны доступа.

Опросив подробно жену и двух копщиков могил, Рябинин выяснил: что тот на кануне своей пропажи, в компании все тех же копщиков и одной веселой новоиспеченной вдовы, не то праздновал уход в мир иной, не то горевал по поводу кончины мужа оной, распивал спиртные напитки в своей «кон-

торе». Потом вдова решила на могиле почившего мужа произнести пламенную речь, чтобы он знал подлец, как портил жизнь веселой разбитной женщине, и не давал ей разгулять-ся по полной программе. Смотритель поплелся проводить «несчастную» женщину, чтобы она не сбилась с «пути праведного». Копщики допили последнюю бутылку, погоревали о том, что больше в ней ничего не осталось и разошлись по домам. Тем более что подул ветер, и полил сильный дождь. Больше смотрителя и вдову никто не видел. Выяснить, кто эта вдова, не удалось. Копщики оказались людьми с провалами в памяти и сногсшибательным перегаром. Но Рябинин настоял, чтобы те хотя бы показали место захоронения мужа «веселой вдовы». Показания разнились, но в итоге сошлись на том, что рядом был ручей. Пошли вдоль предполагаемого ориентира, то есть ручья. Через полчаса нашли нужную могилу.

Страшная картина предстала перед глазами оперативника и копщиков. Несколько могил у ручья размыло. На соседней могильной плите лежала женщина с разбитой головой. По позе Рябинин определил, что женщина скорее всего поскользнулась и упала, ударившись о край гранитной плиты. О чем свидетельствовала вдавленная рана на её виске. Рядом, в размытой могиле, полусидел-полулежал смотритель. Его правая нога провалилась в размытый грунт свежей могилы, а левая была придавлена гробом. Его застывшее лицо выражало животный ужас.

- Я конечно не эксперт, но думаю, что он умер от разрыва сердца. Подумал, наверное, что муж вдовы его к себе в могилу затягивает», - констатировал Рябинин.

- Видать сильно жену свою любил, раз с собой забрал, - икнул за спиной оперативника один из копщиков.

- Да… Дела… - подтвердил второй, почесав затылок.

Домой Рябинин попал глубоко за полночь. Уже поднимаясь к себе в квартиру, он вспомнил, что у него разбито стекло, и дома, наверное, собачий холод. А еще нет еды.

«Слава Богу, хоть свет есть. Чаю горячего выпью» - повернул он ключ в замочной скважине.

Дома оказалось тепло. Стекло вставлено. Карниз был на месте. И вообще все было аккуратно сложено, вымыто. На столе были приготовленные бутерброды.

- Молодец, Овечкина! – похвалил он свою помощницу.

Достал телефон, хотел позвонить ей, чтобы поблагодарить, но вспомнил, что уже второй час ночи и нажал кнопку отбоя.

Ночью опять ему снились какие-то дети. На этот раз они собирались переплывать широкую реку. Рябинин бегал вдоль берега и старался их не пустить, но они его не слушались. И как только он оттаскивал от воды одного, как тут же лез в реку другой. От отчаяния он кричал и звал на помощь. Но никто не реагировал на его крики. Дети разбегались в разные стороны и невзирая на запреты лезли в холодную во-

ду.

Глава 3
«Тяжелые роды»

В ночь стихии Тихомирову не спалось. Он вертелся с боку на бок и тяжело вздыхал. Не выходил из головы консилиум. После которого Андрей пошел к гинекологу и взял карту наблюдения своей жены.

«Как принять такое решение?» - размышлял он. «Я что Понтий Пилат? И вообще я больше не хочу принимать такие решения. Мне одинаково дороги и Настя и ребенок. И потом, гинеколог же сказал, что это чудо…» - в чем он сам убедился по снимкам УЗИ и анализам. «Ребенок стремиться выжить… В чем он виноват? В том, что так сложились обстоятельства? Правильно сказала Настя: «кто их сложил, эти обстоятельства?..»

Зазвонил стационарный телефон, но номер не определился.

- Алло?! – поднял трубку Тихомиров.

- Доктор! Срочно приезжайте, вопрос жизни и смерти…- раздался в трубке умоляющий женский голос.

- Что случилось? – спросил Андрей.

- Быстрее доктор! Улица Калинина 2А… - затрещало что-то в телефонной трубке и раздались гудки отбоя.

Тихомиров быстро оделся и спустился к выходу. На ули-

це лил проливной дождь, некоторые капли превращались в огромные лохматые снежинки, ветер бил в лицо и пытался не пустить за порог подъезда. Но Андрей не сдавался, он упорно шел к машине, которую пришлось припарковать в самом конце двора, потому что все места были заняты. Замершими руками он только с третьей попытки попал в личинку замка, потому что электронный замок не сработал. Машина тоже завелась не сразу. Дворники не успевали стряхивать водопад воды, лившийся с неба. Навигатор не работал.

Андрей позвонил в службу такси.

- Служба такси, приносит вам свои извинения, но в связи с погодными явлениями, мы не можем принять ваш заказ, - извинялся приятный женский голос.

- Тогда просто подскажите мне где находится улица Калинина 2А, - попросил Тихомиров. – Какие-нибудь ориентиры дайте.

- Минуточку… - попросил отсрочку приятный голос. – Это на выезде из города с западной стороны. Рядом автозаправка «Гермес», лесополоса и санаторий «Радужный».

- Спасибо, - поблагодарил Тихомиров диспетчера.

- Не за что, - отключилась трубка.

Почти час Андрей колесил по улицам ища нужный адрес. Вода лилась рекой по асфальту, от деревьев отрывались сухие ветки, вместе с прошлогодней листвой кружился и пластиковый мусор вытряхнутый ветром из контейнеров. Он налипал на стекла автомобиля Тихомирова, и тому приходи-

лось останавливаться и убирать его в ручную, так как дворникам это было не по силам. Наконец-то появилась лесополоса, дорога стала грунтовой, показалась заправка. Но вывеска была странная - «БЕНЗИН», вещала она, а автоматические аппараты были словно из фильма «Королева бензоколонки».

«Неужели такие ещё существуют?» - удивился Тихомиров и притормозил. В маленьком помещении заправки тускло горел свет. Андрей вышел из машины и постучал в окошко.

- Какой леший по такой погоде ездит? – услышал он недовольный голос.

Дверь открылась. На пороге стоял косматый мужик в растянутой майке, поверх которой была накинута засаленная до блеска фуфайка. В руке он держал горящую керосиновую лампу.

- *Чо тебе*? – дыхнул он на Тихомирова густым перегаром с луком.

- Я только спросить, - обрадовал он мужика. – Где-то здесь есть улица Калинина, мне нужен дом № 2 А. Не подскажите где это?

- Мужик, отодвинул свободной рукой Тихомирова, который судя по всему заслонял ему обзор, и уставился на его машину. Потом плавно перевел взгляд на самого Тихомирова и обсмотрев его с ног до головы спросил:

- *Ты чо иностранец?*

- Нет, - пожал широкими плечами тот.

- *А машина чья*? – снова уставился он на «Фольксваген тигуан» Тихомирова.

- Моя, - ответил Андрей.

- *Не нашинская. Заграничная*, - сделал вывод заправщик.

- Немецкая, - подтвердил Андрей.

- *Шпион?* – без всяких обиняков спросил мужик в фуфайке, поставив Тихомирова в тупик.

- Нет. Просто хирург-кардиолог.

- *Из профессорских что-ли?*

- Пока просто кандидат медицинских наук. Докторскую забросил, некогда…

- *А-а-а,* - протянул мужик.

- Так что там с улицей Калинина 2 А?

- *Так это роддом*, - почесал небритый подбородок бдительный заправщик. - *Вон там за поворотом справа*.

- Спасибо, - поблагодарил Тихомиров и сел в машину.

На углу двухэтажного обшарпанного здания действительно висела выцветшая табличка «Калинина 2А». Над входом массивные колонны держали хлипкий козырек с гипсовыми буквами «Родильный дом № 1».

«Даже не знал, что в нашем городе есть такой роддом» - подумал он.

Тихомиров вошел внутрь здания. За дежурным столом дремала пожилая санитарка в старомодном белом халате с завязками сзади. От ветра дверь сильно хлопнула, и она

встрепенулась.

- Вы куда, молодой человек? – загородила она своей грудью проход в коридор.

- Я доктор. Мне звонили, - ответил Тихомиров, и посмотрел на телефонный аппарат из карболита, который стоял на столе дежурной.

«Неужели такие еще сохранились?», - подумал он.

- А, слава Богу! А то мы тут вас уже заждались. Вон непогода-то разгулялась. Светопреставление прям какое-то, - побежала она в соседнюю дверь.

Через несколько секунд вышла оттуда уже с другой женщиной.

- Здравствуйте! – сухо поздоровалась та с Андреем. – Проходите! – пригласила она его в свой кабинет. - Сутки вас уже ждем.

- Мне позвонили только полтора часа назад, - попытался оправдаться Андрей. – Я сразу приехал.

- Странно… - недоверчиво посмотрела в его лицо женщина.

- Что случилось? – переключился Андрей на суть проблемы.

- А, вам что, не сказали? – снова удивилась женщина.

- Нет. Связь прервалась. Видимо из-за непогоды, - ответил он.

- Ладно. Все это позже, - сама себе сказала женщина. – Кстати меня зовут Людмила Григорьевна. Я главврач этого

роддома, протянула она свою руку Тихомирову.

- Андрей, - пожал её тот.

- А по батюшке, вас как величать? А то не солидно как-то, - внимательно рассматривала она Тихомирова, словно не верила, что он и есть тот самый доктор.

- Андрей Владимирович Тихомиров, - полностью представился он.

- Очень приятно. Так вот, Андрей Владимирович, проблема у нас такая, - похрустела она своими пальцами. – У нас старородящая. Женщине 46 лет. Это первый и единственный ребенок в семье. На ранней стадии прервать беременность по медицинским показаниям не случилось. Женщина считалась бесплодной. А прекращение женского детородного цикла, сама женщина, да и участковый врач сочли обычным угасанием функций. Ну вы меня поняли? – строго взглянула она на Андрея.

Тот кивнул, и главврач продолжила:

- Женщина не худенькая, да и токсикоза или каких-либо других симптомов, указывающих на беременность у неё не возникло. Были небольшие жалобы на ухудшение самочувствия, но терапевт всё списал на соматические нарушения, которые обычно бывают у людей в таком возрасте. Давление, одышка, небольшая стенокардия. В общем, лечащий врач поставил диагноз - «переутомление». Женщина работает директором школы. Её муж, - профессор, преподаёт в сельскохозяйственном институте. Одним словом, интеллигентная

семья. Два месяца назад она случайно упала с крыльца школы. У нее заболел живот, и открылось небольшое кровотечение. Вызвали скорую, но женщина от госпитализации отказалась: «ерунда мол, просто ушиб, сам пройдет. А в школе областная контрольная через два дня». Фельдшер «скорой» правда заподозрил пациентку в беременности, и в категоричной форме порекомендовал обследоваться и избавиться от ребенка. Так как предположил, что от такой беременности нельзя ждать ничего хорошего. Ребенок может родиться инвалидом или умственно отсталым, но пациентка его заверила что он ошибается, и она не может быть беременной.

Когда у женщины начались первые схватки, она подумала, что съела что-то несвежее и занималась самолечением. Пила активированный уголь, обезболивала схватки анальгином, даже грелку ставила и прочую несуразицу…

Так она промучилась три дня. Пока муж чуть бы не силой привез ее в больницу. Пока взяли анализы, пока определили в чем дело, прошли ещё сутки. Позавчера вечером ее привезли к нам. Выяснилось, что у пациентки целый букет различных заболеваний начиная артериальной гипотензией и тахикардией, и заканчивая почечной недостаточностью. При таких показаниях сами понимаете, - снова строго взглянула она на Тихомирова, - проводить кесарево сечение невозможно. А естественным способом она не может родить, у неё неправильное поперечное положение плода. Что делать? В моей практике, такое впервые.

- Я конечно не совсем понимаю, почему вы позвонили мне. У меня совсем другая специализация… - не успел закончить Андрей.

- Нам вас рекомендовали, как лучшего специалиста в своей области. Если бы нам нужен был врач-гинеколог, мы бы вас не пригласили, - все еще с недоверием смотрела на него главврач.

- Ну, хорошо, - согласился Тихомиров, - Дайте мне все её анализы, снимки УЗИ…

- Вот, - положила перед ним толстую старую карточку женщина.

Андрей быстро просмотрел подклеенные результаты анализов, но снимки не нашел.

- А где результаты УЗИ? – еще раз перелистал он карточку.

- Что? – переспросила женщина.

- Результаты ультразвукового исследования, - повторил Тихомиров.

- Молодой человек, вы не в экспериментальном медицинском институте города Москвы. У нас в больнице таких аппаратов нет. Я о чем-то таком читала, сонография или как там, ваше УЗИ, до нашей глубинки еще не дошло. Мы как-то все по-старинке, наощупь.

- Странно, - пожал плечами Андрей. – Везде есть, а у вас нет.

И тут он обратил внимание на дату рождения женщины,

записанную в колонке «сведения о пациенте»: 12 декабря 1911 года рождения.

- Сколько вы сказали этой женщине лет? – переспросил Тихомиров.

- Сорок шесть, - повторила главврач.

Андрей открыл свой блокнот и записал в него фамилию имя и отчество пациентки.

- Подскажите сегодняшнюю дату, а то я по командировкам мотаюсь, забыл не то что число и месяц, а даже год, - притворился он, и скривил губы в горькой усмешке.

Главврач посмотрела на часы. Был первый час ночи.

- Уже 17 января 1956 года, - снова строго взглянула она на Тихомирова.

- Могу я осмотреть пациентку? – закрыл он блокнот.

- Да, конечно, - указала на дверь рукой женщина.

Пока Тихомиров шел по коридору в палату где находилась пациентка, он прикидывал, в уме «почему он здесь?» Ведь еще на заправке он понял, что что-то здесь не так. Потом санитарка в старомодном халате, теперь пациентка, которая собирается родить. Ведь если она действительно 1911 года рождения тогда ей «сто лет в обед».

«А что если сейчас действительно 1956 год? Ведь был же я и в 1240-м при Александре Невском и в 1904-м в Японскую войну. Почему бы мне не оказаться в 1956-м?..»

- Проходите, - открыла перед Тихомировым дверь палаты главврач.

На кушетке лежала грузная женщина. Все ее лицо было покрыто багровыми пятнами, на лбу выступил пот. Она сжимала губы, чтобы не кричать в голос.

Андрей открыл свой чемодан-саквояж и достал электронные фонендоскоп и тонометр. Внимательно осмотрев пациентку и сделав какие-то записи в свой блокнот он задал той несколько вопросов о ее самочувствии. Дежурная акушерка и сама главврач с интересом наблюдали за Тихомировым. Теперь взгляд главврача стал мягче и уважительнее. После осмотра Андрей попросил собрать консилиум.

- Но кроме меня, двух дежурных акушерок и санитарки никого нет, - сообщила Людмила Григорьевна.

- Ну, а как насчет анестезиолога? – удивился Тихомиров.

- Нет, у нас такой должности. Когда нужно хирургическое вмешательство, то либо я, либо дежурный врач выполняем эту функцию.

- Понятно, - вздохнул Андрей. – Готовьте операционную, через два часа начинаем.

- Но ведь у пациентки куча противопоказаний, - уже в коридоре напомнила главврач. – А если пациентка скончается во время операции?

- С женщиной все будет хорошо, - успокоил её Тихомиров. – А вот с ребенком не знаю. Он слаб, но очень живуч. Пульс нитевидный, но достаточно систематичный. Без перерывов и замираний.

- А как быть с анестезией? – спросила Людмила Григо-

рьевна.

- Сделаем комбинированную, щадящую, - ответил Андрей. – Где у вас я могу подготовиться к операции? И если можно чашку кофе организовать я буду очень рад.

- Да, хорошо. Сейчас организуем. Пройдите прямо по коридору и направо, - показала главврач дорогу Тихомирову, а сама жестом подозвала санитарку и зашла с ней в свой кабинет.

Через двадцать минут Тихомиров пил советский натуральный растворимый кофе из граненого стакана в серебряном подстаканнике. На жестяной банке было написано «Министерство пищевой промышленности СССР»

Еще через полтора часа он вошел в примитивную советскую операционную, завязанный сзади в длинный белый халат, который пришлось в некоторых местах распороть, так как он был ему мал и сковывал движения.

- Начали, - скомандовал он. И операция началась.

Женщины-ассистенты внимали каждому его слову и предугадывали движения. Тихомиров оценил их подготовку на «отлично» и даже слегка позавидовал такому персоналу.

«Вот бы в наше время таких профессионалов. Которые по-старинке, на ощупь без УЗИ диагноз поставить могут, и так виртуозно владеют инструментами» - размышлял он.

Через полчаса на свет появился мальчик. Он был недоношенным и очень маленьким, у него не было ногтей, уши были словно вдавлены в череп. Его живот был надут слов-

но воздушный шарик и пульсировал. Казалось, что он вот-вот лопнет. Кожа на нем была почти фиолетовой. Акушерка бросила на него брезгливый взгляд, и завернув его в приготовленную пеленку, быстро унесла.

После операции Тихомиров присел на кушетку в ординаторской и сразу уснул.

- Андрей Владимирович! – тихонько потрясла за плечо доктора акушерка.

- А? Что? – не мог спросонья понять, что происходит он.

- Тут к вам пришли, - показала глазами на дверь женщина.

Тихомиров вышел в коридор. Там его ждал пожилой мужчина с цветами и коробкой конфет «Белочка».

- Здравствуйте доктор! – подбежал к нему он. – Я вам так благодарен. Не могу подобрать слов. Вы не только спасли мою жену, но и ребенка. Вы даже не представляете, какой вы сделали мне подарок. Спасибо вам! Огромное спасибо! – тряс он руку Тихомирова.

- Не за что. Это моя работа, - попытался высвободиться от мужчины тот.

- Нет. Нет. Никто не брался. Никто никаких прогнозов, тем более утешительных, не давал. Я грешным делом подумал, что все… Приготовился к худшему. А тут вы. Вы не только мою жену спасли, но и меня… Я не смог бы без нее… - всхлипывал мужчина и по его щекам катились слезы радости. – Я ведь о ребенке уже не мечтал. Мы с Машей и думать перестали об этом. И вот, тебе чудо. А ведь врачи говорили,

что не будет у нас деток. Маша и по бабкам-повитухам там всяким ездила, и к гадалкам ходила, - усмехнулся профессор и махнул рукой. - Ну слава Богу, всё обошлось! Спасибо, доктор!

- Ну, что вы! – успокаивал его Тихомиров. – Все хорошо! Ваша жена будет жить долго. Она сильная женщина.

Эта сцена продолжалась еще несколько минут, пока Тихомиров, чуть ли не силой передал новоиспеченного папашу в руки санитарки и разрешил тому навестить жену. Потом он снова вернулся в ординаторскую и сел на кушетку.

- Хотите еще кофе? – спросила его вошедшая главврач.

- Если можно, то с удовольствием, - улыбнулся уставший Андрей.

- Тут мужчина вам конфеты передал, - протянула она ему коробку с «Белочкой».

- Не нужно. Оставьте себе, чай с сотрудницами выпьете, - отказался он.

Главврач положила коробку на стол и вышла.

- Минут через десять будет кофе, - оглянулась в дверях она.

Андрей привалился затылком к стене, и как ему показалось на минуту закрыл глаза.

Глава 4
«Найди меня…»

- Рябинин! Срочно в отдел! – разбудил его дежурный. – Я знаю, что у тебя сегодня выходной, но Дорохов ногу сломал, в травмпункт повезли. Печенкина в линейный отдел отправили, там суицидник на рельсах. Овечкину уже вызвал. Через полчаса будет, - не дал вставить Рябинину ни слова он. Потому, что уже досконально его выучил. – Ребенок пропал!

- Сейчас приеду! – ответил оперативник.

В кабинете сидела пожилая женщина и вытирала слезы. Кира дала ей стакан воды, и пыталась получить от неё хоть какую-то информацию. Но женщина громко всхлипывала и не могла вымолвить ни слова.

- Отставить истерику! – громко приказал Рябинин. – Иначе мы не сможем приступить к поискам немедленно.

Женщина вздрогнула, замерла, и глубоко вздохнув, начала:

- У меня пропал внук 12 лет.

- Как зовут? – спросил Рябинин.

- Костя. Костя Захаров, - смахнула она слезу, чтобы Рябинин не заметил. - Вечером вышел погулять и не вернулся.

- Такое еще когда-нибудь было? – перебил ее оперативник.

- Нет. Это первый раз. Он в девять вечера всегда дома. А если задерживается, то обязательно предупреждает.

- Где его родители?

- Сын со снохой на Севере, вахтовым методом работают. Через неделю должны приехать. На отдельную квартиру

деньги зарабатывают.

- Друзья у мальчика имеются?

- Да. Коля Сидоренко и Витя Карпов. Но я уже у них была. Они сказали, что в половине девятого расстались и пошли по домам. И мой Костя никуда не собирался.

- Фотография есть?

- Да, вот, - вытащила из сумки снимок 9х12 женщина.

На Рябинина смотрел голубоглазый улыбающийся мальчик с субтильным телосложением и соломенными волосами. На вид ему было не больше десяти лет.

- Какой худющий, - констатировал Рябинин.

- Это прошлогодняя фотография, но он и не изменился особо, - сообщила женщина. – Вытянулся только на несколько сантиметров.

- Запишите адреса и телефоны его друзей, номер школы, класс, фамилию имя и отчество классного руководителя, родителей мальчика и других родственников, – протянул он женщине лист бумаги и ручку. – А телефон у него есть?

- Да, но он не отвечает. Когда Костя в девять не пришел домой, я стала ему звонить. Но телефон был отключен.

- Почему сразу в полицию не обратились?

- Так подумала, может вот-вот придет. Может у телефона батарейка села, а может поломался. А кода и в десять его дома не оказалось, стала бегать по соседям и друзьям. Подумала может засиделся у кого. Номеров телефонов их у меня не было. Знала только номера домов где они живут, и все. Пока

всех оббежала, потом подумала, может пока я его искала он сам домой пришел. Пошла домой, его нет. Вот тогда я и позвонила в полицию. Что же я теперь его родителям скажу? Не доглядела-а-а-а!... – вновь зарыдала она.

- Женщина, пишите! Не отвлекайтесь, - подвинул ближе к ней лист бумаги Рябинин. – Чем быстрее напишите, тем быстрее начнем поиски.

- Кира, поезжай с дежурным в тот двор где мальчишки расстались, посмотри камеры видеонаблюдения. Вдруг что-нибудь найдешь. А я пробью больницы, морги, посмотрю сводки происшествий.

На слове «морги», бабушка снова взвыла сиреной и залилась слезами.

- Во что был одет ваш внук? – спросила Кира, чтобы прекратить снова начавшуюся истерику.

- Синяя болоньевая куртка, черные джинсы, синие кроссовки, шапка, вязанная черная с отворотом. Вот тут надпись иностранная белыми большими буквами, - показала на свой лоб женщина.

- Какая надпись? – снова спросила Кира.

Женщина напряглась, сморщила лоб, но вспомнить не смогла.

- Не знаю, - пожала она плечами. – Какая-то спортивная фирма.

- Адидас? – решила помочь ей Кира.

- Вроде нет, - помотала головой женщина.

- Пума?
- Нет…
- Найк?
- Не помню…
- Ладно, разберемся, - взяла Кира адрес и вышла.

Камеры наблюдения, установленные на продуктовом магазине и въезде на платную парковку, картины пропажи не прояснили. На них были видны несколько мальчишек, игравших в футбол на детской спортивной площадке. Как и утверждали свидетели, в 20.30 они разошлись по домам. Костя пошел один в направлении своего дома и скрылся за углом. Дальше была «слепая зона». Но на другой камере, расположенной на аптеке он так и не появился.

Кирой и Рябининым были опрошены десятки предполагаемых свидетелей, но их показания разнились, поэтому ничего конкретного выяснить не удалось. Провизор аптеки видела мальчика с мужчиной, но это было не в 20.30, а примерно около 19.00. Продавец-консультант утверждала, что мальчик около 21.00 в синий куртке болтался около магазина и «стрелял» у прохожих сигареты, но на вид ему было лет 15. Охранник на платной стоянке утверждал, что мальчик шел один, но в противоположную сторону, цвет куртки он не разглядел, а кроссовки на нем были «девчачьи» ядовито-зеленого цвета. Поэтому он его и запомнил. Во сколько это было он не помнил, может быть и до 21.00, а может быть и после 22.00.

Прочесали совместно с волонтерами и участковым все дворы, гаражи, подвалы и чердаки близлежащих домов, но мальчика не нашли.

- Сейчас бы твой гадальный маятник пригодился, - тяжело опустился на скамейку у очередного подъезда рядом с Кирой Печенкин, который теперь тоже был подключен к поиску.

- Да, возможно и пригодился бы, - согласилась Кира. – Но его больше нет.

- Используй интуицию, - посоветовал Рябинин, внезапно появившийся из-за угла. – Иногда мы не доверяем ей, а наделяем предметы различной мистической силой. А на самом деле это наша интуиция, - вклинился он в их разговор.

Кира не знала, что ответить и промолчала.

- Вот фотография пацана, - протянул он ей снимок.

- Я видела, как он выглядит, - не взяла его девушка.

- А, я тебе его не смотреть даю, а почувствовать. Улавливаешь разницу? – почти воткнул снимок мальчика в руку Киры Рябинин.

Кира внимательно смотрела на улыбающееся светлое лицо, но ничего не чувствовала. Через несколько минут она вернула снимок оперативнику.

- Не могу. Не получается.

- Но ведь прошлый раз смогла, значит и теперь сможешь, - не отставал тот от девушки.

- Прошлый раз у меня был маятник.

- Маятник здесь не причем. У тебя есть эти способности и

без маятника. Тебе просто надо научиться ими пользоваться.

- Я не умею. Не могу! Не получается! – рассердилась Кира.

- Ладно, все по домам. Все равно уже темно и очень поздно. Мы уже двое суток на ногах. Отдыхать и набираться сил.

- А, как же мальчик? Вдруг он нуждается в нашей помощи, а мы вот так всё бросим и пойдем спать? – недоумевала Кира.

- Поверь моему опыту, если мы его не нашли до сих пор, и никто не потребовал за него выкуп. Значит он уже мертв. И когда мы найдем его тело, сегодня или завтра, для него уже не имеет значения.

У девушки на глаза навернулись слезы.

- А, вдруг он жив?! – воскликнула она.

- Если бы он был жив, мы бы его уже нашли, - притянул к себе девушку Рябинин. – Стажер Овечкина, прекратить лить слезы! Это не профессионально! Если ты будешь вот так переживать каждый раз, у тебя не хватит ни сил, ни здоровья заниматься расследованием. Тогда тебе прямая дорога в адвокаты по гражданским делам.

Печёнкин бросил недовольный взгляд на Рябинина, и взяв телефон, сделал вид будто собирается кому-то звонить.

- Всё! Всем отсыпаться! Сбор завтра в 10.00. Печёнкин проводи девушку. А мне еще в одно место нужно заскочить, - направился к своей машине Рябинин.

Кире, как сироте недавно выделили однокомнатную квар-

тиру. И она туда сразу же переехала. Планов было множество: поклеить обои, купить мебель, посуду, уютный текстиль, но воплотить их в жизнь все никак не получалось. Поэтому на окне до сих пор висела газета месячной давности, вместо кровати был надувной матрас. Одежда была аккуратно сложена на двух стульях. Хорошо хоть имелась старенькая газовая плита, маленький холодильник «Саратов» без дверки на морозильной камере и кухонный стол с хромой ножкой. Но и это для Киры было раем. Не было соседей по комнате, очередей в ванную и на кухню. Можно было развешивать белье на всю веревку и никому при этом не мешать.

Когда Печёнкин в очередной раз задержал ее руку в своих теплых ладошках и заглянул своими влюбленными глазами в её. Она сказала:

- Леша, ты очень хороший парень. Ты умный, надежный, красивый, сильный. И я знаю, как ты ко мне относишься, но прошу тебя не возлагай на меня никаких надежд. Я их не оправдаю. Тебе нужно ухаживать за другими нормальными девушками. Создать семью, завести детей и быть счастливым. Со мной у тебя не будет ничего.

- Странно устроена жизнь… - не отвел своих глаз Печёнкин. – Мне кроме тебя никто не нужен… А Рябинину не нужен никто, кроме его работы… А тебе никто кроме него… Я прав?..

- Прав… Только даже если я ему вдруг стану нужна… Все равно ничего не будет… - выдернула Кира свою руку и во-

шла в подъезд.

От усталости есть совсем не хотелось. Но она заставила себя выпить маленькую баночку йогурта, отломила от плитки шоколада небольшой кусочек и пошла в душ.

Потом, лежа на мягком, надувном матрасе, она размышляла над словами Печёнкина, но усталость взяла над ней верх, и она провалилась в сон.

…Вокруг нее была темнота, холод и сырость. Свет пробивался несколькими пучками откуда-то сверху. Недалеко лаяла собака и гудел поезд. Неожиданно на её шее появились чьи-то холодные руки и стали душить. Кира вырывалась, пыталась закричать, но не могла. Что-то яркое блеснуло в глаза, она прищурилась и поняла, что сейчас умрет. Последнее, что увидела девушка через круглое отверстие сверху – это были голые деревья и черная труба.

- Мне холодно… Найди меня…. Найди… - услышала детский голос Кира, и резко проснулась.

- Сон… Это только сон, - стала она приходить в себя.

Попыталась уснуть ещё. Но так и не смогла. Снова думала то о Рябинине, то о словах Печёнкина, потом о своем страшном сне.

Кира не стала дожидаться 10.00 и уже в 7.30 была на работе. Она была удивлена застав там и Рябинина с Печёнкиным.

- Что не спиться? – спросил Рябинин девушку. – Ну тогда за работу. Какие у кого еще есть версии? Где мы ещё не искали? – окинул он взглядом своих стажеров.

- Мне сегодня приснился странный сон, будто я в какой-то яме, - передернула плечами девушка ощутив, как по её коже побежали неприятные мурашки.

- В какой яме? – задержался взгляд оперативника на лице девушки.

- Не знаю…

- Где эта яма находилась? – стал заострятся нос Рябинина, а глаза сузились в хитром прищуре, что было верным признаком его крайней заинтересованности.

- Не знаю… Мне там было холодно и сыро, словно в могиле.

- Так, хорошо. Ты видела еще что-то? Дорогу? Дома? Деревья? Что-нибудь?

- Свет был сверху, словно пробивался через что-то. Такими ровными лучиками. Еще я в отверстие сверху видела ветви деревьев и какую-то черную трубу.

- Что-нибудь еще? Вспоминай. Может быть звуки… - не успел договорить Рябинин.

- Да. Собака лаяла и поезд гудел, - прервала его Кира.

- Отлично!

- Что-то еще? – понял Рябинин, что девушка что-то не договаривает.

- Да… Меня задушили…

- Ты видела кто это был?

- Нет. Было очень темно.

- Труба… - задумался оперативник обхватив одной ру-

кой свой подбородок, а пальцами другой стал барабанить по крышке стола. – Труба - это зацепка! Как она выглядела?

- Черная, длинная. Обычная. Как на котельной.

- Печёнкин, дай карту нашего района, - сдвинул папки на край своего стола Рябинин, чтобы расчистить место. - А, какую-то часть здания ты видела? Ну там кирпич, блок, может быть цвет постройки?

- Нет. Только трубу, - не понимала Кира, что тот от нее хочет.

Печёнкин расстелил карту на столе оперативника.

- Значит искать нужно около котельных, - стал рассматривать карту Рябинин. – В нашем районе их… начал считать он. – Восемь… Около железной дороги… Четыре… Ближе всего к месту где пропал мальчик… Две… Эта и эта, - обвел он изображенные на карте здания простым карандашом. – Едим! – скомандовал он, и все пошли к машине.

- Вы что, всерьез думаете, что мне приснилось место где находиться мальчик? – недоумевала Кира.

- Тело мальчика, - поправил ее Рябинин. – Ты же сама сказала, что его задушили.

- Я вам рассказывала свой сон, только и всего. И во сне душили меня, а не мальчика.

- Возможно, это что-то вроде проекции. Ты представила себя на его месте, и поэтому видела смерть его глазами.

Обследовав местность в районе двух котельных, ни волон-

теры ни полицейские так ничего и не нашли.

– А дым с трубы в твоем сне шел? – посмотрел оперативник на Киру.

- Нет. Дыма не было.

- А, что если предположить, что это не котельная. А какое-то старое заброшенное здание. И его на карте нет. Карта-то современная, - предположил Печёнкин.

- Правильно мыслишь, - поддержал его Рябинин. – Давайте разделимся на три группы. Берем каждый по несколько волонтеров и обследуем район в относительной близости от железной дороги. – Кира ты в какой квадрат пойдешь? – развернул перед девушкой карту он.

- Не знаю. Куда скажите…

- Сама выбери, - не собирался отступать Рябинин.

- Ну, хорошо. Пойду вот в этот, - ткнула ручкой в правый угол она.

- Договорились. Я иду сюда, - ткнул он в центральный район, а Печёнкин сюда, - обвел место поиска в левом углу оперативник.

По дороге Кира мысленно обращалась к мальчику:

«Костя, помоги мне тебя найти» - уговаривала она его.

«Костя, подскажи где тебя искать?»

Когда Кира вышла из служебного автомобиля, её тут же неудержимо потянуло в старый сквер.

- Девушка! - окликнул ее один из волонтеров. – Там нуж-

ны болотные сапоги, - смотрел он на ее кроссовки. – И мы там уже были, каждый сантиметр исследовали.

- Хорошо. Вы тогда идите направо, а я туда, - кивнула она в сторону сквера. - Я постараюсь аккуратно, - улыбнулась она.

- Одну я вас туда не отпущу, - тоже улыбнулся волонтер. – Пойдем вместе. - Влад, Настя, Кирилл, вы идете вдоль железнодорожного полотна до восьмого квадрата, туда по левой стороне, обратно по правой. Прочесываем по пятнадцать метров в каждом направлении. Встречаемся здесь же. Сергей, Миша, Женя, Таня, вы в том же порядке справа от сквера, - распорядился он.

Когда обе группы волонтеров разбрелись в разные стороны, молодой человек представился.

- Меня Павлом зовут, а вас?

- Кира, - пожала она его протянутую руку.

Вошли в заросший сквер. После проливного дождя со снегом земля была очень влажная. Приходилось перепрыгивать с кочки на кочку, чтобы вода не затекала в кроссовки.

- Да, с обувью я как-то не рассчитала, - согласилась Кира.

- Пойдемте вот сюда, - показал Павел на тропинку идущую по кромке небольшого канала, - тут относительно суше.

Кира сделала шаг в указанном направлении и замерла на месте.

«…*Найди меня… Я здесь*…» - услышала она голос в своей голове.

- Нет… Нужно идти туда, - решительно наступила она в воду. И уже не выбирая дороги пошла в глубь сквера.

Павел удивился, но последовал за девушкой.

- Здесь, когда-то до революции были барские конюшни. А вон там в парке был ипподром. Но в начале двадцатых годов прошлого века, ипподром экспроприировали, скаковых лошадей раздали комиссарам, конюшни разорили. Ипподром и парк заросли бурьяном. Перед отечественной войной правда хотели из конюшен сделать котельные и построить здесь кирпичный завод, но не успели, началась война. Все строительные силы перекинули на другие нужды. Так с тех пор всё тут и стоит в запустении, - сделал Павел краткий экскурс в историю. – Вон там, одну из конюшен выкупил и восстановил фермер, - показал в противоположном направлении волонтер. - Он там кур и перепелок разводит.

- Вы историк? – спросила Кира.

- Да. Учусь в аспирантуре на историческом факультете.

- Слышите собака лает? – прислушалась девушка.

- Ну, да это с птицефермы. Я вам говорил… - не успел он закончить предложение.

- А, где эти заброшенные конюшни? – шла словно напролом Кира.

- Ну, так вы идете прямо к ним. Тут конечно есть тропинка справа, но в обход, а вы идете напрямик. Вон там за теми деревьями они и находятся, - показал вдаль Павел.

Кира посмотрела в этом направлении и не поверила своим

глазам. Вдалеке за ветвями деревьев чернела труба… Она ускорила свои шаги.

- Осторожнее, там с права канал размыло, и вода местами стоит по пояс, - предостерег ее волонтер.

Но Киру это нисколько не волновало, она словно ищейка взявшая след почти бежала не разбирая дороги. Павел еле поспевал за ней.

Внезапно остановившись Кира сообщила парню:

- Это где-то здесь. Тут должно быть что-то вроде канализационного люка.

- Да. Точно! - вспомнил Павел. – Здесь должен быть подземный канал, по нему из конюшен на близлежащие поля смывали лошадиный навоз и другие продукты их жизнедеятельности. Я про него совсем забыл.

Кира закрыла лицо руками и на несколько секунд замерла.

- Он где-то здесь, - стала она ногами шевелить траву и старые сухие ветки.

Через пару минут её нога уперлась во что-то твердое. Она наклонилась и руками стала отбрасывать в сторону сучья и комья промерзшей земли. Под ними показалась старинная проржавевшая решетка.

- Это тут. Помогите мне! – позвала она парня.

Вместе с Павлом они подняли решетку. На дне глубокой ямы, свет фонаря выхватил синюю ткань болоньевой куртки...

С помощью волонтера Кира спустилась в яму. Мальчик

лежал на спине широко открыв глаза, в них отражались голубое небо, голые ветви деревьев и остов черной трубы. В яме было очень холодно и сыро. Тело мальчика до самого лица было в воде. На шее характерные следы от удушения. Кире стало плохо. Её на несколько секунд охватила паника. Но она сумела взять себя в руки.

- Я нашла тебя, Костя… - прошептали её губы.

Рябинин с одним из волонтеров оказались у ямы буквально через пять минут.

Когда Киру и тело мальчика извлекли из ямы она поинтересовалась, как это они так быстро здесь появились, на что Рябинин ответил:

- Мы просто шли за тобой. Я был уверен, что ты знаешь где его искать.

Глава 5
«Умалишенный пациент»

- Андрей! Андрей! – кто-то тряс Тихомирова за плечо.

- А? Что? - встрепенулся тот.

Он как дымку стал прогонять до боли знакомый образ.

- Вика? Ты же умерла? Что ты здесь делаешь? – не верил своим глазам Тихомиров.

- Это я в твоем мире умерла, а здесь я живу дальше, - ответила девушка.

Теперь Тихомиров заметил, что его сестренка действи-

тельно повзрослела и похорошела.

- Ты уже совсем невеста, - улыбнулся он ей.

Девушка тоже улыбнулась в ответ, так показалось Андрею, потому что от нее повеяло теплом.

- Ты просто представляешь себе этот образ. Здесь все так, как ты себе представляешь.

- Я что тоже умер? – спросил он, и удивился этому факту.

- Нет. Ты не умер. Ты принял неправильное решение. Меня просили передать тебе…

- Что передать? – не мог взять в толк, что с ним происходит Андрей.

- Всё может повториться… - стала исчезать как растаявший туман девушка.

- Что повториться? – не понял Тихомиров. Он хватал образ сестры за полы ее одежды, но она все равно растворилась в воздухе.

- Андрей Владимирович! Андрей…

Открыл он глаза, и увидел санитарку с чашкой кофе.

- Вы кофе просили, - поставила перед ним на стол чашку и блюдце с печеньем женщина.

- А,-а-а, да… - окончательно проснулся он. – Спасибо.

Тихомиров обнаружил себя лежащим на кушетке и укрытым тонким одеялом.

- Уже, что утро? – удивился он, и принял положение сидя. – Не помню, как отключился… За последнее время впервые хороший сон приснился…

- Ты, сыночек, так крепко спал, что я не стала тебя будить. Людмила Григорьевна не велела, - направилась к выходу пожилая женщина. – А что приснилось то? – спросила она.

- Сестренка младшая, - ответил Тихомиров.

- Давно не виделись? – не отставала от него санитарка.

- Давно… Она умерла почти десять лет назад…

- Сочувствую… Покойники обычно к перемене погоды сняться, - перекрестилась санитарка и вышла из ординаторской.

С утра осмотрев пациентку, Андрей сделал некоторые записи в её карточке. Потом осмотрел ребенка. Его сердце билось без перебоев. Ребенок изо всех сил стремился выжить. Его кожа из фиолетовой превратилась в серую.

- Что это с ним? – спросил он.

- Сама не знаю. Я его только протерла влажной марлей, и он сразу потемнел. Какой урод, - скривилась молоденькая медсестра, видимо только что заступившая на смену.

- Нельзя так говорить, - сделал ей замечание Тихомиров.

- Не думаю, что из такого вырастит что-то путевое, - передернула она своими плечиками. Потом завернула его в чистую пеленку и унесла из смотровой в детскую палату.

- Доктор, вас там к телефону требуют, - прибежала санитарка. – Говорят срочно.

- Странно, - сам себе под нос буркнул Тихомиров и вышел вслед за женщиной.

- Алло! Тихомиров слушает, - взял он трубку, лежащую

на столе. В ней что-то затрещало, защелкало…

- Алло! Вас не слышно! Говорите громче, - попросил он.

- Андр…. ….вич, нужна ваша конс….тация. Это сро….. Приезж…. Запиш… адрес. Ул…ца Буден….о 48. – прервалась связь.

- Откуда звонили? – обратился он к санитарке.

- *Кажись из милиции… Но не буду утверждать, там все время что-то булькатило, я не расслышала*... – ответила санитарка.

- А откуда они знают, что я здесь? – скорее сам себе задал он вопрос.

- На то она и милиция. Ей положено знать всё, - пожала плечами санитарка.

- А где улица Буденного? – положил он трубку телефона на аппарат.

- Это в центре. За заправкой направо, потом вдоль стекольного завода. Там спросите.

- Спасибо. Мне нужно ехать. Там просили срочно, - извинялся Тихомиров, перед персоналом роддома, за свой быстрый отъезд.

- Да, да, конечно. Спасибо вам огромное за помощь, - поблагодарила его главврач. – А, я наконец-то домой попаду, выспаться надо, - вручила она ему его саквояж. – Удачи вам доктор, и еще раз огромное спасибо.

На обратном пути Тихомиров попал в жуткий туман. Не было видно ничего. Ему пришлось останавливаться несколь-

ко раз и ждать, пока туман не рассеется. Наконец-то показалась заправка, но почему-то она оказалась современнее лет на двадцать, чем была ночью. Еще Андрея смущало то, что ему повсюду попадались только отечественные автомобили, причем их модификация была уже конца 60-х начала 80-х годов.

Народу на улице не было. Словно все жители вымерли, или сидели по домам. И вот – удача. Ему навстречу шла женщина. Он остановился и спросил, где нужная ему улица. Тихомиров повернул, куда ему указала женщина. Проехал метров триста, и машина заглохла.

- Этого еще не хватало, - расстроился Андрей и вышел из автомобиля.

- Скажи до улицы Буденного далеко? – спросил он у девочки лет девяти играющей в соседнем дворе в классики, потому что больше на улице никого не было.

- Ну, если через дворы, то почти рядом, - улыбнулась она Тихомирову. – Хотите покажу?

- Хочу, - согласился тот.

Они прошли в глубь двора, где был частично завален старый кирпичный забор. Потом шли по узкому переулку до другой дыры в очередном заборе.

- А, вам на той улице что надо? – спросила девочка.

- Честно сказать, я не знаю. У меня только адрес – Буденного 48, - сообщил Андрей.

- А, так это милиция. У меня там старший брат работает, -

улыбнулась девочка. – Вон тот желтый дом, и есть милиция, - показала она на угловое здание.

- Спасибо тебе, - поблагодарил ее Андрей. – А как тебя зовут? – спросил он её.

- Валя, - ответила девочка.

- А, меня Андрей Владимирович, - улыбнулся он в ответ.

- Вы тоже милиционер? – спросила она.

- Нет, я доктор. Спасибо тебе еще раз, - достал он из кармана несколько конфет и отдал девочке. – Беги домой, а то тебя родители потеряют.

- Не потеряют. Они на работе, - помахала ему рукой девочка и пошла обратно разглядывая конфеты в ярких фантиках.

По улице Буденного номер 48 действительно был отдел милиции. «Министерство внутренних дел СССР по Зареченскому району…» прочитал Тихомиров вывеску при входе.

В помещении на стене висел календарь 1985 года с изображением рок-группы «Земляне».

- Кошкин, пять раз тебе сказал, сними этот плакат. Начальство с отпуска выйдет, выговор тебе вкатает, - отчитывал дежурного коренастый офицер с небольшими залысинами и усами.

- За что, товарищ капитан? Чем календарь то ему не понравится? – возмущался тот.

- Не любит он этих «патлатых», они ему неблагонадежны-

ми элементами кажутся. Полковник, человек старой закваски. Если бы ты Кобзона или хотя бы Лещенко повесил, тогда бы еще ничего. А еще лучше Толкунову или Сенчину, все глазу приятно, на красивых женщин смотреть. А эти что? Тьфу на них, - сплюнул капитан. – Короче, сказал сними! Через полчаса приду проверю.

- Слушаюсь… товарищ капитан, - нехотя отдал честь младший лейтенант и вышел из «дежурки».

- Извините, товарищ лейтенант, - обратился к нему Тихомиров, - мне тут звонили. Просили срочно приехать. Моя фамилия Тихомиров, я врач… не успел договорить он.

- А, да. Меня предупреждали… Товарищ капитан! – крикнул он вслед удаляющему офицеру. – Тут доктор приехал, - кивнул он в сторону Тихомирова, когда тот оглянулся.

- Здравия желаю, - вернулся он и протянул руку Тихомирову. – Ждем, вас. Ждем. Пройдемте… - показал он в конец коридора.

Когда вошли в пропахший табачным дымом кабинет, Андрей спросил:

- Подскажите, а с какой целью меня пригласили?

- Тут одного странного типа задержали, нужна ваша консультация. Вы проходите присаживайтесь, - указал ему на старый деревянный стул капитан. - Кстати разрешите представиться, моя фамилия Митрофанов.

- Тихомиров, - представился Андрей.

Митрофанов поднял трубку телефона, постукал пальцами

по клавишам и положил обратно, потом вышел в коридор и крикнул дежурному:

- Кошкин! Когда у меня уже телефон починят? Сколько раз тебе еще нужно напомнить, чтобы ты вызвал мастера.

- Я вызвал. Но придет он только на следующей неделе. У него много работы, - огрызнулся Кошкин.

- А у меня мало?! Тогда иди сам и позови конвойных.

- Я не могу пост оставить. У меня на столе Инструкция № 7 пункт 9, подписанная вами, - никуда не спешил Кошкин. – Зачитать?!

- Иди к черту! – выругался Митрофанов. – Позвони Доронину, пусть зайдет ко мне, - вошел он в кабинет.

- Его нет! Он на выезде! – крикнул Кошкин из «дежурки».

- Твою дивизию, - выругался Митрофанов. – Сам пойду.

- Вы тут пока посидите, я быстро, - обратился он к Тихомирову.

Когда тот вернулся через десять минут в кабинет вместе с задержанным, у Тихомирова чуть челюсть не отвисла от удивления.

- Вот, этот человек утверждает, что он из будущего, - взял за плечи Печенкина тот, и с силой усадил его на стул.

- Доктор! Вы меня заберете отсюда? Эти люди меня не отпускают. Говорят, что я сумасшедший. Не верят мне… - зашептал он. - Ну вы то знаете, что я нормальный. Правда доктор? - Печенкин сделал глупое выражение лица и чуть бы не кинулся на шею к Тихомирову.

Митрофанов отстранил «пациента» от доктора, и покрутил указательным пальцем у своего виска, – Он утверждает, что вы его знаете.

Тихомиров «завис» на несколько секунд, обдумывая, чтобы такого сказать, чтобы ему поверили, а Печенкина отпустили.

- Да, товарищ капитан, это мой пациент Печенкин Алексей. Я это подтверждаю, - был сама любезность Тихомиров. – Он как бы сказать… - встал со стула и подойдя ближе к Митрофанову, зашептал тому в ухо, - не в себе, - подмигнул он Печенкину, чтобы капитан не заметил. - Стресс у него был. А сейчас весна, обострение пошло. Он вообще-то смирный. Отпустите его. Я за ним присмотрю и все необходимые обследования проведу, и домой сопровожу.

- Ну, если вы за него ручаетесь? И оставите расписку. Я, пожалуй, его отпущу под вашу ответственность, - просиял Митрофанов. – Паспорт у вас с собой?

- Да-а-а…, - ответил Тихомиров, и увидев напрягшееся лицо Печёнкина, тут же осекся, – вспомнив, что паспорт у него нового Российского образца, а машина 2010 года выпуска. И в паспорте стоит его настоящая дата рождения. А в 1985 году он ещё не планировал появится на свет. «Слава Богу, что я не подкатил сюда на своем фольксвагене», - мысленно обрадовался он.

Театрально похлопав себя по всем карманам, Андрей изобразил страдальческую гримасу и прискорбно сообщил,

что забыл документы в машине, которую сдал в автосервис на ремонт.

- Сегодня я уезжаю на конференцию, - стал импровизировать на ходу Тихомиров. – у меня поезд через три часа. Я сейчас в автосервис и сразу на вокзал. Приеду только на следующей неделе. Пусть он у вас тут пока посидит, - кивнул он на Печенкина. – А то я не успею его сегодня забрать.

Печёнкин напрягся и часто заморгал, пытаясь изобразить из себя истеричного больного. Он быстро с помощью своих слюней и пальца размазал по щекам «слезы» и заканючил:

- Дяденька, милиционер, отпустите меня пожалуйста с дяденькой доктором. Я больше так не буду… - выпятил он нижнюю губу.

Митрофанов с брезгливостью посмотрел на Печёнкина, постоял в замешательстве несколько секунд и махнул рукой.

- Ладно забирайте сейчас. Зачем он мне тут целую неделю нужен. Что мне с ним делать? Вы же говорите он не буйный?

- Нет, - заверил капитана Тихомиров. – Он иногда фантазирует, говорит всякие глупости. Но для социума он совершенно безопасен.

- Ладно, - согласился Митрофанов, - пишите расписку и забирайте.

Через полчаса шли в обратном порядке через дыры в заборе к машине Тихомирова.

- Как ты тут оказался? – спросил он Печенкина, когда они вышли на улицу.

- Сам не пойму. Мы с товарищем капитаном, ну с Рябининым короче, вели расследование по делу пропавшего мальчика. Приехали с волонтерами в район железной дороги искать тело. Егор Александрович, почему-то был уверен, что его тело находиться в том квадрате. Ну мы с волонтерами разделились и пошли прочесывать местность. Я вошел в лесопарковую зону и заблудился. Не знаю, как такое может случиться? Что ты входишь в один лес, а через пять минут оказываешься в другом? – развел руками Печёнкин.

- Ладно опущу полемику. Короче выхожу из леса, и меня встречают оперативники. Я тогда еще удивился, что они до сих пор на старом УАЗике ездят, и одеты как-то, ну не посовременному что-ли, - почесал затылок Печёнкин.

- Они меня спрашивают, что я тут делаю? Я им объясняю, что пропавшего пацана ищу. Они мне говорят, что они тоже. Потом спросили из какого я района? Я им ответил. Они мне: «А-а-а, так ты и есть наше усиленное подкрепление. Нам звонили говорили пришлют толкового оперуполномоченного в помощь». Короче выдали мне командировочные и комнату в общаге. В общем, я тут уже почти две недели околачиваюсь. Дело как оказалось серьезное, под стать нашему. Тоже дети пропали…

- И что? Все эти две недели ты не понял, что находишься в прошлом? – перебил его Тихомиров. – Как они тебя вычислили?

- Понять-то я понял, выбора-то у меня всё равно не было.

Я даже включился в расследование, пока не попался дотошный участковый, который попросил меня предъявить документы.

- И что? – торопил Тихомиров.

- Ну, до него у меня их никто не читал. Я быстро раскрывал свои «корочки» и тут же быстро их закрывал. Данные мои записывали под мою диктовку. Мы с вами сейчас находимся в таком времени, что люди еще верят друг другу. Главное в документе фото и печать. Я их большим пальцем закрывал, чтобы двуглавого орла видно не было и голограмму.

- И что потом? – перелез через низкую ограду Тихомиров.

- Ну, этот участковый, и говорит мне: «Я не разглядел ваше удостоверение. Будьте любезны предъявите его еще раз». Ну я его опять быстро раскрыл и закрыл. Он мне: «Оно у вас не действительно». Короче не соответствует требованиям… «Что это у вас за странная печать?» Ну и пошло-поехало. «В графе «дата выдачи» у вас стоит подозрительная дата. Где вы его взяли? Что это за бланк? Почему фотография цветная? Где ваш паспорт?...»

- И что тебя, вот так просто отпустили? Не сочли, что ты иностранный шпион? – усмехнулся Тихомиров, вспомнив заправщика с бензоколонки.

- Вот тут-то и начинается «мое сумасшествие», показал кавычки пальцами Печёнкин. – Я выхватил свое удостоверение из рук участкового и побежал. Он за мной. Но у меня разряд по легкой атлетике и боксу, а у него одышка, корот-

кие ноги и большое пузо. Короче не догнал он меня. Удостоверение и паспорт я спрятал. В киоске купил обложку для удостоверения, на печатной машинке в отделе у оперативников напечатал себе «документ», приклеил туда свое новое черно-белое фото и шлепнул штамп отдела кадров, который свел вареным яйцом. И еще какое-то время ходил с ним, пока опять случайно не нарвался на этого участкового.

- А, как ты узнал, что я здесь? – поинтересовался Тихомиров.

- Вот это точно нереальное совпадение. Участковый оказался из этого отдела. Меня сюда под белы рученьки доставили. И чтобы мне выкрутится, я стал изображать из себя сумасшедшего, типа «человека из будущего». Рассказал им про распад Советского союза, про вывод войск из Афганистана, про чеченскую войну, про черного президента Обаму в США. Они мне конечно не поверили. Изъяли «документ», посмеялись над участковым, типа «ему на каждом шагу шпионы мерещатся», а здесь просто «умалишенный» развлекается. Капитан Митрофанов стал звонить по всем психиатрическим больницам и в итоге приехали вы. Я сам чуть дар речи не потерял, когда вас увидел.

- Слушай, я где-то здесь машину свою оставил. Вроде бы в этом дворе, - растерянно смотрел по сторонам Тихомиров. – Но её тут нет.

- Точно в этом? – тоже стал смотреть по сторонам Печёнкин.

- Кажется да. Куда она делась? – достал ключи из кармана Тихомиров и нажал на кнопку, в надежде услышать отклик.

- Может угнали? - почесал подбородок Печёнкин.

- Не знаю, не должны, у меня противоугонная сигнализация стоит, - снова положил ключи в карман Тихомиров.

- Вы еще скажите, что у вас GPS установлен, - усмехнулся Печёнкин.

- Да. А что? – не понял его иронии тот.

- Нет, ничего. В это время их использовали только военные. Простые граждане не имели представления что это такое.

- И что делать? В милицию заявлять? – остановился Тихомиров.

- Ага, пропала автомашина фольксваген, какого она кстати года выпуска? – усмехнулся Печёнкин.

- 2010, - ответил тот.

- У меня тут «машину времени» 2010 года выпуска угнали. Я на ней проездил всего ничего каких-то 3-4 года, совсем новая, с GPS, с климат контролем с системой фильтрации, с электронным блоком управления….

- Понятно – перебил его Тихомиров. – Можешь не продолжать. И перестань мне ВЫкать.

Обойдя еще несколько соседних дворов, так и не найдя автомобиля парни зашли в пирожковую.

- У меня деньги только современные, - шепнул на ухо Печёнкину Тихомиров.

- У меня есть целых двадцать рублей. Это целое состояние по этим временам. На еду хватит, - подбодрил того Печёнкин.

Съели по пирожку с картошкой запили сладким чаем.

- Как ты думаешь, зачем мы здесь? – спросил Тихомиров, когда они вышли из пирожковой.

- Наверное, нам надо найти этого урода, который детей убивает, - пожал плечами тот.

- Ну, тогда введи меня в курс дела, - попросил Тихомиров.

- Суть дела такова, - начал Печёнкин. - Уже три года. А точнее с 1982 по 1985 год в городе пропадают дети. Некоторых находят мертвыми, со следами насилия, задушенными или растерзанными. Дети обоих полов, возраст детей от 5 до 14 лет. Но был случай, когда пропала девочка двух с половиной лет. Ее тело так и не нашли.

- Но если она не вписывается в эту возрастную категорию, возможно она пропала по другим причинам? – спросил Тихомиров.

- Возможно. Но и версию маньяка отрицать нельзя. Кто знает, что у него в голове.

- Ты прав. Большинство маньяков совершенно вменяемы, их абсолютно не отличить от обычных людей. Отклонения у них обычно проявляются на почве физической или психической травмы. Потенциальных жертв маньяка объединяет либо типаж жертвы, либо возраст, либо внешний вид, либо какие-то другие объединяющие или раздражающие его фак-

торы. Что объединяет наши жертвы, кроме возраста? – пристально посмотрел на Печёнкина Тихомиров.

- Пожалуй ничего, - пожал плечами тот.

- Время убийства, место, способ? – загнул по очереди пальцы на своей руке Тихомиров.

- Время с 7.30 утра до 23.00 вечера. Место… Больше всего пропало в Зареченском – три ребенка, по два в Куйбышевском и Свердловском. Но в двух случаях это были Ленинский и Центральный районы. Про способы я говорил. Каких-то предпочтений не было. Видимо все зависело от жертв маньяка. Если ребенок сильно сопротивлялся и кричал, то его душили, если же преступник чувствовал себя в полной безопасности, то над жертвой издевались долго.

- И что ты по этому поводу думаешь? – спросил Тихомиров.

- Если честно, то не знаю, что думать. Тем более теперь, когда мы вне закона. Кто нам эти сведения даст, покажет результаты экспертизы, разрешит вести расследование? – сел на скамейку Печёнкин.

- Задача, однако, - сел рядом Тихомиров. – Надо подумать, - вздохнул он.

- С общежития теперь меня, наверное, попрут. И вообще туда нельзя. Где жить будем? Чем платить? – поставил локти на колени и положил на них голову Печёнкин.

- Можно пойти вагоны разгружать или двор мести, - предложил Тихомиров. – там документы не спрашивают. Поверь

моему опыту, - успокоил его Тихомиров. – Заработаем, проживем.

- Ночевать где будем? – спросил Печёнкин.

- Пошли на вокзал. Если не найдем подходящего жилья, переночуем в зале ожидания.

- Пошли, - встал Печёнкин.

Им повезло, у вокзала стояла пожилая женщина и торговала цветами.

- Не подскажите жилье здесь никто не сдает? – спросил ее Тихомиров.

- На долго? – поинтересовалась женщина и стала пристально рассматривать парней.

- Пока на неделю, а там видно будет, - ответил он.

- Деньги то у вас есть? – продолжала она их изучать.

- А, сколько надо? – полез в карман Печенкин, и якобы невзначай «засветил» советский червонец.

- За неделю пять рублей сойдет. Только предупреждаю жилье не в центре, на окраине, удобства на улице. Деньги вперед, - стала накрывать цветы влажной марлей цветочница.

- Хорошо, - согласился Тихомиров. - Только нам сейчас надо.

- Пошли, - взяла корзинку женщина. - Документы имеются? – взвалила она её на плечо с помощью толстой лямки.

- Имеются, - достал из кармана свой паспорт Тихомиров и на манер Печёнкина, открыл и быстро закрыл его, чтобы

женщина не успела рассмотреть документ.

- Это хорошо. А то всё одна шелупонь со справками об освобождение попадается.

Ехали на автобусе минут сорок, до конечной остановки. Потом шли минут пятнадцать, пока не показался старый низкий домик крытый старым шифером, с заросшим прошлогодним бурьяном двором.

- Ну, вот и хоромы, - вставила ключ в навесной замок женщина. – Проходите в хату, - открыла она дверь перед своими квартирантами.

Внутри оказалось уютнее чем с наружи. Дом состоял из двух комнат и кухни. Главное в доме было две кровати, чистое белье, и водопровод.

Хозяйка открыла газовую колонку и через пятнадцать минут в доме стало еще уютнее.

- Вон там во дворе за сараем банька есть. Воду с дому сами натаскаете. Ведро под навесом возьмете. Дрова за сараем. Только смотрите, баню мне не спалите. На алкашей вы вроде не похожи. Если придет Рогожкин, скажите, что вы мои племенники, то есть Клары Захаровны Кульковой. Моего двоюродного брата сыновья. Запомнили?

- Да. А кто это Рогожкин? – спросил Тихомиров.

- Это моей кумы брат. Участковый он. Нудный до зубной боли. Но вы его не бойтесь, он не с этого участка. И тут он редко появляется. Может и не свидитесь. А если что на меня все валите. Придет мол тетка, сама все расскажет. Ну, все.

Давай пять рублей, - протянула она руку к Печёнкину. - Через неделю загляну. Не съедите, еще пять рублей готовьте.

Печёнкин достал пять рублей и отдал хозяйке.

- А магазин здесь есть поблизости, - спросил он.

- Да. На соседней улице, у остановки, - засунула она пятирублевку в карман передника и направилась к двери. – Будите уходить двери замыкайте, ключ кладите вот сюда, - показала она выступающий косяк входной двери. – Он у меня один.

- Хорошо, - согласился Тихомиров.

- Ключи под тазиком, пароль тот же, - улыбнулся Печёнкин.

- Какой пароль? – не поняла женщина.

- Никакой. Это мой товарищ так шутит, - постучал кулаком по своему лбу Тихомиров, показывая Печёнкину, чтобы тот думал прежде чем так шутить.

- И чтоб баб не водили, не пили, соседей не донимали, и хату в порядке содержали. А то отдельную плату взыму, - закрыла она за собой дверь.

Тихомиров с Печёнкиным сходили в магазин купили нехитрых продуктов. Разносолов в те времена не было. На прилавках оформленные под торты с розочками и листочками лежали маргарин и топленный жир. Из колбасы была только копторговская полукопчёная за 7 рублей 20 копеек за килограмм. Такая роскошь им сейчас была не по карману. Купили булку хлеба за 20 копеек, треугольный пакет моло-

ка, банку кильки, шпроты, пачку чая, килограмм бубликов и сахар. Кофе в магазине не оказалось, ровно, как и чая в пакетиках.

Поужинав, стали рассуждать о том, что им теперь делать, и как выпутаться из сложившейся ситуации.

- Я думаю, что дело, что вы ведете с Рябининым, связано с делом, что расследуют сейчас. Так было и с Антоновым, и с делом полтавской гадалки, - предположил Тихомиров.

- Наверное, вы… - осекся Печёнкин, и тут же поправился, - ты прав.

У входной двери послышалась какая-то возня, потом кто-то заскребся в дверь и заскулил. Печёнкин открыл её, и в комнату вбежал лохматый беспородный пёс. Он не обратил никакого внимания ни на Тихомирова, открывшего от удивления рот ни на стоящего в дверях Печёнкина с отвисшей челюстью.

- Батон?! – наконец обрел дар речи Печёнкин. – Откуда ты взялся?

Пёс подбежал к столу, поставил на него передние лапы и стал стаскивать на пол оставшуюся от ужина еду.

- Фу, Батон! Нельзя! – закричал на него Печёнкин.

Но собака не обращала на него никакого внимания. Печенкин попытался выхватить из его пасти полбулки хлеба, но пёс отбежал от того на некоторое расстояние и принялся быстро не жуя, проглатывать огромные куски.

- Оставь его, видишь он голодный, - остановил погоню Ти-

хомиров. – Твой что ли? – посмотрел он на Печёнкина.

- Да. Только как он тут оказался? Я его дома оставил, калитку запер. Хотя, что ему эта калитка. Он везде выход найдет, даже там, где его нет в принципе. Не пёс, а сплошное наказание, - сетовал Печёнкин.

Тихомиров поставил на пол банку с оставшейся килькой. Пёс жадно до блеска вылизал её, и уставился жалостливо-тоскливыми глазами на Тихомирова, косясь на кулек с сушками.

Тихомиров кинул сушку, тот поймал ее на лету и туту же не жуя проглотил.

- Ты, что вообще его не кормил? – неодобрительно посмотрел в сторону стажера Тихомиров. – Он есть как пылесос.

- Кормил утром, две недели назад, когда пошел пацана в лес искать. С тех пор я его не видел.

- А-а-а, так он что, из будущего? – наконец стало доходить до Тихомирова, откуда взялся пёс.

- Ага, - кивнул Печёнкин. – Интересно, как он меня нашел?

Скормив половину кулька сушек собаке, Тихомиров сообщил, что он устал и пошел спать.

- Не было печали, так черти накачали, - посмотрел на грязного пса Алексей. – Пошли в баню, помою тебя, чудовище лохматое.

Пёс почесал задней лапой за ухом, и нехотя поплелся за

хозяином.

Глава 6
«Командировка»

Весь оставшийся день, Рябинин не мог дозвониться Печёнкину. Все волонтеры вернулись, а стажер пропал. Вечером ни дома ни на работе он так и не появился. Хозяин квартиры, где проживал Печёнкин, сообщил Рябинину, что тот с утра ещё ушел, а следом за ним, и пёс его сбежал.

- До сих пор нет обоих. Хотя на пса это не похоже. Уже бы раз пять пришел свою миску проверить, и залез к соседям кур погонять, и котов на деревья загнать. Этакого пса держать и врагов не надо. Это же сплошное разорение и безобразие. Сам в полиции служит, а его пёс наипервейший бандит, прямо рецидивист какой-то. Его ни привязь не держит, ни цепь, ни забор, ни дверь. Он же из любого заточения выйдет и снова пойдет нашкодит. Вот, были новые штаны, почти неношеные – снял с забора в качестве доказательства какую-то тряпку мужик и стал показывать её Рябинину. – *А этот мафиозий их изничтожил.*

- Говорил своему квартиранту сто раз, что такого ушлого пса усыпить надо. Пол зарплаты ведь каждый месяц раздает соседям за его пакости…

- Спасибо за информацию я понял, - прервал хозяина квартиры Рябинин. – Как он появится, я ему скажу, чтобы

он принял меры в отношении своей собаки, - пообещал он, и сунул свою визитку словоохотливому мужику. – Как появится Печёнкин, либо сами мне позвоните, либо ему передайте, чтобы он со мной срочно связался.

- *Ага, примут они меры… С этим псом сам чёрт не совладает…* - поплелся в дом хозяин. – *Его даже специальные службы отловить не смогли… Ни пуля, ни отрава этого триклятого пса не берут…*

Рябинин ехал домой и думал о том, что ему ещё Печёнкина не хватало искать. И предвкушал, что если завтра его стажер не появится на работе, то его самого Еремеев порвет на адмиралтейский флаг. А если появится, то сам Рябинин разорвет его как пёс соседские штаны.

- Кира, ты сделала запросы по этому делу?

- Да, Егор Александрович. На два уже пришли ответы, - открыла папку на своем столе Овечкина.

- Вот список осужденных, за подобные преступления – протянула она лист с двенадцатью фамилиями Рябинину. – Из них некий Фоменко Пётр Игоревич, освобожден в прошлом году и проживает по соседству с убитым мальчиком. Опергруппа уже везет его сюда. А вот из архива пришло, - протянула она еще один лист своему начальнику. – Здесь фамилии пропавших детей за последние два года. Все эти дети пропали в нашем городе и пригороде. Всем им было от 6 до 14 лет. Преступления не были раскрыты, трупы, или сами дети не были найдены. Так что Егор Александрович, это ка-

кой-то маньяк орудует.

Рябинин взял список из рук девушки там было 18 фамилий и адресов.

- Ничего себе, тут почти целый класс, - запустил он в свою капну волос руку и взъерошил их, словно так ему было легче думать.

- Вот, заданье тебе, - стал он ходить взад-перед по кабинету, - по всем этим фамилиям к концу дня полный отчет, - положил он оба листа перед девушкой. Подробно кто, когда, где, при каких обстоятельствах… Понятно?

- Так точно, я уже начала, - показала она оперативнику три исписанных листа.

- Молодец. Я сейчас на допрос к Фоменко, потом будем думать, что делать дальше. Может быть нам улыбнется удача, и ты окажешься права… Хотя интуиция мне подсказывает, что… - не успел договорить Егор, как зазвонил стационарный телефон.

- Рябинин слушает, - взял он трубку.

- Так, Кира, план меняется, - обратился он к девушке, когда повесил трубку на место. - Первое задание остается в силе. Второе, - ты сама проведешь допрос Фоменко. Ты справишься, я в этом уверен. А я на очередное место преступления.

- Что случилось? – спросила девушка.

- Найден труп пожилой женщины, - ответил Рябинин.

- А, почему вы едите? – удивилась Кира, - пусть другая

группа съездит. У нас дело посерьёзнее.

- Дело в том, что труп обнаружен по адресу пропавшего мальчика. Вдруг это как-то связано, - накинул куртку на плечи оперативник и вышел из кабинета.

Осмотр места преступления никаких особых зацепок не дал. 75-летняя пожилая женщина была соседкой и подругой бабушки убитого мальчика. Иногда она присматривала за ним, когда тот был помладше. На теле женщины были обнаружены следы от удушения. Квартира не была взломана. Хозяйка сама открыла дверь и впустила преступника. Следов борьбы не было обнаружено. Преступление произошло днем, когда все соседи были на работе. Никто ничего не слышал и не видел. Ценных вещей у женщины не было. Деньги были на сберкнижке. Возможно какая-то небольшая сумма и находилась дома, но сколько там было денег и где они лежали, никто не знал. Обнаружила труп все та же бабушка убитого мальчика. Когда пришла к той поплакаться и пожаловаться на жизнь. Дверь была запертой, и соседка звонила ей и в дверь, и на стационарный телефон целый день, но та не брала трубку. Из дома по словам подруги она практически не выходила. Продукты и лекарства дочь или внуки ей привозили. С сыном и его семьей она не ладила, так как тот был запойным алкоголиком. Других родственников у пожилой женщины не было. Раз или два в месяц она ходила только в поликлинику, сдавать анализы.

- Егор Александрович, я тут завещание нашел, - протянул один из оперуполномоченных документ Рябинину.

«Я Леонова Людмила Сергеевна… завещаю свою квартиру и… своей дочери Пономаревой… » - прочитал тот.

- Так может это обиженный сынок, пришел и укокошил мамашу, - предположил лейтенант.

- Скорее всего, - согласился с ним местный участковый. – У них две недели назад конфликт был. Соседи меня вызывали. Вот протокол, - достал тот из своей папки документ.

- Ну, что ж везите его к нам, - распорядился Рябинин. - Где он проживает?

- В соседнем районе, вот адрес, - достал из своей папки листок с адресом участковый.

- В мусорном ведре упаковка от пирожных, шприц и вскрытая ампула магния сульфата, - показал Рябинину, и запечатал в специальную упаковку криминалист найденные предметы. – Еще чек из магазина на 220 рублей.

- Она часто вызывала «скорую», страдала гипертонией и сахарным диабетом, - сообщила соседка по лестничной клетке. – Вот и накануне, дня два назад, у нее подскочило давление, и дочь вызывала ей неотложку. Я как раз из магазина шла.

- Ну, что какие новости? – спросила поздно вечером Кира, когда появился Рябинин.

- Ровным счетом никаких. Сын убиенной, ничего не пом-

нит. Вторую неделю пьет не просыхая. Походу он даже не понял по какому поводу его арестовали. Ну, ничего, посидит в КПЗ протрезвеет, вспомнит. А у тебя что?

- Фоменко клянется, что к убитому мальчику не имеет никакого отношения. И я ему верю, - ответила Кира.

- Я его помню. Он очень хитрый и осторожный тип. Может соврать и даже бровью не поведет, - предостерег Рябинин девушку.

- Я увлекаюсь психологией и бихевиористикой. И я бдительно наблюдала за его реакцией и жестами. Он не врет. А если и врет, то тогда он очень хорошо притворяется и его не распознает даже детектор лжи, - возразила Кира.

- Чем, чем ты увлекаешься? – переспросил ее Рябинин.

- Бихевиористикой, - повторила Кира. – Так называется наука о поведении.

- Рябинин, начальник вызывает, - заглянул в открытую дверь дежурный. – Что у тебя с телефоном? Никто дозвониться тебе не может.

Егор достал из кармана телефон, потыкал пальцем по кнопкам, экран не реагировал.

- Батарейка села. Забыл зарядить, - засунул он его обратно в карман, и вышел вслед за дежурным.

Еремеев расхаживал по кабинету заложив за спину свои пухлые руки.

- Что у тебя с телефоном?! – рявкнул он, когда Рябинин вошел в кабинет.

- Разрядился, товарищ майор, - ответил тот.

После дела Самохиных, Еремеева так и не повысили в звании, на что тот очень рассчитывал. А, наоборот, его кресло изрядно закачалось. Элита, поверившая в возможность бессмертия и ожидавшая вечную молодость не простила ему такого вероломства. А он в свою очередь злился на Рябинина. Хотя с одной стороны он был рад разоблачению преступников, но с другой его угнетало, что он опять отодвинут от очередного звания на неопределенный срок. А ведь все так хорошо начиналось…

Сам Самохин, обещал ему продвижение по службе, если тот найдет его дочь. А в итоге так подло подставил, что теперь о повышении можно забыть на ближайшие годы, если еще не «выпрут» досрочно на пенсию.

- Вот читай, - протянул он Рябинину бумагу за подписью министра МВД.

- Командировка? – удивился тот, когда быстро пробежал глазами по ней.

- У нас тут своих дел невпроворот, а они тебя требуют, - злился Еремеев.

- Но тут не написано, что именно меня. Здесь нет моей фамилии, пошлите Куприянова, он только что из отпуска вышел. Написано: «*Командировать трех опытных работников…*» - прочитал вслух Рябинин.

- Это в письме так написано, а потом позвонили и рекомендовали прислать именно тебя, - пощелкал свои паль-

цы-сардельки Еремеев.

- А, кто позвонил? – спросил Егор.

- Откуда я знаю, - развел руки в стороны майор. – В телефоне что-то все время щелкало и булькало, я точно расслышал «убедительную просьбу министерства», - показал на свои погоны тот. – Надеюсь тебе не надо объяснять, что значит «Убедительная просьба»? Так что бери своих стажеров и завтра в область. Документы и все прочее возьмешь у дежурного.

- А, как же мое расследование? – не понимал Рябинин, что ему делать.

- Передашь Куприянову. Отдохнул, пусть теперь поработает. А, Овечкина пусть его в курс дела введет. Она девка толковая.

- А, к чему такая срочность? Объяснили хотя бы зачем? – все еще упирался Рябинин.

- Нет, не объяснили!!!

Теперь Рябинин понял причину негодования начальника отдела.

- А, как долго продлиться командировка? – спросил оперативник. – Мне тёщу в известность поставить надо. Она с моей дочерью сейчас на море в санатории.

- Рябинин, откуда я знаю? Написано в бумаге черным по белому: «*До особых распоряжений*», - процитировал документ Еремеев. Так тебе понятней?

- Разрешите выполнять?

- Выполняй! – плюхнулся на стул начальник. – Куприянова ко мне позови. А то у меня с телефоном, какая-то беда. И дежурного пришли, черт знает, что с этим телефоном…

Выехали уже ближе к обеду. Машина резво неслась по только-что отремонтированной дороге.

- Егор Александрович, а как же Печёнкин? – складывала Кира в папку командировочные документы на троих.

- Я к его соседу заезжал, передал для него информацию. Появиться, перезвонит или приедет.

- А если с ним, что-то случилось? – беспокоилась девушка.

- Если на третьи сутки не объявится, тогда и будем переживать, а пока нет повода для беспокойства. Только вторые пошли. Я думаю, что с ним все в порядке.

- Интуиция? – спросила Кира.

- Она самая, - улыбнулся Рябинин.

Небо затянуло черными тучами, начал накрапывать мелкий дождь. Через полчаса он усилился и уже лил так, что дворники еле успевали сбрасывать потоки воды с лобового стекла. Дорога заметно испортилась и была почти пустой, только изредка встречные автомобили подмигивали противотуманными фарами. Через час дорога и вовсе превратилась в проселочную. А еще через час на ней появились глубокие колеи и встречные машины больше не появлялись.

- Что за ерунда? – остановился Рябинин. – Кира, достань

атлас автомобильных дорог. Посмотри мы правильно едим?

Кира по дороге заснула и теперь не сразу поняла, что произошло.

- Навигатор отключился в дождь, - пояснил Рябинин. – Телефон не работает. Да и по этой дороге я ездил раз двадцать. Я её знаю, как свои пять пальцев. Но сегодня с ней явно что-то не так. Она была асфальтированной.

- Может её ремонтировать собрались, и сняли старый асфальтный покров, - предположила Кира.

- Не исключено, - подхватил идею Рябинин. – Но тут же задумался. – Она была шире. И потом, она бы была ровной, по ней бы грейдер прошел. А тут смотри какие колеи, словное ее тут никогда не было.

Кира открыла атлас.

- А, где мы сейчас находимся? – спросила она.

- Где-то здесь, - ткнул пальцем в изображенную трассу Рябинин.

- Значит через пару километров должен быть населенный пункт под названием Ивантеевка, - показала Кира.

- Ну, что ж давай проверим, - тронулся с места Рябинин.

Проехали меньше километра, и машина встала. Приборы показывали, что закончился бензин.

- Странно, я перед отъездом заправил полный бак, - не понимал Рябинин причину внезапной остановки. – По моим подсчетам, должно остаться по крайней мере две трети бака. И еще одна странность, последние 2 часа мне не попалась ни

одна заправка.

- Что будем делать? – посмотрела в глаза Рябинина девушка.

- Придется до Ивантеевки пешком идти. Раздобудем бензин поедем дальше, - предложил Рябинин. – Я бы оставил тебя в машине, но мало ли что за время моего отсутствия тут с тобой произойдет. И я не смогу тебя защитить. А еще и связи нет. Поэтому идем вместе. Будешь под моим присмотром.

- Я бы и не осталась здесь одна, - вышла из машины Кира. – Хорошо, что дождь прекратился, - взяла она свою дорожную сумку и атлас автомобильных дорог.

- Ты же Кирея, повелительница стихий. Захотела, чтобы дождь закончился, он и закончился, - достал свою сумку и документы из бардачка автомобиля Рябинин. Закрыл машину и протянул руку Кире. - Пошли, - помог он ей перепрыгнуть через большую лужу.

Глава 7
«Старшина Петров»

Последнее время Антонов был свидетелем многих загадочных происшествий. Поэтому он уже ничему не удивлялся. Не удивился он и тому, что встретил в лесу своих друзей, которым помог заключить в алабастроне Амалиэля. Не удивился и тому, что снова оказался в лесу, по которому шел в направлении части за подмогой, чтобы вызволить из волчьей

ямы своего конвойного Василия.

Пока шел в указанном им направлении, вспоминал, как они с Тихомировым наткнулись на дозорных. И как Тихомиров неожиданно исчез. Потом стал припоминать детали своего знакомства с красноармейцем.

- Эй, боец! Скажи который сейчас год? – спросил его тогда Антонов.

- Иди, не выспрашивай у меня ничего. Я красноармеец, а никакой-то там болтун, - подтолкнул дулом ППШ в спину его тот.

- Слушай, Василий! Тебя же Василием зовут? – решил все-таки разговорить своего конвойного Антонов. – Я русский человек… Свой, советский, - добавил он для убедительности. - И убегать я не собираюсь. Скажи мне просто, какое сегодня число и год. Это же не секретная информация? Неужели ты думаешь, что шпионы не знают, какой идет год? Ведь большинство людей земного шара живет по григорианскому календарю.

- По какому? – переспросил боец.

- По григорианскому, - повторил он.

- Я не знаю, по какому календарю живут все. Лично я живу по нашему советскому календарю. Ясно тебе?! Морда шпионская!

- Я же у тебя не спрашиваю про твое оружие и расположение части. Я и так знаю, что твой новенький ППШ – это советскийпистолет-пулемёт, разработанный в 1940 году

конструктором Шпагиным. И что он имеет заряд калибром 7,62, максимальная дальность 500 метров и скорострельность 1000 выстрелов в минуту. Я у тебя спрашиваю, какой год? Война с немцами уже началась или ещё нет?

- Какая ещё война? – споткнулся о кочку Василий. – А-а-а, так ты провокатор?! Теперь понятно, чего ты к нам приперся. Плохо тебя учили твои хозяева, однако. Раз ты не знаешь, что у нас мир с немцами подписан. Ничего, сейчас я тебя доставлю куда следует, и командир наш с тобой разбере… - не успел договорить Василий, как провалился в яму.

- Эй, служивый? Ты где? – не понял тогда, что произошло Антонов. Плащ-палатка бойца осталась, а сам боец пропал.

Откуда-то с низу из-под земли раздались стоны, а потом русский отборный мат.

- *Стой! Стрелять буду если убегёшь*! – пригрозил Василий из ямы.

- Да не собираюсь я убегать. С тобой там все в порядке? – успокоил его Антонов.

- *Я не скажу тебе…*

- Ну и не говори. Сиди там до скончания века.

- *Эй, я сейчас стрельну! Если ты уйдешь…*

- Стреляй. Нарушай свою секретность. Пусть твой командир накажет тебя за то, что ты устроил провокацию. Открыл огонь, упустил шпиона, рассекретил свою часть.

- *Помоги мне выбраться*, - уже более мягко обратился Василий к Антонову.

Антонов промолчал. Он думал, с помощью чего ему можно будет достать горе-воина.

- *Эй, я скажу какой год, тогда ты меня вытащишь?* – начал торговаться Василий.

- Я и так знаю, что 1941, - ответил Антонов. - Ты мне уже всё рассказал.

- *Я тебе ничего не говорил*, - послышались нотки страха в голосе красноармейца.

- Я догадался. Если ППШ разработан в 1940 году, а немцы еще не напали на Советский союз, но ты меня провокатором назвал, значит сейчас май или начало июня 1941 года, - спустил толстую ветку в яму Антонов. – Держись крепко. Попробую тебя вытащить.

- *Я не достаю, до неё*, - пытался дотянутся до ветки Василий.

- Ну, так подпрыгни, - настаивал Антонов.

- *Да, не могу я*, - ответил поникшим голосом красноармеец, - *я кажись, ногу сломал.*

- Так какого лешего ты мне сразу об этом не сказал? – возмутился Роман.

- *Боялся, что убёгнешь.*

- Теперь не боишься?

- *Боюсь. Деваться только некуда. Придется довериться*.

- Ладно, сейчас я что-нибудь придумаю, - успокоил его Антонов. – Темно только, ни черта не видно.

- *Я тебе сейчас фонарик брошу… Если смогу…*

Больше часа Антонов пытался вызволить своего конвойного, но ничего не получалось.

Пошел сильный дождь и уже в конец смирившийся Василий тяжело вздохнул. Антонов хотел сбросить в яму плащ-палатку, но Василий возразил.

– *Яма вырыта в бок, на меня дождь не капает. Сам оденься, а то захвораешь. Я здесь на вещмешке посижу, а ты иди на заставу, помощь приведи*.

Так Антонов и оказался около дома Натальи Кравчени, где нашел своих друзей. Но оставаться с ними он не мог, ему нужно было спасать Василия. Тот ему доверился, и Антонов боялся его подвести. Он был уверен, что вернется, туда куда должен.

***

- Стой! Кто идет! – послышалось из-за соседних кустов. – Пароль?!

- Ночь коротка, - назвал пароль Антонов. – Отзыв?! – спросил в свою очередь он часового.

- Зато день долог, - ответили ему. – Проходи!

- Мне нужен старшина Петров, - обратился к часовому Антонов. – Где его можно найти?

- Иди вдоль канавы, там в низине палатка стоит.

- Спасибо.

- Закурить есть? – спросил часовой.

- Не курю. Бросил, - ответил Антонов.

Палатка была привалена валежником и Антонов не сразу её нашел.

- Ты Петрова ищешь? – послышался голос справа от Антонова.

- Я, - ответил он.

- Ну, я Петров. Что тебе надо? И кто ты такой? – рассматривал его красноармеец слегка склонив голову на бок и прищурив глаза. – Документы имеются?

Из всех документов у Антонова имелся лишь просроченный студенческий билет с полинявшей печатью, выданный медицинским институтом несколько лет назад.

- Я к вам за помощью. Меня конвоировал рядовой Василий Муравейко. Он и сержант Прокопенко задержали меня в нескольких километрах от вашей заставы. Сержант Прокопенко приказал Муравейко доставить меня к вам. Чтобы вы разобрались, - объяснял Антонов.

- И где он сам? – перебил его Петров.

- Прокопенко? Или Муравейко?

- Ну, раз Прокопенко отдал команду конвоировать тебя, значит сам он остался на своем посту, я так полагаю, - сделал старшина логический вывод. – А вот где Муравейко, мне очень интересно?

- Он в волчью яму провалился. И послал меня к вам за помощью. Я пытался его вытащить, но не смог. Он ногу сломал.

- Значит, этот идиот, рассказал где меня нужно найти. Рассказал пароли и прислал врага в расположение части. А остальные идиоты, даже документы не спросили? И позволили пройти, - раздулись ноздри старшины. – А теперь, ты мне тут басни рассказываешь, что он сломал ногу и ждет в волчьей яме? И думаешь, что я такой же идиот, как они? Что я вот так «куплюсь» на твои россказни и пойду вызволять этого героя? Так вот! – выкрутил он фигу в лицо Антонову. – Там наверняка засада или провокация. Так что тебе не удалось сбить меня с толку.

- Зайцев! – крикнул он в темноту.

- Я, товарищ старшина! – выпрыгнул из-за дерева еще один красноармеец.

- Арестовать! – кивнул он в сторону Антонова.

- Семёнов!

- Я, товарищ старшина! – выбежал из палатки коренастый сержант с круглым лицом.

- Посты проверить, пароли сменить. Привести ко мне Прокопенко, ну и если найдется Муравейко, то тоже ко мне незамедлительно доставить. Только я думаю, что он не найдется.

- Почему? – спросил сержант.

- Ну или этот его убил, а тело в лесу спрятал. Или это очередная проверка на бдительность. И его нам потом выдадут, как захваченного языка.

- Иди вперед! – подтолкнул Зайцев винтовкой в спину Ан-

тонова.

- Отставить, арестовывать! – передумал Петров. - Отведи его в палатку. И смотри в оба, на случай если бежать вздумает.

- Есть, отставить арестовывать и смотреть в оба! – кивнул Зайцев Антонову в сторону палатки, приглашая его следовать приказу.

- Я не вру, - крикнул вслед удаляющемуся Семенову, Антонов. – Муравейко действительно в яме. Там рядом холм, и высокая сосна. От вашей заставы около километра на юг. Хотите на карте покажу?

- Обыщи-ка его, - приказал Петров красноармейцу.

- Какие-то бумаги при нем. И вот корочки странные, - развернул он студенческий билет Антонова.

Петров посветил фонариком на фотографию, потом в лицо задержанного.

- Похож, - рассмотрел ещё раз уже в палатке тот его фотографию.

В палатке было душно. На импровизированном столе из сколоченных досок стояла керосиновая лампа, спичечный коробок и две железные кружки. Справа и слева от стола, так же сколоченные из досок стояли две лежанки. Вместо матрасов на них были еловые ветки, покрытые шинелями, вместо подушек вещмешки.

- Ну, рассказывай, кто тебя послал? Зачем? Почему к нам?

- Никто меня никуда не посылал. Я шел по лесу, а тут ваш

пост. Меня арестовали, а дальше что было я вам уже рассказал, - не знал, как нужно поступить, и стоит ли рассказать всю правду, мучился Антонов.

- Как ты в лесу оказался? – раскрыл еще раз студенческий билет и стал внимательно его рассматривать старшина.

Антонову хотелось есть и пить, и он невзначай несколько раз посмотрел в пустую кружку. Петров заметил это.

- Зайцев, чаю организуй, и кашу спроси. Может с ужина осталась?

- Есть! – развернулся и вышел из палатки красноармеец.

- Я, Роман Антонов, студент медицинского института. Хирург. Я из «светлого» будущего, - решил форсировать события он, пока Зайцев вышел.

- Да, документ у тебя действительно странный, - положил его на стол Петров. – Но его ведь можно и подделать? Тем более за границей. Я видел их глянцевые журналы, на политзанятиях показывали. Так что сделать такой документ им раз плюнуть. И скрепки вишь какие из нержавейки, не как у нас. И чернила странные и печать не наша. Тут двуглавый орел изображен, как при царе батюшке. А эти записи, что обозначают? – положил перед Антоновым он несколько вырванных листов из блокнота Рябинина, которые тот машинально засунул себе в карман. – Это что шифровка? – тыкал он своим пальцем в символы, которые Антонов расшифровывал в доме полтавской ведьмы. – А одежда на тебе чья? – разглядывал он грязные джинсы и кроссовки Антонова. – Заграниц-

ная? Вон и надпись на штанах иностранная.

- Я не вру вам. Я действительно из будущего. Я не могу вам объяснить, как я тут оказался. Потому что сам не знаю, - старался как можно спокойнее говорить Антонов.

- Интересная история, прямо сказка какая-то. Ну, и как там в будущем? – иронизировал старшина.

- 22 июня в 4 часа утра Германия нападет на Советский союз. Начнется Великая Отечественная война. Продлиться она 4 года. Только 9 мая 1945 года, Советский союз разобьёт фашистов. В марте 1953 года умрет Сталин. К власти придет Никита Сергеевич Хрущев. В 1957 году в космос полетит первый искусственный спутник. А 12 апреля 1961 года на космическом корабле «Восток» вокруг земли за 108 минут сделает свой первый полет космонавт Юрий Гагарин. В 1990 году последний из генеральных секретарей ЦК КПСС Горбачев объявит себя первым и последним президентом Советского союза. В 1991 году Советский союз распадется. Россия станет отдельным государством, вернутся флаг и герб самодержавия. В общем тяжелыми будут временя… И только в 2000 году, когда к власти придёт новый президент Владимир Путин, Россия станет снова возрождаться.

- Складно говоришь. Да, только я тебе не верю. У нас с Германией пакт о ненападении подписан, - перебил Антонова старшина.

- Германия нарушит его.

- Даже если и так. То мы разобьём немцев на границе и

вытесним их восвояси, - сбил щелчком спичечный коробок Петров, и тот отлетел в угол палатки.

- Разобьём, но через четыре года, - тяжело вздохнул Антонов. – Потеряем 27 миллионов людей.

- Сколько? – поползли в удивлении вверх брови Петрова.

- 27 миллионов, - повторил Антонов.

- Да у нас столько и солдат-то нет, - снова прищурился и стал изучать гостя из будущего тот.

- Эта цифра включает не только солдат, но и женщин, детей, стариков. Война откинет Советский союз далеко назад. Многие города будут стоять в руинах. Будут полностью сожжены многие села. Поля еще несколько лет после войны будут не пригодны для посевов. Их будут ровнять и разминировать.

- Ты, сказал, что мы победим? – сделались серьезными глаза старшины.

- Конечно победим. Только цена победы будет очень высокой.

- Ты еще сказал, что Советский союз распадется? А как же Советские республики? Я сам из Киргизии. Там у меня мать, сестры, младшие братья Санька и Ванька. Моего прадеда еще царь из Воронежской губернии, как купца первой гильдии направил туда с семьей. Чтобы России служить, торговлю налаживать. Мой отец там с бандами басмачей воевал. И что? Всё это было напрасно?

- Многие русские семьи переедут в двухтысячные годы от-

туда в Россию. Возможно, что и ваши потомки тоже, - пожал плечами Антонов.

- На словах вроде убедительно, а чем доказать сможешь? Вот моя бабка, та еще рассказчица была… Говорила, что молва ходит что мир железной паутиной затянет и птицы железные по небу летать станут. Я, когда самолет первый раз увидел поверил. А вот на счет железной паутины как?

- Она, наверное, имела в виду электрические провода и интернет. После войны во все населенные пункты электричество проведут, и в каждом доме будет гореть лампочка накаливания, вместо керосиновой лампы. В крупных городах это уже есть. Еще будут изобретены телевизоры. Это такие коробочки с изображением. Там будут показывать фильмы, концерты, новости. Людям можно будет не ходить в кинотеатры, а смотреть кино дома лежа на диване. Еще будет беспроводной сотовый телефон, по которому можно разговаривать друг с другом в любом месте. Вот сейчас, связь нужно с помощью провода тянуть, и сам телефонный аппарат громоздкий. И если провод перебьёт, то и связи не будет. А потом он будет вот таким меленьким и тонким, - показал его размер пальцами Антонов. - И связь в будущем будет через спутник и вышки транслироваться, без провода. Так что телефон можно будет носить с собой в кармане.

- Товарищ, старшина! Разрешите обратиться! – вошел красноармеец. – Чай доставлен. Как вы просили.

- Проходи, Зайцев. Ставь сюда.

- Каши раздобыть не удалось. Я тут хлеба достал и сала кусок, - выставил он на стол нехитрое угощение. Потом порылся в кармане и вытащил белую тряпицу. Развернул её. В ней было четыре куска сахара. – Там, это Муравейко принесли. Он действительно в яме сидел, и нога у него сломана, как этот гражданин говорил.

- А, Прокопенко? – спросил старшина.

- Тоже прибыл. Позвать?

- Зови обоих.

Через пять минут в палатке были Муравейко и Прокопенко. Муравейко был бледным. По его лицу тек холодный пот. Он стоял на одной ноге опираясь на Зайцева.

- Посади его на лежанку! – скомандовал Петров. – И санитара позови.

- Ну, голуби, мои сизокрылые, расскажите-ка мне, что у вас там приключилось? И как так получилось, что вы чужого человека в наше расположение отправили, документы не проверили, пароль сказали? – стали снова раздуваться ноздри старшины. – Ваше счастье что часть наша не на границе находиться. А глубоко в тылу. И «особиста» нет. А то бы он вас обоих без суда и следствия в расход пустил.

- Виноват, товарищ старшина! – вытянулся по стойке смирно, Прокопенко. – Надо было самому конвоировать шпиона. Да, побоялся пост оставить. Муравейко боец неопытный, недавно призвался. Пороха не нюхал ещё.

- Так зачем, вы товарищ сержант, дали ему такое сложное

поручение? И вообще, как вам в голову пришло взять на пост новичка.

- Виноват, товарищ старшина. Сухов с Филатовым с обозом ушли, за провизией, а Карпенко животом мается. Пришлось рядового Муравейко взять с собой. Дело в том, что этот гражданин, - кивнул он в сторону Антонова, - не один был. Они двое были в лесу. Но второй словно сквозь землю провалился. Я Муравейко с этим, - снова скосил глаза в сторону Антонова он, - отправил к вам. А сам решил второго найти и задержать.

- Нашел?

- Никак нет. Ни следов, ни духу.

- Может плохо искал?

- Никак нет. Хорошо искал. Я таежный охотник. Из Тамбовской области на службу прибыл. Зверя по следу нахожу. Нет там следов. Он просто исчез. Словно испарился.

- Был второй? – строго посмотрел на Антонова старшина.

- Был, - не отвел взгляда Антонов. – Я сам не знаю куда он делся. Я остался, а он пропал. Как и говорит, товарищ сержант.

- Разрешите войти? – раздалось у двери в палатку.

- Входи! – разрешил старшина.

Это был санитар. Он разорвал на Муравейко штанину, потому, что снять штаны было невозможно, нога распухла и кровоточила.

- Вроде как перелом, - сообщил он старшине.

- Не вроде, а открытый перелом большой берцовой кости, - поправил его Антонов, который внимательно следил за действиями санитара.

- Надо шину наложить, и отправить в госпиталь. Только обоз ещё с вечера ушёл. А машину только на следующей неделе прислать обещали.

- Ну, так соедините кость, наложите гипс, рану обработайте. Продезинфицируйте её, - посоветовал Антонов.

- Я не умею, - отстранился санитар. - Я могу только повязку наложить и шину. Я не врач.

- Отойдите, дайте я, - подошел к Муравейко тот. – Что там у вас? - посмотрел он на брезентовую сумку с красным крестом.

- А, ты кто такой? С чего я тебе должен разрешать? – бросил санитар вопросительный взгляд на старшину.

Старшина разрешительно кивнул.

- А, пес её знает. От доктора осталась. Я только бинтами пользовался, - протянул он сумку Антонову.

В сумке оказалось несколько перевязочных пакетов, йод, нашатырный спирт, жгуты, шины и ножницы.

- Придется потерпеть, - обратился Антонов к красноармейцу. - Если сейчас этого не сделать, может начаться заражение, и кость может неправильно срастись. Спирт или водка есть? – посмотрел он на старшину.

Петров протянул ему свою фляжку.

Через полчаса нога была собрана.

- Здорово у вас получается, - почесал затылок санитар. – Ловко.

- Можно, мне теперь чаю выпить? – спросил Антонов старшину.

- Ах, да, - спохватился Петров. – Он совсем остыл. Зайцев, принеси еще кипятку.

- Есть! – ответил тот и выскочил из палатки.

- Семёнов! – снова крикнул старшина.

- Я, товарищ, командир! – вбежал в палатку сержант.

- Муравейко в палатку отведи, пусть тебе санитар поможет. Свободны все.

Когда в командирской палатке остались только Петров и Антонов, старшина спросил:

- То, что ты про Германию сейчас плел правда?

- Правда, - не отвел взгляд Антонов.

- И про 27 миллионов правда?

- Да, правда.

- Ну, если все это правда, значит надо начальству доложить. Предупредить. Упредить удар, - нервно щелкал пальцами в кулаках Петров.

- Какое начальство? – спросил Антонов.

- Самое высокое. Товарища Сталина, например.

- Он знает. Его предупредили. Но он не верит. И ничего предпринимать не будет.

- И что, мы вот так бездарно будем сидеть и ждать, когда Германец нам под дых поддаст?

- К сожалению, да, - вздохнул Антонов.

- И что делать, предлагаешь?

- Ничего. Ты же без приказа, не можешь ничего предпринять? – отхлебнул из кружки горячий чай Антонов.

- Не могу, - согласился с ним Петров.

- Так, что будем ждать 22 июня. Кстати, какое сегодня число? – промежду прочим спросил Роман.

- 25 мая, с утра было, - потянулся старшина и спросил:

- Скажи, студент, а мое будущее можешь предсказать?

- Нет. Конкретно твоего будущего я не знаю.

- Ну, если вдруг доведется тебе побывать в будущем в моих краях, навести меня. Если я жив буду.

- Хорошо, - пообещал Антонов.

Глава 8
«Участковый Рогожкин»

Печёнкина с Тихомировым утром разбудило истошное скуление собаки. Пёс скребся в двери.

- Даже в прошлом от тебя покоя нет! – кинул в него башмаком Печёнкин. – Откуда ты только взялся на мою голову? – перевернулся он на другой бок.

Но собака не унялась, а продолжала скулить и скрестись в дверь.

- Печёнкин, иди выгуляй свою собаку! – заткнул ухо подушкой Тихомиров.

Алексей нехотя встал, обмотался одеялом и открыл дверь.

- Иди, по-быстрому справь свою нужду и сразу домой. Понял?! – приказал он собаке.

Пёс выскочил на улицу и приплясывая побежал к ближайшему углу.

- Всё?! – приоткрыл глаза Печёнкин. – Марш домой!

Но пёс домой не собирался. Он бегал по периметру двора и метил новую территорию, которую от чего-то считал своей.

- Батон! Иди домой, несносная собака, - не разделял его радости Печёнкин.

Пёс оглянулся, ехидным взглядом посмотрел на полуспящего хозяина, почесал за ухом, и перемахнул через невысокий штакетник.

- Чтоб тебя черти покусали! – выругался Печёнкин и зашел в дом.

Только он уснул, как под окном послышался собачий топот, кошачий вопль и звон разбитого стекла.

- Чёртов пёс! – снова выругался он и открыл глаза.

- Что случилось? – спросил проснувшийся Тихомиров.

- Наверное кота на дерево загнал и что-то разбил, - предположил тот и встал. На этот раз он не стал закутываться в одеяло, а надел штаны и вышел на улицу.

Тихомиров последовал его примеру.

На дереве во дворе действительно сидел рыжий котище и с высоты шипел на пса, который бегал, вокруг высунув язык и пытался стащить того на землю.

- Фу, Батон! Уйди, тебе говорят! – пытался вразумить собаку Печёнкин. Но псу было наплевать на него и его «ФУ».

- Хорс? – удивился Тихомиров. – Это ты? – обратился он к коту, который зло смотрел на людей в прищур своих зеленых глаз.

- Это, что твой кот? – тоже удивился Печёнкин.

- Нет, он не мой. Он - око всеведающее и всеблагое.

- Какое еще око? – не понял Печёнкин.

- Короче, этот кот, он как-бы не кот.

- А, кто? – подозрительно посмотрел Печенкин на Тихомирова.

- Он, скажем так некое божественное творение, он может управлять светом независимо от его источника. Например, светом белым, солнечным или лунным. Он помогает противостоять хаосу, тьме и небытию. Он много раз выручал нас в трудную минуту. Всегда неожиданно появлялся и так же неожиданно исчезал. И раз он тут, значит впереди нас ждет новое испытание.

- Ты пошутил, да? – с подозрением смотрел на Тихомирова Печёнкин.

- Нет. Это правда, - разочаровал его Тихомиров. – Я читал, что он умеет превращаться в белого волка. Правда сам этого никогда не видел.

- А читал где? – спросил Печёнкин.

- В какой-то книжке о легендах и сказках русского народа.

- А-а-а! Тогда вопросов нет, - с сарказмом произнес Пе-

чёнкин. – Там, конечно, научные труды с весомой базой доказательств опубликованы.

Кот бросил на Печёнкина недобрый взгляд. И тому на голову упала сосновая шишка. Печёнкин посмотрел по сторонам, но в пределах его видимости не было хвойных деревьев.

- Откуда здесь шишка? – спросил он Тихомирова.

- Оттуда, - указал глазами на кота тот.

Печёнкин почесал ушибленную макушку и отогнал собаку. Тихомиров осторожно снял кота с ветки и опустил на землю. В его движениях прослеживался некий страх перед мохнатым зверьком.

Только сели завтракать, как Батон поднял во дворе лай.

- Кто-то пришел. И этот кто-то пришел не с добром, - встал из-за стола Печёнкин.

- В смысле? – не понял Тихомиров.

- Он на всех людей лает по-разному. Если человек знакомый и добрый, то повизгивает. А если злой или чужой, то с каким-то остервенением. А на этого он лает как-то особенно. Вроде, как предупреждает: «будьте осторожны и внимательны».

- Эй! Хозяева, открывайте! И собаку свою уберите, - раздалось с улицы.

Печёнкин выглянул в окно и замер. Потом он метнулся к стене, чтобы его не было видно с улицы, и шепнул Тихомирову:

- Это он…

- Кто? – не понял тот.

- Участковый, - зашептал он. - Давай ты выйди, а то вдруг он по мою душу пришел.

- Твой пёс меня не послушает, - возразил Тихомиров.

- Он и меня не слушает. Он сам себе на уме…

- Хозяева, открывайте! Я видел, что вы дома, - вещал голос с улицы.

Тихомиров вышел на крыльцо.

- Здравствуйте, - был сама любезность он. - Что, вам угодно, сударь?

- Собаку уберите! – достал из кармана удостоверение тот.

- Батон! Иди на место! – приказал Тихомиров собаке.

Но, пёс и ухом не повёл. Он с интересом разглядывал непрошенного гостя, и косился на его авоську, из которой торчала буханка хлеба, завернутый в газету кусок сала и колечко домашней колбасы.

- Батон, пошел прочь! – снова попытался усмирить пса Тихомиров.

Тот, посмотрел на него, как на пустое место, но неожиданно перестал лаять и сел чуть поодаль.

- Старший лейтенант Рогожкин, - представился ранний гость. – А вы кто будите? Документики имеются? – положил он на крыльцо свою кожаную, потрёпанную папку.

- Мы,… то есть я, племянник Клары Захаровны Кулькоовой, - выпалил Тихомиров.

- Да-а? – протянул тот. – Откуда приехали? С Севера или

Юга?

- С Севера, - быстро ответил Тихомиров, который совсем не умел врать.

- Мы – это кто? И сколько вас? – спросил Рогожкин.

- Я, и… мой пёс, - не знал, что ответить Тихомиров.

- Оборотень значит? – кивнул он на пса.

- Почему? – не понял Андрей.

- Ну, потому что десять минут назад я его видел в облике человека, и он даже разговаривал с вами по-человечески.

- А, что вы, собственно, хотели? – решил сменить тему разговора Тихомиров.

- Да, так просто к сестре в гости заехал, а тут шум, да гам. Смотрю люди посторонние. А вы чьи дети? Петра или Михаила? – прищурился Рогожкин.

- Михаила, - вырвалось у Тихомирова.

- Так Михаил на Юге живет. В городе-герое Одессе.

- А, мы в гостях были на Севере, а теперь решили по пути домой к тетке заехать. Навестить родственницу, - выкручивался, как мог Тихомиров.

- А-а-а, понятно… - многозначительно произнес Рогожкин. – Опять Клара Захаровна за нетрудовые доходы принялась. Сколько она с вас взяла?

- Нисколько, - решил переубедить его Тихомиров.

- Не рассказывай мне сказки, «сударь». У Клары Захаровны нет братьев, ни на Севере, ни на Юге, ни в городе-герое Одессе. У нее сестра в соседнем районе живет. У сестры две

дочери. Верка и Любка. Так что граждане квартиранты, будьте любезны показать мне ваши документы.

Тихомиров стоял как вкопанный и не знал, что делать.

- Второго зови, - напирал на него Рогожкин.

На крыльцо вышел Печёнкин и застыл в кататонической позе с открытым ртом.

- А-а-а, так это ты, «гость из будущего»?! – узнал его участковый.

Положение спас Батон. Он схватил авоську Рогожкина, которая была намотана на его кисть руки, и потащил её вместе с хозяином в кусты.

- Пошёл! Пошёл! Брось! Фу! – кричал на него участковый, который никак не мог высвободить свою руку, запутавшуюся в авоське.

– Уберите свою собаку! Фу-у-у! – упал он. – Я ее сейчас пристрелю-ю-ю… - верещал он, увлекаемый по всем кустам и бурьяну лохматым псом.

Рогожкин пытался вытащить левой рукой пистолет из кобуры справа, но у него не получалось.

Печёнкин с Тихомировым кинулись на помощь участковому, но хитрый пёс, умудрялся вырываться и предпринимал одному ему понятные манёвры. Наконец, Рогожкину удалось достать пистолет, и он выстрелил. Пуля отрикошетила и попала ему же в ногу. Пёс отпустил авоську и перепрыгнув через редкий штакетник скрылся в соседнем огороде. Авоська к этому моменту была пустой.

- Скорую, надо! – стал поднимать с земли участкового Печёнкин.

- Не надо! – запротестовал Рогожкин. – Из органов попрут.

- Тащи его в дом, - распорядился Тихомиров. – Рану надо осмотреть.

Рана была не очень страшной. Кость не была задета. Тихомиров, обколол Рогожкина обезболивающим, достал пулю, зашил разорванные ею ткани, и сделал перевязку.

- Ты, что врач? – спросил его Рогожкин, когда ему стало немного легче.

- Хирург-кардиолог, - ответил Тихомиров.

- А этот? – кивнул он в сторону Печёнкина.

- Он, ваш коллега, младший лейтенант Печёнкин, - решил сказать правду Тихомиров. Все равно он не умел врать и выкручиваться.

- Как звать? Только не смейте меня обманывать. Я вранье сразу чую, - предупредил участковый.

- Печёнкин Алексей Витальевич, младший лейтенант оперативного отдела Калининского района, - представился тот.

- Тихомиров Андрей Владимирович, хирург-кардиолог, - протянул свой паспорт он Рогожкину.

Участковый внимательно рассмотрел каждую страницу документа на просвет и вернул владельцу.

Тихомиров рассказал всё участковому, а для полной убедительности достал из кармана свой портмоне и смартфон.

Позвонить с него было невозможно, так как в прошлом сигнал с будущего не срабатывал, но фотографии, современные деньги, кредитные карточки произвели должное впечатление на участкового. Для полной убедительности Тихомиров предъявил тому и свой медицинский саквояж сделанный по заказу, в котором лежали электронные фонендоскоп и тонометр, а также медикаменты с датой изготовления на блистерах.

- Если я не сплю и мне это не сниться, то поверить в это просто невозможно. Как такое может быть? – был в полной растерянности Рогожкин. – Зачем вы тут?

- А вот это правильный вопрос, - сказал Тихомиров. – Мы тут для того чтобы повлиять на какие-то события, которые произойдут в будущем или уже произошли. Мы должны его изменить или предотвратить страшные последствия.

- Рябинин как-то говорил, что все дела в настоящем, всегда связаны с прошлым, - поднял указательный палец вверх Печёнкин. – Мы с товарищем капитаном расследовали преступление, связанное с пропавшим ребенком. Я пошел искать тело в указанный квадрат и оказался здесь. И тут тоже пропали дети. Значит, если отталкиваться от теории Рябинина, эти дела связаны между собой. Если мы поймем, как они связаны, то найдем убийцу.

- На моем участке пропали два ребенка. Девочка десяти лет Маша Полякова и мальчик девяти лет Вася Сысоев, - сообщил Рогожкин.

- Давно пропали? – спросил Печёнкин.

- Маша два месяца назад. А Вася, около двух недель, - показал жестом на свою папку участковый, которую занес в дом Печёнкин.

Он раскрыл её и достал оттуда две ориентировки.

- И что? Тела их так и не нашли? – удивился Алексей.

- Так предполагалось, что с дому удрали. Семьи у них, так скажем неблагополучные. Как убиенных, их не рассматривали, тем более Васька уже два раза сбегал из дома. А девчонка интернатская. Оттуда часто дети бегают. Найдут отмоют, откормят, от вшей и болячек вылечат, они зиму в интернате переждут, а как тепло настало, так в бега. И чего им там только не хватает?

- Может любви и заботы? – предположил Тихомиров. – Может быть их там обижают, бьют… - не успел договорить он.

- Я не знаю, как там в других интернатах, за всех отвечать не буду. Но в том где Маша Полякова воспитывалась, все хорошо. Это я вам ручаюсь. Не в каждой семье, так к детям относятся. И кино, и мороженное, и дача за городом, и кружки там разные, и танцы бальные, и футбол, и атлетика. Директор у них золотой мужик. Я его сто лет знаю. И кто попало там не работает, - перебил его Рогожкин.

- А, зачем, тогда бегают? – спросил Печёнкин.

- Родители у них непутёвые. Вот и бегают либо к ним, либо от них.

- А, почему Вася Сысоев, живет с такими родителями? Почему его в интернат или детский дом не определят, если у него такая плохая семья, а интернат такой замечательный?

- Отец у него погиб. Моряком был, на китобойном судне промышлял. Месяц дома, полгода на вахте. А мать, непутевая. Пока муж на заработках у нее романы да пьянки. Когда тот погиб, мать родительских прав лишили, вот его бабка и забрала. Опекунство оформила. Но мать как с очередным ухажёром разойдется так к матери своей бежит. «Всё бросаю пить, начинаю новую жизнь». Та ей верит. Мать ведь. А она потом давай снова пить, да Ваську воспитывать. Мол он ей всю жизнь испортил. Ну тот в бега. Бабка скандал дочке устроит, та обидится и уйдет к очередному ухажёру. Ну, потом либо мы Ваську найдем и бабке возвращаем, либо он сам находиться… Жалко его… И бабку его жаль… Хорошая тетка, всю жизнь врачом на скорой помощи проработала. Одна у нее отрада – внук Васька.

- В общем и в вашем и в нашем случае орудует маньяк-серийник, педофил, - подвел итог Печёнкин.

- Никогда про таких не слышал, - пожал плечами Рогожкин.

- А как же резонансное дело Ионесяна, по просвищу «Мосгаз», одного из первых серийников начала 60-х?

- Так он же вор-грабитель, там мотив присутствует, - махнул рукой участковый. – А это дети. Откуда у них деньги или ценные вещи? Какой мотив?

- Маньяки убивают только по одним им известным мотивам. Кто его знает, что у них на уме. Это только психиатры могут понять, - попробовал ему объяснить Печёнкин.

- Так вы думаете, что пропавшие дети мертвы…? – схватился рукой за сердце Рогожкин.

- Думаю, что да, - ответил тот.

- Что же делать? – помрачнело его лицо. – И я тут еще со своей ногой, - посмотрел он не добрым взглядом на Печёнкина. – Ходить-то я смогу? – теперь повернул он свое лицо в сторону Тихомирова.

- Натружать ногу нельзя. Но ходить можно. Надо тросточку купить. На работе скажите, что неудачно подвернули. Обработку и перевязки я вам сам буду делать. Нужно будет некоторые лекарства в аптеке купить. Список я вам напишу, - ответил тот.

- А, вы нас держите в курсе дела. А для начала дайте адреса пропавших детей, я попробую что-нибудь разузнать, - предложил Печёнкин. – И про нас никому ничего не говорите, а то сами понимаете… - не договорил он.

- Хорошо, - согласился участковый. – Буду благодарен за помощь.

Глава 9
«Черный волк»

Снова Антонов шел по лесу. Перед рассветом старшина

Петров выпроводил его из своего расположения, чтобы тот не попал под пристальный взгляд представителя особого отдела НКВД Симашко. Красноармеец Зайцев проводил его, и указал направление к ближайшему населенному пункту, обозначенному на карте как Ивантеевка. По всем показателям он уже часа два, как должен был её достигнуть, но на деле этого не случилось. Вместо того, как ему объяснял Петров, должна была быть просека, наоборот лес становился все гуще и темнее.

«Заблудился я, что ли?» - мысленно спрашивал сам себя Роман. «Куда идти? В какую сторону?» У него не было ни компаса, ни карты. В рюкзаке только две банки тушенки, которые ему дал старшина Петров, буханка ржаного хлеба и несколько кусочков сахара. Еще сердобольный старшина дал ему свою старую плащ-палатку и штык-нож.

Пройдя несколько сотен метров, Антонов интуитивно почувствовал опасность. Он остановился и медленно повернул голову. В нескольких метрах от него ощетинившись и оскалив зубы стоял огромный черный волк. Его блеск желтых глаз гипнотизировал легкую добычу. В еле пробивающихся первых лучах восходящего солнца его мощные лопатки играли тугими мышцами. В холке он был больше полутора метров, а в длину больше двух. Волк словно насмехался над человеком.

«Вот она матушка-смертушка», - пронеслось в голове парня. «Что делать?», - стал вспоминать книжку по выживанию

он.

«Не паниковать! Не бежать! Не поворачиваться спиной! Не отводить взгляд! Не бояться… Животные чувствуют страх…» Сейчас Антонову очень хотелось спросить у автора, как это сделать? Когда желтые глаза зверя уже уверены, что через несколько секунд человек будет повержен.

«В большинстве случаев волки охотятся стаями», - продолжал вооружать мозг беззащитного человека знаниями и советами.

Антонов бросил беглый взгляд на предмет определения количества исходящей опасности. Желтые глаза на первый взгляд были одни. «Может волк-одиночка?», - совсем не полегчало Антонову. Он бросил рюкзак на землю и прижался спиной к широкому стволу. Правой рукой вынул из-за пояса штык-нож, а левой стал доставать заветный перстень. Роман ожидал, что сейчас голубой огонь прогонит волка, но ничего не происходило.

- Не сработало… - расстроился Роман. - Не всё коту масленица… - опустил он ладанку с кольцом, обратно себе за воротник, - бывают и постные дни… Придется справляться своими силами…, - скинул он с плеч плащ-палатку и приготовился к смертельной схватке.

Волк тоже с интересом, словно свысока, рассматривал свою предполагаемую добычу. Он как будто говорил своим наглым взглядом «наслаждайся последними секундами своей жизни. Один прыжок, один укус и с тобой будет поконче-

но…»

- Ну, давай! – встал поудобнее Антонов, приняв боевую позу. – Мой КМС по легкой атлетике, синий юношеский пояс по боевому самбо-дзюдо, и штык-нож старшины Петрова, против твоей черной шкуры…, - не успел закончить он мысль.

Черная, тяжелая туша в два прыжка оказалась у шеи человека. Антонову в лицо пахнуло смрадом огромной волчьей пасти, но зубы не достигли своей цели, они только громко щелкнули рядом с ней, потому что Роман успел упредить удар хищника. Волк не ожидал удара в шею и присел на задние лапы. Антонов не стал ждать нового прыжка и ударом ноги в грудь, отбросил волка на небольшое расстояние. Животное по всей вероятности входило в тяжелую весовую категорию, а Антонов в среднюю. Но человек очень хотел выжить, а это было весомым аргументом, хотя их силы были явно неравны. Желтые глаза сверкнули яростным блеском и громкий щелчок зубов теперь раздался в миллиметре от втянутого живота Антонова. Но и волк успел увернуться от штык-ножа человека. Нож разорвал волчье ухо, чем только раззадорил животное. Волк предпринял еще несколько молниеносных атак. Но Антонов был физически слабее. И лохматое тело сумело свалить с ног свою жертву и выбить из его рук оружие. Хотя и Антонов нанес животному несколько поверхностных ран. Окровавленная пасть хищника победоносно зависла над головой Романа.

В доле секунды перед глазами Антонова пронеслась вся его небогатая, безрадостная жизнь. Проплыло обеспокоенное лицо матери. Её губы прошептали: «борись…» Потом он увидел полупрозрачный образ нескладного субтильного подростка с перепуганными глазами и Тоню… «Я буду твоим Ангелом…» вспомнил её улыбку Роман. Он изо всех сил вцепился в черную морду: одной рукой зажав мокрый нос он тянул её вверх, другой невзирая на боль вонзившихся клыков в свою ладонь давил вниз, пытался если не разорвать пасть хищника, то во всяком случае вывихнуть её.

Волк с остервенением трепыхался и пытался вырваться. Он тоже старался вцепиться мертвой хваткой в руку или другую часть тела человека. Его тяжелая туша придавила Антонова к земле, но и тот не собирался сдаваться. Они несколько минут катались по земле словно сросшись в большое змеиное кубло, пока у Антонова не потемнело в глазах от напряжения и усталости. За секунду до того, как он чуть не потерял сознание, прогремел спасительный выстрел и животное взвизгнув отскочило прочь и растворилось в лесу.

- Эй мужик?! Ты как?! Жив?! – кто-то бежал ему на выручку, пробираясь сквозь деревья.

- Вроде жив… - ответил совсем обессиленный Антонов.

Несколько секунд он лежал неподвижно приходя в себя, а потом сделал над собой усилие и привстал опираясь на локти. В голове шумело и пульсировало, в глазах стояла пелена. Сердце билось у самого горла словно птица, попавшая в

силки. Он сделал глубокий вдох и медленный выдох, чтобы хоть немного прийти в норму.

- Ромка? Антонов?! Глазам своим не верю! Откуда ты тут взялся? – кто-то тряс его за плечи.

- Егор? – наконец-то разглядел своего спасителя Антонов. – А, ты как здесь очутился? Вы же в Отрубе остались, в 1904?

- Это ты хватил. Когда это было? Почти полгода прошло. Мы уже и дома побывали, вот сейчас в командировку едим. Ну, не едим, а идем, - посмотрел он на обеспокоенное лицо подбежавшей девушки.

- Здравствуйте Роман Иванович, рада вас видеть живого… С вами все в порядке? – стала она осматривать Антонова. – Хорошо вам, однако досталось от этого зверя. Никогда в жизни таких огромных волков не видела. Мне сначала показалось, что это медведь.

- Сам в шоке, - согласился с ней Антонов. – спасибо, что спасли меня, и перестань мне ВЫкать, - поднялся он на ноги.

- Он вам плечо подрал, и рука у вас прокушена, - открыла свою сумку Кира. - У меня перекись водорода есть, зеленка и бинты.

- Отлично, - обрадовался Антонов. – Будем надеяться, что волк не бешенный, но если вдруг что, то вы меня пристрелите.

- А в чем выражается бешенство? – на полном серьезе спросил Рябинин.

- Симптомы ты имеешь в виду? – переспросил Антонов.

- Угу, - кивнул тот.

- Ну, это слабость, головная боль, отсутствие аппетита, повышение температуры, в отдельных случаях кашель, насморк, боли в горле, животе, рвота, понос.

- Дуратские симптомы, у нас так все население земного шара болеет. Они что все бешенные? – возмутился Рябинин.

- Ну, это первичные симптомы, потом проявляются другие, такие как апатия и депрессия, беспокойство, повышенная возбудимость, эмоциональная активность, агрессия. Больные дезориентированы, пытаются убежать, укусить, нападают с кулаками, у них появляются судороги, галлюцинации, изменяется психика. Характерной особенностью бешенства у людей являются разнообразные фобии, например, боязнь воды, или яркого света, или громкой музыки, все это сопровождается судорогами или спазмами мышц лица глотки и гортани.

- А потом?

- Потом обычно наступает смерть от паралича дыхательного и сердечно-сосудистого центров.

- Как долго протекает эта болезнь?

- Чаще всего стремительно. От трех до семи дней.

- Егор Александрович, зачем вы сейчас панику нагоняете? – спросила Кира. – Нет у него никакого бешенства. Все будет хорошо.

- Ну, я так, просто спросил. На всякий случай, - пожал плечами Рябинин. – Надеюсь ты нас не покусаешь? – улыб-

нулся он. – И с кулаками кидаться не будешь?

Кира обработала раны, оставленные волком и перевязала руку Антонову.

- А куда вы шли? – спросил Роман.

- В Ивантеевку, - ответил Рябинин.

- И я туда, - удивился он. – Кстати, я вас не звал. А вы меня?

- Да, мы собственно тоже. Странно… - почесал затылок Рябинин. – А откуда ты идешь и зачем?

- Иду я из расположения части старшины Петрова. А Ивантеевка ближайший населенный пункт. Между тем как я с вами расстался в Отрубе и снова сейчас вас встретил, прошло всего двое суток.

- Ну, дела… - протянул Рябинин.

- А Тихомиров как там? Мы с ним шли из Отрубы в Каменку и заблудились в лесу. Нас часовые «приняли», и тут он в прямом смысле слова сквозь землю провалился, - рассказал о своих приключениях Антонов.

- Ну, лично с ним все в порядке. Работает… А вот жена и сын в аварию попали. Настя слава Богу жива, а вот сын Ванька сразу насмерть…

- Я ему очень сочувствую… Ты если что передай, что я скорблю вместе с ним, - помрачнел Антонов.

- Передам… А в каком времени ты идешь в Ивантеевку? – стал заостряться нос Рябинина.

- Несколько часов назад, когда я попрощался со старши-

ной Петровым было 26 мая 1941 года, ответил Антонов.

- Так это что получается? Если мы здесь и сейчас, значит скоро война начнётся? – расстроился Рябинин. – Или мы тут для того чтобы её предотвратить?

- Навряд-ли. Война - это слишком значимое уже свершившееся событие. Нам это, к сожалению, неподвластно. Мы можем повлиять, только на то, чему только предстоит свершиться, - не поддержал его версию Антонов.

- Зачем мы тогда тут? – спросила Кира.

- Значит это время как-то связано с тем, что сейчас происходит в будущем, в нашем современном мире, - предположил Антонов. – Что там у вас твориться? – посмотрел он на Рябинина.

- Да, как обычно: хулиганы – хулиганят, воры – крадут, грабители – грабят, мошенники – обманывают, дебоширы – дебоширят… - не успел договорить тот.

- А убийцы – убивают, - вставила Кира.

- Да. Растерзан и убит ребенок, и его бабушка соседка, - снова помрачнел Рябинин. - Я толком ничего не успел выяснить, как тут образовалась эта дурацкая командировка.

- А может, это как раз то, для чего мы здесь? – предположила девушка.

- Может быть… Может быть… - почесал свой кончик носа оперативник.

- Меня сейчас больше интересует, куда идти? Где эта Ивантеевка? И не вернется ли мой новый, лохматый знако-

мый со своими приятелями? - потер раненное плечо Антонов.

- Ты прав. Нужно отсюда убираться подобру-поздорову. А то у меня в обойме всего два патрона осталось, - согласился Рябинин.

- А откуда у вас пистолет? – спросила Кира. – Я же видела, что вы сдали свое табельное оружие?

- Табельное сдал. А этот пистолет, как раз для таких случаев, - кивнул он на перевязанную руку Антонова. – А где я его взял, там его уже нет. Понятно?

- Так точно! – ответила девушка и улыбнулась.

- Пошли! – скомандовал Рябинин.

- А в какую сторону? – поинтересовалась Кира.

- В любую. Куда надо, нас все равно выведут, - взял рюкзак Антонова он. – Ты себя хорошо чувствуешь? – взглянул он на друга.

- Нормально, - ответил тот.

- Голова не болит? Не кружится? Аппетит не пропал? Температура не повысилась? С животом все в порядке? Не тошнит…? – подтрунивал над Антоновым оперативник.

- Нет. Только чувство беспокойства нарастать стало, еще очень хочется тебя укусить или поколотить, жаль рука ноет.

Рябинин посветил фонариком в глаза Роману.

- Рябинин, хорош прикалываться, - прикрыл их ладонью тот.

- Светобоязнь? – не думал отставать оперативник. У него

было игривое настроение.

Антонов подставил тому подножку и Рябинин упал, ударившись лбом о корягу.

- Ай-я-яй! Не ушибся? – съехидничал Роман. – Ноги смотрю, тебя совсем не держат… - улыбнулся он.

- Слава богу апатии и депрессии не наблюдается. Жить будешь! – поднялся тот на ноги, опираясь на поданную Антоновым руку. – А вот признаки агрессии прослеживаются, - почесал он шишку на лбу.

- Если бы у некоторых сыскарей не прослеживались признаки дурачины, то и признаков агрессии не было-бы.

Кира засмеялась.

- Смотрите, вон там что-то виднеется – показывала она в сторону. – Там кажется поляна и какой-то дом.

На окраине леса действительно стоял старый рубленный дом с колодцем. К нему вела узкая тропинка. У дома был небольшой огород. Видны были ухоженные грядки с рассадой капусты, свеклы, гороха и фасоли. С другой стороны дома, была окучена ровными рядами картошка. По-над плетенным из прутьев ивы забором, цвели яркие флоксы и ирисы, разноцветным ковриком стелились анютины глазки. Рядом с домом рос старый дуб с массивной кроной. Где-то среди его ветвей считала чьи-то годы кукушка. В дупле возились и жужжали дикие пчелы. Из открытого окна пахло свежей выпечкой.

- Как есть хочется, - втянул аромат свежего хлеба Рябинин.

На небольшое крыльцо вышла молодая тонкая девушка в светлом ситцевом платье и косынкой на голове. В руках у нее было пустое ведро.

- Мир вашему дому, - поздоровался первым Рябинин.

- Добрый день! –улыбнулась ей Кира.

- Здравствуйте! - присел на старую скамейку обессиливший Антонов. – У вас не будет воды? Очень пить хочется.

- Да, конечно. Сейчас я вас напою, - побежала она к колодцу.

- Баба с пустым ведром, не к добру, - побарабанил пальцами о глиняную крынку, висевшую на плетне, Рябинин.

- Вы, что в приметы верите? – взглянула на того Кира и улыбнулась.

- Странно, что ты в них еще не веришь, - слегка щелкнул он по ее носу. – А пора бы уже проникнуться. Но одна хорошая примета тоже есть, - улыбнулся он - у Антонова нет водобоязни, или как там её, аквафобии. Значит пока он еще не взбесился.

- Слушай Рябинин, еще одна твоя шуточка, и я тебя точно покусаю. Это понятно?!

- Конечно. Очень понятно. Извини, если что не так…

- Вот водичка, холодная, колодезная… - протянула Антонову ковш подошедшая девушка.

- Как тебя зовут красавица? – разглядывал ее Рябинин.

- Инга, - ответила та, и застенчиво опустила глаза.

- Скажите, а до Ивантеевки ещё далеко? – спросила Кира.

- Далековато… Версты четыре. Она вон там, за теми холмами, - указала она рукой в обратном направлении. Откуда только что пришли путешественники во времени.

- А что это за холмы? – решил поддержать разговор Рябинин.

- Это карьеры. Там песок добывают, - ответила девушка. – Может вы кушать хотите? – встрепенулась она. – У меня как раз пироги «поспели». Проходите в избу, я сейчас самовар вскипячу.

В доме было темно и немного жутковато. Кира осматривая стены и очень скромный быт слегка поежилась. Стол, две лавки, массивная железная кровать дореволюционного ширпотреба. Печка почти в полдома. Железный рукомойник, с клапана которого звонко падали капли в старый медный таз под ним. Полка с посудой и крынками, закрытыми плотной тканью и перевязанными бечёвкой. Старый шкаф-шифоньер, в приоткрытую дверку которого, Кира заметила очень скромный гардероб, две старые кофты, белое платье, старое драповое пальто, воротник которого был изрядно поеден молью. В углу шкафа что-то стояло, но Кире не хватало открытого обзора, чтобы определить, что это такое.

На стене у входа висело старое большое зеркало, оно всё было испещрено большими и маленькими трещинками, а в центре совсем затерто. Кира мельком бросила на него взгляд

и вздрогнула. Оно сильно искажало изображение, все фигуры в нем были какими-то расплывчатыми и плохо узнаваемыми. От увиденного по её коже пробежали неприятные мурашки, а ладошки стали влажными от липкого пота. Девушка чувствовала себя здесь неуютно, ей хотелось побыстрее выйти на улицу.

Антонов выпив чаю прислонился к стене и уснул. А Рябинин был словно в своей тарелке, он мило беседовал с гостеприимной хозяйкой и никуда не спешил.

- Вам здесь не страшно? – улыбался он. - В лесу, одна, как вы тут живете?

- Привыкла, - пожала плечами девушка. - И потом, я не одна, у меня жених есть. Он часто меня навещает. Когда служба позволяет. У нас свадьба скоро. Ему два месяца служить осталось.

- А почему вы в лесу живете? – спросила Кира, ведь и правда с людьми веселее.

Инга бросила на нее странный взгляд, - мне и тут хорошо, - ответила она. У меня бабушка знахаркой была. К нам люди часто ходили. А полгода тому назад она умерла.

- А на что вы живете? Чем занимаетесь? – обвела скромный дом взглядом Кира.

- Зимой охочусь, дядька научил. Летом ягоды собираю и на колхозной пасеке работаю. Вот вчера бригадир домой отпустил на два дня, завтра к вечеру снова пойду трудодни зарабатывать. А вы люди добрые откуда в наши края забрели?

За какой-такой надобностью? – тоже внимательно рассматривала своих гостей девушка.

- А мы по делам государственной важности прибыли, - не собирался рассекречиваться Рябинин. – Про это милая барышня, я вам сказать не могу.

- А-а-а, - протянула Инга, - государственная тайна…

- Так точно! – был сама любезность Рябинин. – А кто ваш жених, разрешите полюбопытствовать?

- А зачем вам это? – напряглась девушка.

- Если не хотите, можете не говорить, я просто так спросил, - снова улыбнулся Рябинин.

- Михаил Петров, он старшиной, тут недалеко служит, - ответила девушка.

- А, знаю, знаю... Мне про него рассказывали. Говорят, толковый парень, - решил загладить свое чрезмерное любопытство оперативник.

- А что с вашим товарищем? Он ранен? – спросила Инга.

- Да волк на него напал. Еле отбили. Огромный такой, черный. Вы случайно про него ничего не слышали?

- Нет… Хотя, бабушка как-то рассказывала… Нет, это все сказки… - прервала сама себя Инга.

- Расскажите, очень интересно послушать, - принял позу «милого ангелочка» Рябинин.

- Ну, ходит поверье, что когда-то здесь за песчаными холмами жили белые волки. Это были большие благородные звери, никто не мог сравниться с ними по силе и отваге. Они

спускались в долину на охоту, но никогда не нападали на людей и их скот. Вожака в стае волки всегда выбирали по силе и благородству, и так они жили веками. Люди уважали волков и никогда не нарушали безмолвный договор. Волки не заходили на территорию людей, а люди на территорию волков. Но однажды этот закон был нарушен. Молодой волк напал на домашний скот, и задрал несколько коров и овец. И задрал их не потому, что был голоден, а просто-так, чтобы досадить старому вожаку и показать свою силу людям. Люди в отместку устроили жестокую облаву на белых волков. Началась долгая и страшная война. И вот когда силы уже у тех и других были на исходе, старый вожак собрал остатки своей стаи и велел им уходить в песчаные горы и больше не воевать с людьми. Иначе погибнут все взрослые волки и молодые щенки. А сам вышел к людям и отдал себя на расправу. Люди убили вожака, и война остановилась. Но молодой волк не собирался сдаваться, а лишь обвинял старого вожака в трусости и предательстве. Он сам хотел занять его место. Но волки не выбрали его, они его изгнали из своей стаи. Как говорила бабушка они его прокляли, и от этого проклятья его шкура превратилась из белой в черную. Чтобы можно было отличить благородного волка от неприкаянного. И теперь этот волк-одиночка бродит по земле и мстит всем людям, нападая на них. Говорят, у него огненная пасть, красные глаза, он огромного размера и может загрызть даже взрослого медведя, - бросила заинтересованный взгляд на Антонова

девушка.

- Никому не удавалось спастись от его клыков, а ваш товарищ, жив остался.

- Пасть у него самая обыкновенная, и глаза желтые, - опроверг представление девушки о черном волке Рябинин. – И что, часто он вот так на людей нападает?

- Были случаи. А этот волк напал, или какой-нибудь другой, не известно. Зимой их много бывает. Летом меньше. Но мне только серых видеть доводилось. Прошлой зимой они сильно лютовали. Так, председатель колхоза, премии ситцем выдавал, тому, кто больше всех волков истребит.

- Вы, наверное, тоже премию получили? – кивнула

Кира на ситцевое платье девушки.

- Да. Я почти три десятка волков настреляла, - с гордостью сообщила девушка. – А вот дядька Игнат почти в два раза больше их изничтожил. Даже логово с волчихой и щенками нашел. Говорил, что щенки черные были, восемь штук.

- И что даже щенков не пожалел? – с сочувствием спросила Кира.

- А чего их жалеть. Из каждого щенка через год, другой вырастит взрослый волк, каждый новое потомство наплодит. На них никакой скотины не напасёшься. То лошадь задерут, то на ферме наозорничают, а два года назад на почтальона напали. Лошади спасибо, молодая, здоровая, сумела уйти, и у почтальона ружье с собой было, двоих пристрелил. А не то

верная смерть.

- А мне было бы жалко волчат… - вздохнула Кира.

- Ты просто в их глаза никогда не заглядывала…, - строго взглянула на неё Инга. – В них смерть твоя страшная отражается… Если бы увидела, не пожалела бы…

- А, белые волки, ну те которые благородные, ещё существуют? – решила перевести разговор Кира.

- Я лично не видела. А вот бабушка рассказывала, что пару раз встречала, когда молодая была.

Кира, снова бросила мимолетный взгляд на старинное зеркало и поежилась. Все в этом доме ей было неприятным.

- Егор Александрович, - обратилась она к оперативнику, - нам, наверное, уже пора. А то нам наше начальство голову снимет.

- Инга, а расскажите, еще что-нибудь. Вы так интересно рассказываете, - никуда не торопился Рябинин. И на все призывы Киры, совершенно не реагировал. Словно для него она была пустое место.

Инга бросила на Киру недовольный взгляд, и от этого взгляда Кире сделалось еще хуже и страшнее.

- Откуда у вас это зеркало? – вырвалось у Киры.

- От бабушки досталось… - стали напрягаться мышцы лица Инги.

- Кира! – прикрикнул на девушку Рябинин. – Ты не на допросе. Мы здесь гости, - был он «сама доброта». – Действительно у вас очень интересное зеркало взглянул на него Ря-

бинин, и сделал вид, что только что обратил на него внимание.

Кира смотрела на своего начальника и поражалась. Он вел себя так, словно забыл обо всем на свете. И его ничего не интересовало кроме этой Инги. Он глаз с нее не сводил, следил за каждым ее движением, и по мнению Киры превратился в «полного дурака».

- Это очень старинное зеркало. Оно когда-то принадлежало моей бабушке, а ей досталось в качестве приданного от её.

- Вы говорили, что ваша бабушка знахаркой была, - перебила её Кира. – Она лечила людей?

- Лечила? – переспросила Инга и усмехнулась. – Разве вы не знаете, что лечат у нас врачи и доктора. А бабушка просто помогала людям.

- Помогала? – переспросил Рябинин. – Как это интересно. Святой человек, ваша бабушка. Помогать людям, это очень здорово. Вы, наверное, тоже помогаете? – глупо улыбался он.

- Нет! Я простая, советская девушка, - возразила Инга.

От её резкого «нет», проснулся Антонов.

- Извините, я кажется уснул, - посмотрел он на Ингу извиняющимся взглядом. – Устал очень. – Нам, наверное, пора, - теперь его взгляд был адресован Рябинину.

- Очень рад был с вами познакомиться. Но дела понимаете ли, - все еще сидел на месте Рябинин. – Если вы не будите возражать, то мы к вам еще с удовольствием зайдем, - лебезил и заглядывал в глаза девушки он.

- Заходите, - улыбнулась Инга, - но её приглашение, как поняла Кира, относилось только к нему.

Через полчаса, когда они уже шли в направлении Ивантеевки, Кира спросила:

- А что вы, Егор Александрович, так заигрывали с этой девушкой ведь у нее жених есть.

- С чего ты взяла, что я с ней заигрывал? Я просто старался быть вежливым гостем.

- Ну-ну… - протянула Кира. – Вы никогда себя так не ведёте, даже когда стараетесь быть «вежливым гостем», - передразнила она его. – И вообще, там у нее в доме все было как-то странно и страшно… Вам не показалось?

- Нет, мне не показалось… - ответил Рябинин, - лучше под ноги смотри, -поймал он Киру, которая запнулась о валявшуюся на тропинке корягу.

- Мне тоже там было неспокойно, - решил поддержать девушку, молчавший до этого Антонов.

- Спал как хорек, вполне даже спокойно, - напомнил ему Рябинин.

- Ну, допустим спал я всего минут пять не больше. А потом просто слушал вас с закрытыми глазами, и когда понял,

что назревает конфликт, решил вмешаться.

- Не было никакого конфликта. Ничего не назревало. Просто стажер Овечкина, портила мне всю картину, мешала работать.

- Я мешала вам работать? Есть пироги и смотреть влюбленными глазами на малознакомую девицу. Это вы называете работой? – негодовала Кира.

- Стажер Овечкина, отставить дурацкую ревность! И шагом марш, молча! – скомандовал Рябинин.

- Есть! Только с чего вы взяли, что я вас ревную? Ревнуют, тех, кто небезразличен.

- Молча, шагом марш! – снова приказал Рябинин.

- Есть, товарищ капитан! – ответила Овечкина, и обогнав идущего впереди Антонова, пошла по тропинке первой.

Глава 10
«Глухой колокол»

- Ну, что сыщик, выяснил что-нибудь? – спросил Тихомиров Печёнкина, когда тот поздно вечером вернулся на съемную квартиру.

- Ничего такого особенного за что можно было бы зацепиться я не нащупал, - сел на крыльцо Печёнкин. – Маша Полякова девочка взбалмошная, характер у нее скверный. Так мне её охарактеризовали воспитатели, да и интернатские дети. Упрямая, сама себе на уме, с интерната уже пять раз

сбегала. С поезда ее только три раза снимали. Все на море рвалась. Подругам говорила, что у нее там старший брат живет. Хотя по документам у нее две младшие сестры и обе в детском доме для детей с заторможенным психическим развитием. Отец неизвестно кто. А мать, как кукушка, рожает и отказывается. Эта Маша фантазерка несусветная, говорят такие небылицы плела, что братья Гримм «отдыхают».

То говорила, что она принцесса из тридесятого королевства. Её якобы украла у родителей злая колдунья и подкинула в детский приют, а родителей заколдовала, чтобы они про нее забыли. И теперь она должна найти свое королевство, расколдовать родителей, и стать настоящей принцессой.

Потом прочитала стихи Михалкова, и рассказывала о том, что ее старший брат есть никто иной, как дядя Степа. И что он сейчас живет у Черного моря. И прислал ей письмо, чтобы она приехала к нему, и они вместе будут искать своих родителей. Письмо конечно же никто не видел.

Несколько месяцев назад она заболела ангиной, у нее была высокая температура, ей вызвали врача. Она выздоровела и всем говорила, что этот доктор, и есть тот самый доктор Айболит, что под деревом сидит.... И он ее настоящий дядя. И она скоро будет с ним жить, потому что он ее заберет из интерната и увезет в тридесятое королевство, где она будет конечно же принцессой.

Потом прочитала сказку Волкова «Волшебник изумрудного города» и сказала, что Элли её младшая сестра. И её то-

же украла злая колдунья не то Бастинда не то Гингема и теперь они друг о друге ничего не знают. И ей её нужно непременно найти.

И вот, чуть больше двух месяцев назад, она собрала свои пожитки и в очередной раз сбежала. Шепнув подружке, что она едет на море к брату дяде Степе искать пропавшую сестру Элли, чтобы потом они все вместе нашли заколдованное королевство и расколдовали его, чтобы она наконец-то стала настоящей принцессой.

- Веселая девчонка, - прокомментировал Тихомиров. – Действительно фантазерка. Ну, а мальчик, с ним что?

- Бабушка очень любит единственного внука и рассказать ничего не может, потому что, как только речь заходит о внуке, она тут же в слезы. В общем незадолго до своего исчезновения, приезжала его непутевая мать. Была трезва и даже выглядела хорошо. Сказала, что выходит замуж и собирается забрать с собой Васю. Мальчик закатил истерику и сказал, что никуда с ней не поедет. Потом начались взаимные упреки и претензии. Мать ударила сына по щеке, тот схватил куртку и выбежал из дома. Прошло три недели, а его так и не нашли, и сам он не появлялся.

Я опросил его друзей. По их описанию Вася мальчик тихий, спокойный, учился неплохо, мечтал закончить мореходное училище и отправиться в кругосветное плаванье. Хотел моряком как отец стать. Еще они мне сказали, что у него было свое укромное место, где он отсиживался, когда из до-

ма сбегал. Завтра пойдем посмотрим. Пацаны обещали показать.

- Ну, а ты как день провел? – спросил Печёнкин.

- Ты иди умойся, сядь поешь, и я тебе всё расскажу, - пообещал Тихомиров.

Когда тот поел, и пил мелкими глотками чай из граненного стакана в подстаканнике, Тихомиров начал свой рассказ:

- Как ты только ушел, прибежал твой невозможный пёс. Весь в грязи и репьях. Я потратил два часа чтобы его вычесать и помыть, потому что в дом его впускать в таком виде было крайне нежелательно. Пока я пошел за старым полотенцем, чтобы вытереть твою псину, он сожрал все бублики, прогрыз банку с кильками, разбил банку с молоком, улегся мокрый на твою кровать. Но это еще не всё…

- Соседи жаловались? – перебил его Печёнкин.

- Жаловались. Причем со всех сторон. У одних он кроликов по двору гонял, слава Богу не поймал.

- Это он так развлекался, - вставил свой комментарий Печёнкин, - если бы захотел, то поймал бы.

- У других петуха задушил и все яйца в гнезде съел. У третьих украл с трудом добытые сосиски вместе с кульком, в котором еще лежало полкило конфет «раковые шейки» и треугольник молока. Четвертые стучали в калитку, но я не вышел.

Короче, я привязал твою собаку цепью к кровати, но его это не остановило. Он у тебя что, из какой-то особой суб-

станции сделан? Вот посмотри, - показывал Тихомиров целую цепь, с тугим кольцом, которые оказались пустыми. Как он выбрался? Так причем дверь была на щеколду закрыта. Видишь, что с ней стало… - дал оторванную щеколду Печёнкину он. - Ладно щеколда, за петуха тоже можно заплатить, а как продукты восстанавливать? Где сосиски раздобыть и «раковые шейки»? Это дефицитный товар, между прочим.

- Я иногда сам хочу его пристрелить. Но потом жалко становится. Это все, что осталось у меня от матери. Мама его щенком принесла, говорила, что на дороге нашла, мне тогда лет четырнадцать было. Он был такой крошечный, с закрытыми глазками. Мама его из пипетки молоком поила. Но таким несносным он стал после ее смерти. И ведь старый уже, по собачьим меркам, а ведет себя как годовалый щенок.

- По твоему «щенку» колония для рецидивистов плачет, - выкинул сломанную щеколду в мусорное ведро, Тихомиров. - Лёха, смотри за своим псом сам. Я больше с ним нянчиться не буду. Из-за него Хорс куда-то подевался. Потому что твой пёс – это исчадье ада какое-то, - сетовал Тихомиров.

В калитку постучали.

- Я не пойду, - сказал Тихомиров. – Это наверняка соседи пришли жаловаться на твою собаку.

Печёнкин тяжело вздохнул и вышел во двор. Через минуту он вернулся назад вместе с Рогожкиным.

Тихомиров обработал тому рану, сделал перевязку.

- На соседнем участке два дня назад еще одна девочка

пропала. Сегодня на нее ориентировка пришла в наш участок. Валя Кошкина, 9 лет. Со школы пришла, портфель бросила и пошла на улицу в «классики» скакать, пока все взрослые на работе были. Мать с работы пришла все дворы, всех подруг оббежала, а её и след простыл.

- А, не тот ли это участок, который по улице Буденного 48 расположен? – спросил Тихомиров.

- Так точно, - ответил Рогожкин.

- Я видел эту девочку, как раз два дня назад. Она действительно играла на улице в «классики». Я у нее спрашивал, как мне на улицу Буденного 48 выйти. Она сказала, что это милиция, и у нее там старший брат работает.

- Так точно, - снова согласился Рогожкин. – младший лейтенант Гена Кошкин, - подтвердил он.

- В котором часу это было? – спросил участковый.

- Около часа дня. Она провела меня коротким путем, через пролом в стене и дыру в заборе. Я пошел в участок вызволять Печёнкина, а она, наверное, вернулась обратно. Я её ещё конфетами угостил за помощь.

- Кто-нибудь видел вас вместе? – насупились брови Рогожкина.

- Не знаю. Во всяком случае, я никого не видел.

- Плохо. Алиби у тебя нет. Если найдется свидетель, видевший, как вы сокращали путь, могут записать тебя в подозреваемые.

- Но я же был в участке, там меня видели, и тот самый

младший лейтенант Кошкин и капитан Митрофанов. Они подтвердят это. Вот еще один свидетель, - кивнул Тихомиров в сторону Печёнкина.

- Подтверждаю, - кивнул тот.

- Его слово ничего не значит. Он признан умалишенным. А вы как его доктор, имеете на него влияние. Этот человек вас «утопит» еще сильнее.

- И что же делать? – растерялся Тихомиров.

- Искать, - пожал плечами участковый.

- Кого? – не понял Тихомиров.

- Всех. Девочку, свидетелей, убийцу…

На следующий день, Печёнкин отправился с друзьями Васи Сысоева в его убежище. Это было что-то вроде небольшой пещеры. Вода размыла берег, на котором росло старое дерево. Его корни были остовом убежища. Мальчишка натаскав старой тины и наломав ветки молодого ивняка заделал дыры и большие просветы. Пещера была небольшой, всего около трех метров в глубину. Но Вася сбоку вырыл еще одну «нишу». Там он продолбил полки. На них была старая оплавленная свеча, наполовину пустой коробок спичек, сломанный компас, алюминиевая кружка и такая же выщербленная ложка. В углу стояли потрепанные книжки с печатью школьной библиотеки: Жюль Верн «Дети капитана Гранта», Джонатан Свифт «Путешествие Гулливера», Роберт Льюис Стивенсон «Остров сокровищ» - прочел на их обложках Печёнкин.

Дно пещеры было выстелено сухими листьями, на которых лежал старый матрас. Печёнкин вышел из пещеры с книжками. Внутри одной из них лежала свернутая в несколько раз карта двух полушарий земли, вырванная из учебника географии. И на ней красным карандашом были отмечены все пути и места, где побывали герои из прочитанных мальчиком романов. Еще в книге лежала старая фотография молодого мужчины в морской форме, и рисунок мальчика. На рисунке было изображено море, кораблик и двое на палубе: большой человек в белой одежде и головном уборе, с кривой, неуклюжей, красной звездой, и ребенок в тельняшке за штурвалом. Ниже была надпись. Мы с дядей Колей плывем по морю-океану.

- Кто такой этот дядя Коля? – спросил Печёнкин мальчишек.

- Не знаю, - пожал плечами один.

- Может сосед их? – предположил второй.

- Нет, это Танькин отец, он тоже моряк, - выдвинул свою версию третий. – Это он ему компас подарил.

Соседом оказался молодой парень, несколько месяцев назад вернувшийся из армии. Он действительно служил на крейсере мотористом. Мальчика знал на «привет-пока», особо с ним не общался. Так как с утра до вечера работал на стекольном заводе слесарем, а по вечерам и выходным занимался личной жизнью. Личная жизнь Николая Пичугина имела имя Люся Полякова, и отнимала все оставшееся от

работы и сна время.

Татьяна Коротких, была одноклассницей Васи Сысоева. Её отец, тоже когда-то служил на гражданском флоте, а точнее ходил на рыболовном судне по Белому и Баренцеву морям. Но уже несколько лет был списан по состоянию здоровья на берег, из-за покалеченной руки. Вася часто околачивался в его гараже, который был оборудован в морском стиле. На стене висели склянки, рында и судовой штурвал. Еще у Николая Федоровича Коротких был мотоцикл модели М-61, под названием «Ирбит». Вася любил помогать дяде Коле чинить и мыть его мотоцикл. Несколько раз тот брал мальчика с собой на рыбалку. А там рассказывал ему морские байки и истории из собственной жизни.

- Мне сыновей Бог не дал, три девки народились. Танюшка младшая. А Васька, пацан смышлёный, опять же помощь какая-никакая. Жаль его. Вы товарищ следователь, хорошо ищите, я вас очень прошу. И бабку его жаль, хорошая тетка, всегда совет ценный даст, девчонок моих часто лечила, укол там поставить, или банки, лекарство какое посоветовать или достать…

Тихомиров тем временем отправился на поиски сосисок и «раковых шеек». Он обошел несколько магазинов, но такого товара в наличие не было.

- Я слыхала, что ты ищешь, – подошла к нему ветхая старушка с костылем и большой хозяйственной сумкой.

- Ищу, - ответил Тихомиров. – Мне нужны «раковые шейки» и сосиски, - с надеждой посмотрел на хозяйственную сумку старушки он.

Та перехватила его взгляд и улыбнулась беззубым ртом:

- Не, у меня таких нету, но я знаю где можно достать, - подмигнула она.

- И где же? – тоже улыбнулся Тихомиров.

- Ты, поможешь мне, а я тебе, - протянула старушка тяжелую сумку Тихомирову.

Тот взял ее поклажу и спросил.

- Куда нести надо?

- Да тут недалече. Две пересадки, и мы на месте, - махнула та рукой. – Пошли, - кивнула она в сторону остановки.

«Недалече», оказалось за городом.

- Вон, видишь тропинку? – показала старушка в сторону от дороги. – Иди по ней вон за те деревья. Там найдешь что тебе надо. Спросишь Розу, это моя внучатая племянница, скажешь, что от тети Зои. Она тебе услужит, что захочешь.

- А, вам куда? – спросил Тихомиров.

- А, я уже пришла, - кивнула женщина в противоположную от дороги сторону.

Там виднелось какое-то ветхое строение и старое, заросшее кладбище.

- Так, давайте я вам сумку донесу до нужного места, - предложил он.

- Нет, она мне уже не нужна, ты её Розе отдай, - заковы-

ляла та к кладбищу.

Тихомиров шёл по тропинке, куда указала старушка. Сквозь лесополосу не было видно никаких строений.

«Наврала, старая что ли?» - сам с собой мысленно разговаривал он. «А я дурак, повелся. Зачем тогда она, мне незнакомому человеку, свою сумку отдала?.. Может быть в ней наркотики? Или что-то другое запрещенное? – стал размышлять он. «Может посмотреть? Ну, а если, это просто какие-то вещи или продукты. Тогда с моей стороны это будет непорядочно…»

С каждым шагом сумка, как казалось Андрею, становилась все тяжелее и тяжелее. Он стал чаще перекладывать её из руки в руку. Чем ближе он подходил к лесополосе, тем больше ему приходилось прикладывать усилий. Где-то в глубине послышался звон большого церковного колокола.

«Ура!» – мысленно воскликнул Тихомиров. «Раз звучит колокол, значит там есть люди…» - ускорил он шаг.

- Тяв..., тяв…- выскочило, что-то лохматое на Тихомирова из оврага.

- Фу! – отскочил он от неожиданности в сторону. – Опять ты?! – разглядел теперь он собаку Печёнкина. – Откуда ты появился, на мою голову?! У тебя свой хозяин есть. Что ты ко мне привязался-то?

Но пёс не реагировал, он теперь бежал, высунув язык, то впереди, то сзади Тихомирова и метил все встречные кусты. С одной стороны, Андрей был зол на пса, потому что именно

из-за него он здесь оказался, а с другой его радовало, что он был не один.

За лесополосой показались песчаные холмы, но никакого магазина и в помине не было. Снова послышались звуки колокола, но уже ближе. Тихомиров снова ускорил шаг. Сумка стала еще тяжелее, словно ее вес увеличивали с каждым шагом, добавляя по диску для штанги. Тихомиров ее уже не нес, а волок по земле, оставляя пропаханный след. На следующем рывке, ручки сумки с треском оторвались.

- Что за чёрт? – удивился он. И отбросил их в сторону. – И что теперь? Как мне ее нести дальше? – спросил он у собаки.

Пёс подбежал к сумке, обнюхал её и не успел Тихомиров что-либо сообразить, как тот схватил её за оторвавшуюся ручку и потащил в сторону, как будто, та ничего не весила.

- Стой! – закричал Андрей и ринулся за псом. Тут же запнулся за корягу, подвернул ногу и упал, больно ударившись о камень. Бежать он уже не мог, нога была вывихнута.

Тихомиров самостоятельно попытался вправить вывихнутый сустав, но только после нескольких попыток ему это наконец-то удалось, а вот собака вместе с чужой сумкой была уже вне досягаемости.

- Чертов пёс! Чтоб ты пропал! – ругался он на собаку, которая уже скрылась за дальним холмом.

К вечеру опираясь на палку Тихомиров дошел до небольшой старой церквушки. Навстречу ему вышел удивленный монах.

- Здравствуйте, Святой Отец! – поздоровался он.

- И ты здрав будь, путник, - отозвался тот. – Никак заблудился? – помог он Тихомирову присесть на старую, почерневшую от времени скамейку.

- Можно и так сказать, - согласился Андрей. – Шел за покупками, а оказался здесь.

- Странно… - пригладил редкую, длинную бороду монах. – Тут в округе нет ничего. До ближней деревни в аккурат верст 50 будет, там можно чем-нибудь разжиться.

- А мне сказали, что сразу за лесополосой, - пожал плечами Тихомиров.

- Хорошо, что ты мил человек на меня вышел, а то мог бы и в лесу заблудиться. Тут кругом болота, топи, да плавуны.

- Плавуны? – переспросил Андрей. – Это что-то вроде зыбучих песков? Я думал, что они только в пустынях бывают.

- Еще вокруг озер и топей. На отмели реки, в песчаных карьерах, - пояснил монах. Ты, наверное, голодный? У меня правда разносолов нету, но травяным чаем тебя напоить могу, есть немного сыра и вяленная рыба, - пригласил монах своего гостя в небольшое помещение, пристроенное к церкви. Все убранство, которого состояло из небольшой печи с лежанкой, сколоченного из досок стола и лавки. В углу помещения была двуярусная полка, на которой стояла нехитрая посуда и другой кухонный скарб. Над столом висела старинная икона, перед которой скорее коптила, чем горела лампадка.

Андрей сел за стол. Монах достал кружки и туесок меда с кедровыми орешками. Потом на столе появились сухари, сыр и рыба.

- Господи, Иисусе Христе, Боже наш, благослови нам пищу и питие по молитвам… - перекрестился монах.

Андрей, тоже глядя на старого монаха перекрестился.

Старец ел степенно и молча. Андрей не знал, как себя вести за столом и выполнял все, как делал тот.

Когда трапеза закончилась, монах прочел:

- Благодарим Тебя, Христе, Боже наш, что Ты насытил нас земных… - перекрестился он и отвесил низкий поклон.

Андрей тоже сказал:

- Спасибо! – и перекрестился.

Когда вышли на улицу уже совсем стемнело.

- Пора вечернюю молитву служить, - пригласил гостя в часовню монах.

Храм был старый, кое-где прохудилась крыша и на полу были видны выщербленные полы от дождя. Икон было немного. Горели всего три свечи. Было холодно. Когда монах читал молитву из его рта шел пар.

Андрей смотрел на икону Иисуса Христа и мысленно просил его о помощи.

«Господи, помоги жене моей Насте выздороветь. Выносить и родить здорового ребенка. Помоги друзьям моим в трудную минуту, протяни им руку помощи. Помоги всем людям. Пусть все будут здоровы и счастливы. Тогда на земле

не будет зла. Пусть все живут в мире и любви…» - мысленно молился он.

- Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое, да придет царствие Твое… - читал молитву монах.

Уже ближе к ночи они снова вернулись в пристройку. Там было тепло. Монах велел Тихомирову лезть на лежанку.

- Нет, нет, - запротестовал тот. – Я здесь на лавке сидя посплю, мне не привыкать.

- Гостю, место, - возразил монах. – Я все едино сплю плохо, а на рассвете пойду рыбу удить. А ты мой гость. Люди сюда очень редко заходят. Я здесь уже больше сорока лет живу.

- Один? – спросил Андрей.

- Один я уже лет пять. А раньше тут семь скитов было, стало быть целый монастырь. Отец Еремей, отец Афанасий, отец Митрофан, отец Кузьма, отец Аркадий, отец Никодим, и я отец Прокоп, - считал по пальцам старец. – А, тебя путник, как звать, величать?

- Андрей, - ответил тот. - А где они сейчас, эти Святые отцы?

- Так померли. Каждый в своем скиту погребен. Один я остался. Вот жду своего часа.

- Спасибо, что вы в колокол звонили, - поблагодарил Андрей старца.

Монах внимательно посмотрел в лицо Тихомирова своими подслеповатыми глазами:

- Ты слышал колокол? – удивился он.

- Да, я на звук шел, - подтвердил тот.

- Странно… - пригладил свою бороду монах.

- Почему странно? – спросил Тихомиров.

- Потому, странно, что в этот колокол не звонят. Это глухой колокол.

- Как это глухой? – не понял Андрей.

- Беззвучный он. И покоиться давно на дне реки.

- Разве колокол может быть беззвучным? – удивился Тихомиров.

- Когда-то давным-давно, на лысом утесе жил отлученный от церкви иеромонах по имени Тарасий. Сам был грешен и другим все грехи прощал от имени Господа нашего. До того дошло, что возвысился он в гордыне своей и тщеславии выше всех неприкаянных. Отпевал самоубийц, благословлял вероотступников. Грешники к нему рекой текли, кто дары нес, кто серебро. Пришел к нему однажды сам Мамон и принес в дар злато да камни самоцветы, велел на них высокую часовню построить и колокол повесить. Чтобы звук его на сотни верст слышен был.

Нанял иеромонах лучших мастеров, закупил лучшие материалы, но работа не спорилась. Мастера ссорились, уходили, с колокольни падали, в лесу пропадали. Два десятка лет ушло на то, чтобы достроить её. Колокол тоже несколько раз переливали, а ещё сколько люду покалечилось и сгинуло пока его на место доставили, да на колокольню взгромоздили, никто и не считал. Потому как весил он более ста пудов.

Не могли его ни канаты стальные удержать, ни сама колокольня выстоять. То доски прогнивали, то канат обрывался, то ещё какая оказия с ним случалась. Не смогли раскачать его и два десятка звонарей. И тогда сам Тарасий влез на колокольню и ударил в колокол. Но колокол не издал ни звука, вздрогнул только, и вместе с колокольней и теми, кто был в этот час на ней, рухнул с утеса в реку. Так никто, ни разу и не услышал его звука. Бог не допустил… - перекрестился Прокоп - Потому как нет прощения тем, кто нарушил Святой закон Божий, и не покаялся в содеянном…

Под тихий рассказ монаха Тихомиров незаметно для себя уснул. Ему снова снился старый дом с черными тенями и мерзкий ребенок. Он снова тянул к нему свои руки и что-то зло бормотал. Андрей с трудом отцепил его от себя и бросил на пол. Ребенок стал быстро перебирать своими скрюченными ручками и ползти к нему снова. Вот он уже обхватил его за ноги и стал вскарабкиваться по нему словно змея приближаясь к его шее. В лицо пахнуло зловоньем, Андрей от ужаса вскрикнул и проснулся…

- Тяв, тяв, тяв! - раздалось у входной двери.

Тихомиров слез с лежанки и вышел на улицу. Первые солнечные лучи окрашивали в яркие цвета серое утро, но отца Прокопа уже не было.

- Опять ты, пакостник, - поприветствовал он собаку Печёнкина. – То ты появляешься не пойми откуда, то пропадаешь, неизвестно куда. Куда ты сумку чужую уволок? – по-

тер Тихомиров ушибленную ногу. – Пошли отца Прокопа искать, чудище ты лохматое. Надо человеку спасибо сказать, за хлеб, за соль. Тебя накормить, прости нечем.

Пёс весь трясся и нетерпеливо переминался с лапы на лапу, жалобно поскуливая. Вид у него был взъерошенный и жалкий.

На всякий случай Тихомиров зашел в часовню.

«Вдруг монах утреннюю молитву читает», - решил проверить он.

Но в храме никого не было. Теперь при дневном свете, Андрей мог разглядеть его получше. Старые иконы, ветхий псалтирь, потухшая лампада. В углу на полу пыльная прямоугольная каменная плита с высеченным цветком мака. В центре которого стояла чаша, с водой на дне. У Тихомирова появилось непреодолимое желание взять её. Но когда он подошел ближе к плите, пёс громко залаял, а потом поджав хвост завыл. Андрей от этих звуков словно пришел в себя и одернул руку.

- Как ты меня достал! – вышел он из часовни.

Вниз, плутая между холмов, убегала вдаль узкая тропинка. Тихомиров пошел по ней. Пёс скулил и топтался на месте.

- Пошли! – приказал ему Андрей.

Но пёс не сдвинулся с места, а стал звонко тявкать.

- Ну, и пошёл ты к Лешему! – выругался он и махнул на пса рукой.

Где-то внизу снова послышался звон колокола.

«Может монах глухой?» - стал размышлять Тихомиров. «Я же его слышу. А может быть здесь еще какая-нибудь церковь или часовня есть и это другой колокол звонит?»

За очередным холмом показался старый бревенчатый дом, с покосившимися окошками. Тропинка вела к нему.

- Эй! Есть здесь кто живой?! – спросил Тихомиров, подойдя к двери.

Дверь заскрипела и открылась. Андрей вошел внутрь, и тут же хотел выскочить обратно. Но дверь перед ним с силой захлопнулась.

Глава 11
«Потеряшки»

Когда поздним вечером Печёнкин вернулся на съемную квартиру, то обнаружил там поджидавшего его Рогожкина.

- Ну, наконец-то! – обрадовался тот. – Я уже не знал, что и думать. И товарища вашего нет. Он мне ногу перевязать обещал.

- Как нет? – удивился Печенкин. – Он с утра собирался по магазинам пройтись в поисках сосисок и конфет «раковые шейки». Давно должен был вернуться.

- В соседнем магазине есть «гусиные лапки», это одно и тоже, - посоветовал Рогожкин. – А он, что только «раковые шейки» употребляет?

- Нет. Это нам материальный ущерб соседям надо возме-

стить, сосисками и конфетами.

- Вы что съели чужие припасы?

- Не мы, а мой пёс, - скосился на больную ногу Рогожкина Печёнкин.

- Его пристрелить легче, чем прокормить, - погладил свою ногу участковый.

- Не легче. Вы же сами знаете, - улыбнулся Печёнкин. – Вы думаете, что мои соседи не пробовали этого сделать? Я знаю, что мой квартирный хозяин даже специальные службы вызывал для его отлова, и отравить пытался. Но ничего не вышло. Пёс за это разорвал его новые штаны. Так что с ним воевать себе дороже. Мне самому иногда кажется, что это не собака, а сам чёрт.

- Где же доктор? – посмотрел на часы Рогожкин.

- Сам бы это хотел знать, - достал ключ от дома Печёнкин. Открыл дверь и пригласил Рогожкина внутрь.

- Пойдемте чаю хоть выпьем, а то я с утра ничего не ел.

- Ну, как там твое расследование? – спросил Рогожкин, когда они сели за стол и с тали пить свежезаваренный ароматный грузинский чай.

- Я выяснил, что за прошлый год в этом районе тоже пропали трое детей, одного из них нашли в канаве задушенным и с признаками насилия. С его родителями мне довелось поговорить. Они тоже оказались не благополучными и рассказали мне, что следователи сильно не напрягались. Потому как в это время в соседнем районе из колонии сбежали двое

заключенных. Всё списали на них. Их соответственно поймали, одному добавили срок, другого расстреляли по совокупности статей. У него и так статья за разбой была. Генетической экспертизы никто, естественно, не проводил. А так как труп ребенка пролежал несколько месяцев, то он сильно разложился. Мать его по колготкам с вышитой меткой узнала, которыми он был задушен.

- Какой экспертизы не было? – переспросил Рогожкин.

- Генетической, - повторил Печёнкин. – Это когда по ДНК-коду можно идентифицировать любую личность.

- Как это?

- Берется кровь или волосы, или частица ткани или кожи убитого, аналогичные анализы берутся у предполагаемых близких родственников, проводится анализ совпадения, и по ним с точностью до 99,9% можно определить родство. Или берется анализ биоматериалов преступника оставленных на месте преступления, капля крови, например, или сперма, или слюна, или частицы кожи, найденные под ногтями сопротивляющейся жертвы. А после поимки предполагаемого преступника у него берется такой же биоматериал, его идентифицируют с теми что он оставил на жертве или месте преступления. И если они совпадут, то это считается стопроцентной доказательной базой. Как отпечатки пальцев, только лучше.

- Вот, до чего техника дошла, - почесал подбородок Рогожкин. – Нам бы такое.

- Его уже изобрели в Великобритании, но в Советском Союзе его впервые применят в 1988 году. Так что осталось подождать каких-то три года. А пока интуиция, улики и чистосердечное признание.

- Так, ты что считаешь, что пропавшие дети прошлых годов, это дело рук одного… - подбирал нужное слово Рогожкин, потому что назвать его человеком у него не поворачивался язык, - упыря.

- Думаю, что да, - допил последний глоток чая Печёнкин, и поставил стакан на стол.

- Как его искать? Что предлагаешь? – достал потрепанный блокнот и ручку Рогожкин, и как прилежный студент приготовился конспектировать.

- Надо выяснить, кто эти прошлогодние «потеряшки». Где пропали? Как пропали? Кто искал? Поговорить со следователями не мешало бы. Еще опросить родителей пропавших детей. Проверить все случаи пропажи детей хотя бы за последние 3-5 лет. Еще мне нужна будет карта города и близлежащих районов.

- Сделаю, - записывал Рогожкин.

- Если это возможно, то протоколы допроса подозреваемых и потерпевших.

- Это сложно… Но я постараюсь, - пообещал участковый. - Времени правда в обрез. У меня еще на участке бабка померла. Не то сама в подушке задохнулась, не то помог кто-то, непонятно. Завтра с утра пойду соседей опрашивать.

- Следы насилия присутствуют? – спросил Печёнкин.

- Ты про то, о чём я сейчас подумал? – уставился удивленными глазами на того Рогожкин.

- Угу, - кивнул тот.

- Ты нормальный? Бабке 82 года, кто на нее позарится? – не понимал участковый.

- Я нормальный, а вот преступник нет. Мы же не знаем какие у него отклонения, может он не только педофил, но геронтофил. Ведь есть же зоофилы и некрофилы.

- Кто это? – снова достал свой конспект Рогожкин, который он уже благополучно сложил в старую папку.

Когда Печёнкин рассказал ему о всех извращениях, участковый был шокирован.

- Как вы там в своем времени с этим живете? Ведь подумать об этом и то противно и страшно, - сплюнул он брезгливо, и закрыл свой блокнот.

- Так это началось в вашем времени и даже раньше. А мы уже пожинаем плоды всевозможных отклонений больных людей.

- Так ты считаешь, что бабка и дети, это дело рук одного урода? – застегнул молнию на папке тот.

- Не знаю. Возможно, что и разных. Но отметать эту версию нельзя. Кстати, где она живет?

Рогожкин снова расстегнул молнию на папке, достал оттуда свой блокнот, полистал его и прочел:

- Улица Кирова 25/2 квартира 78.

- Кирова 25? - переспросил Печёнкин.

- Да, - кивнул тот.

- А, разве не там пропала Валя Кошкина?

Рогожкин протер рукавом лоб, округлил глаза.

- Так может, бабка видела убийцу? – покраснел он как вареный рак. – И тот убил её как свидетеля?

- Может быть, - согласился Печёнкин.

- А, что? Это логично. Бабка старая, на работу не ходит. Живет одна. Сидит целый день у окна или у подъезда, всё видит. За что и поплатилась. Ладно уже поздно, - снова взглянул на часы участковый, - боюсь на последний автобус опоздать. Завтра спрошу, может кому-нибудь что-нибудь рассказать успела, - заторопился он к выходу.

Печёнкин проводил участкового, тоже достал лист бумаги и стал чертить схемы и ставить какие-то значки. Потом скомкал лист и выбросил его в мусорное ведро. Достал новый тоже исчеркал его весь, тоже скомкал и выбросил. Эта же участь постигла третий, четвертый, пятый и шестой листы. И только на седьмом схема получилась.

«Выводы» - мысленно стал рассуждать он, смотря в свою схему. «Все дети из неблагополучных семей, кроме Вали Кошкиной. Возраст от 6 до 14 лет. Время исчезновения разное. Хотя… Валя Кошкина пропала среди бела дня, у своего подъезда. Игорек Скоков, которого задушили в прошлом году тоже днем. Если Валю около часа дня видел Тихомиров живую и здоровую, то пропала она примерно с двух до пяти.

И Игорек пропал в это же время. Жил он в пяти кварталах от дома Вали Кошкиной. А, что если предположить, что преступник живет где-то по соседству?.. Но ведь дети пропадали и в двух других районах, и даже за пределами города… Но в одном районе… Это зацепка… Если предположить, что в этом районе он был в командировке, или по личным делам, или у него там живет кто-то из родственников или друзей, и он их периодически навещает».

Печенкин встал из-за стола и стал ходить по комнате туда-сюда, заложив руки за спину.

«А если наоборот, он живет за городом, а в город приезжает по делам?.. А, что если он ездит на работу?.. Кем он может работать?..»

Голова Печёнкина, уже плохо соображала, ей требовался отдых и покой. Алексей взглянул на часы, было без пятнадцати два ночи. А Тихомиров так и не появился, как в прочем и собака.

- Чёртов пёс, все из-за него, - выругался Печёнкин и лёг на диван. Как ему показалось на минуту закрыл глаза, а проснулся глубоким утром.

Не успел он поставить чайник, как пришла квартирная хозяйка.

- С добрым утречком! – поздоровалась она с Печёнкиным.

- Здравствуйте Клара Захаровна! – ответил тот.

- Я за расчетом. Пять рублей готовьте, - с ходу поставила она в известность квартиранта о цели своего визита.

- Так неделя еще не прошла, - возмутился Алексей. – Сегодня ровно пять дней будет.

- Завтра суббота, послезавтра воскресенье, это не рабочие дни. Я уеду в гости вернусь только в понедельник. А это уже третья неделя пойдет. А в понедельник я на работу пойду, и к вам заглянуть могу и не успеть, а вы доживете до пятницы и съедите, что тогда? Прощай денежки? Нет. Меня не надуришь. Я вас командировочных очень хорошо знаю. Наврете с три короба и поминай как звали. Или деньги сейчас плати, или завтра съезжайте.

Спорить с Кларой Захаровной было бесполезно, это Печёнкин понял по её воинственной позе «руки в боки». Поэтому он молча достал свой портмоне вынул пять рублей и отдал их женщине.

- Ну, вот и хорошо, - просияла та. – Будьте здоровы! Приду в следующую пятницу. Условия вы знаете, - положила она пять советских рублей в «надежное место», поближе к сердцу. – Ах, да чуть не забыла! – всплеснула она руками. -Мне тут соседи про какую-то собаку говорили. Про какие-то сосиски, конфеты и петуха. Я не особо поняла. Вы что с собакой тут проживаете?

- Нет! – резко ответил Печёнкин. – Нет у нас никакой собаки!

Клара Захаровна прищурилась:

- Если вы мне про собаку соврали. То плату возьму отдельную, как за человека два рубля пятьдесят копеек за неделю.

- Да нет у нас никакой собаки. Прибегал тут чей-то чужой пёс. Голодный, лохматый, мы его просто из жалости накормили, а он возьми, да и напакости. Мы уже почти весь нанесенный им ущерб, соседям возместили. Остались лишь сосиски и «раковые шейки».

- Смотрите, у меня! – погрозила она Печёнкину указательным пальцем. – Еще раз про собаку услышу, выселю! - взяла она свою корзинку с цветами и вышла за калитку.

Алексей вернулся в дом, чайник уже во всю кипел. Но выпить его ему не удалось. С улицы кто-то стучал в калитку.

- Здравствуйте! – крикнула женщина, увидев Печёнкина на крыльце.

- Здравствуйте! – ответил тот.

- Как хорошо, что я вас застала. Боялась, что вы уже на службу ушли.

- А вы по какому вопросу? - спросил Алексей. А про себя подумал, если этот чёртов пёс опять что-то натворил, то он сам лично его пристрелит.

- Мне сказали, что вы пропавших детей разыскиваете. Это правда?

- Ну, так скажем помогаю следствию, - не знал, что ответить Печёнкин.

- Это хорошо, что их снова стали искать, - промокнула она слезу.

- Проходите в дом, - пригласил её Печёнкин. – Расскажите обстоятельно, что у вас случилось?

- В прошлом году у меня пропала дочь Анечка, - достала из старой сумки фотографию девочки лет 10 женщина. - Я в полицию пришла, а там меня никто слушать не стал. Я не спорю, я сама виновата… - закрыла она лицо руками.

- Давайте так, вы сейчас успокоитесь, и расскажите мне всё-всё, без утайки, как на исповеди. А я постараюсь вам помочь, - подал ей стакан воды Печёнкин.

- В позапрошлом году муж у меня в аварии разбился. А мы жили в ведомственной квартире. Как его похоронили, нас из квартиры выселили. Нового специалиста взяли, ему жилье положено. Да я не виню никого. Что поделать, жизнь такая. Пошла я в горячий цех работать, чтобы как-то концы с концами сводить. Комнату в коммуналке сняла. Не скрою, не сдержалась я, стала употреблять, - постучала пальцами себе по шее женщина.

- Сначала мужа жалела, потом себя… - снова смахнула она слезу. - Анюта много раз меня и просила, и плакала, и кричала, чтобы я пить бросила… А мне казалось, что всё, жизнь остановилась, лучше уже никогда не будет. Не слышала я её…

Однажды так напилась, что чуть не померла, Анютка мне «скорую» вызывала. Врач еле откачал. А я возьми, да и скажи потом в сердцах ей: «Зачем ты меня спасла. Я сдохнуть хочу. Зачем мне жить…» Поругались в тот вечер мы сильно. Я пошла за бутылкой, а когда вернулась её нет. Я подумала, что она решила мне назло уйти. Характер свой показать. Ду-

мала ничего, есть захочет явиться. Но она так до утра и не пришла. Я опять подумала, что она у подруги своей Алёнки ночевать осталась, а утром в школу пошла. У меня смена вторая в тот день была. Подумала, что она знает, что мне на работу, поэтому придет вечером домой. Она же обиделась на меня, разговаривать не хочет. Я со смены пришла, выпила, - снова показала жестом на свою шею женщина, - а её все нет и нет. Ну вечером я и пошла в милицию. А они мне: «не паникуй мамаша, иди лучше проспись. Твоя дочь, тебе просто мстит. Дети так часто поступают». Заявление приняли только на третий день. Для вида поискали и успокоились. Следователь мне так и сказал: «тела нет – значит и дела нет. Побродяжничает и найдется». Но уже год прошел, а она так и не нашлась. Я только тогда осознала, какая я гадина и дрянь, и что моей дочери пришлось пережить…

- Я пить бросила, - заверила женщина Печёнкина. - Искала её повсюду… - быстро смахнула она набежавшую слезу.

- А на днях мне сон приснился… Вижу её словно в зеркале, прозрачная такая, как призрак. И вроде как манит меня куда-то. Я подхожу ближе к зеркалу и вижу тропинку в лесу, а на дереве шарфик ее синий, с вышитой снежинкой. Я сама когда-то ей её вышила. Меня аж в холодный пот бросило. Там она, в лесу этом… - выпила несколько глотков воды из стакана женщина.

- А вчера я случайно бабушку Васи Сысоева встретила у магазина, она мне про вас рассказала. Мол, что вы интере-

совались, пропадали ли дети раньше. Я сразу к вам. Найдите мою дочь, прошу вас… - снова заплакала женщина. – Хоть живую, хоть… - не договорила она.

- А вы знаете, кто третий ребенок, пропавший в прошлом году? – спросил Печёнкин, когда женщина немного успокоилась.

- Да. Это Женя Куликов. Сын нашего доктора. Он через месяц после моей Анечки пропал.

- У вас есть его адрес? – достал свой блокнот Печёнкин.

- Да. Я ходила к ним, когда услышала об этом. Вот, - протянула она обрывок тетрадного листа с адресом.

- Морской переулок 12, - прочитал тот.

- Это в нескольких кварталах отсюда, - пояснила женщина.

Когда она ушла, Печёнкин наконец-то позавтракал, заглянул в свой портмоне. Там остались 3 рубля, 27 копеек.

«Чем с квартирной хозяйкой через неделю расплачиваться?» - задал мысленно он себе вопрос, - «и на что продукты покупать? Тихомиров кажется, что-то про разгрузку вагонов говорил…» - вышел он из дома и пошел пешком, чтобы сэкономить деньги.

Через сорок минут он нашел нужный ему дом с облупившимися окнами. Печёнкин нажал на кнопку звонка, но никто не открыл.

- Никого дома нет, - услышал он за своей спиной.

Алексей оглянулся и увидел полную, пожилую женщину,

опирающуюся на костыль.

- Здравствуйте, вы хорошо знаете хозяев? – обратился он к ней.

- Десять лет по соседству с ними проживаю.

- Может вы мне сможете помочь. Я расследую дело о пропавших детях, - пояснил Печёнкин.

- Из милиции что ли? – обсмотрела она его с головы до ног.

- Угу, - кивнул тот.

- Спохватились… Уже больше года прошло. Бедная Валентина от горя с ума сошла.

- А Валентина это кто? – поинтересовался Печёнкин.

- Ты следователь? – с укоризной посмотрела она ему в глаза.

- Угу, - снова кивнул тот.

- Следователь, а не знаешь, что Валентина Куликова, мать пропавшего мальчика.

- Я новенький. Мне это дело дали всего две дня назад, - почти не соврал Печёнкин. – Так что? Я могу с вами о нём поговорить?

- Ну, пойдем, - указала костылем на соседнюю калитку женщина.

Печёнкин, как джентльмен донес авоську до калитки, пропустил женщину вперед, и даже починил дверную ручку, которая оторвалась и висела на одном ржавом гвозде.

Женщина была словоохотливой, то и дело перескакивала

с одного персонажа на другой, с третьего сюжета на четвертый. Печёнкин иногда терял логику и хронологию событий, и возвращался к одному и тому же вопросу по несколько раз. От соседки Куликовых, Раисы Никодимовы Росщупкиной, он вышел только три часа спустя, с сильной головной болью и упадком жизненных сил. И только вечером смог приступить к расшифровке своих записей. Просидев над ними еще несколько часов, он наконец-то сложил нужную картину.

Семья Куликовых жила скромно. Он – врач-терапевт, она – учитель музыки в музыкальной школе. Было у них два сына Женя и Славик. Четыре года назад Славик упал с качели и сильно разбил голову. Николай Петрович, отец мальчика был дома, заскочил на обед между сменами в больнице. Он и принес мальчика в приемный покой, сам швы наложил, сам реанимацию делал, но ничего не помогло, мальчик умер.

«Валентина Сергеевна, мать мальчиков, сильно переживала. Похудела, почернела вся, но кое-как с горем справилась. С работы уволилась, чтобы всегда рядом с оставшимся сыном быть.

«- Уж она Женю не на минуту не оставляла. Все дети на улице на велосипедах, качелях катаются, а он во дворе за забором сидит и через щелку за ними наблюдает. Бедный мальчишка, ни купаться, ни играть, даже во дворе и то было слышно, как мать постоянно ему все запрещает: «не лезь – упадешь, не прыгай – поранишься, не бегай – расшибешься, холодного не ешь – заболеешь…» А через три года Жень-

ка пропал. Был во дворе, с машинкой в песке играл. Мать в кухне суп варила, отвлеклась на десять минут, позвала, а его нет. Ну, она по дворам его искать, в милицию, к мужу на работу. Несколько дней не ела, не пила, не спала. Довела себя до нервного срыва. Бедный Николай Петрович, он с ней как с фарфоровой куклой возился. С ложечки её кормил, лекарствами поил, на руках носил, уколы делал. Потом она и на улицу выходить перестала дома все была. То тихая как мертвая, со стеклянными глазами, то вдруг буйной становилась, посуду била, кричала, плакала. После очередной истерики, Николаю Петровичу пришлось ее в специальную лечебницу определить» - рассказала жуткую историю семьи Куликовых, Раиса Никодимовна.

- В какую лечебницу? – спросил соседку Печёнкин.

Но та, так ничего внятного и не ответила.

- В какую-то специальную, закрытого типа, для буйных.

Сам Николай Петрович, со слов женщины с головой окунулся в работу, на скорую помощь перешел работать. А по выходным в соседней поликлинике терапевтом подрабатывал. Вот и сегодня он был на суточном дежурстве. После смерти Славика и пропажи Жени, он совсем стал нелюдимым.

Больше полезной информации Печёнкину раздобыть не довелось. Раиса Никодимовна то начинала вспоминать свою молодость, то жаловаться на соседей справа, которые, по её мнению, произвели самовольный захват её территории, в

размере 20 сантиметров, то рассуждала о мироустройстве и философствовала о превратностях судьбы.

Только спустя несколько дней Печёнкину посчастливилось поговорить с Николаем Петровичем Куликовым. Это был сгорбившейся, тщедушный, близорукий человек в круглых очках, в дешёвой оправе. Когда он услышал с какой целью к нему пришел следователь, (так ему представился Печёнкин) он затрясся и расплакался.

- Найдите его, прошу вас… - всхлипывал он. – Женя, это единственная оставшаяся отрада. Не было ни минуты, чтобы я не думал о нем… Если вы найдете Женю, тогда и Валюша моя поправиться…

- А где сейчас ваша жена? – спросил Печёнкин.

Они сидели на маленькой захламленной кухне Куликовых, за столом с ободранной клеёнкой в красный горошек.

- У Вали после того, как погиб наш старший сын, случился нервный срыв. У нее была тяжелая депрессия. Её только и спасло то, что есть Женя. Она ушла с работы и все свое время стала посвящать ему. Она даже по ночам просыпалась каждый час, подходила к его кроватке и прислушивалась к его дыханию. Но когда Женя пропал, у нее помутился рассудок. Из этой депрессии я самостоятельное её вывести не смог. Пришлось обратится к специалистам. Валя, то целыми днями сидела, уставившись в одну точку, то вдруг начинала кричать, биться в истерике, рваться на поиски сына… - снова всхлипнул Куликов.

Печёнкин рассматривал ветхий дом Куликовых, который сильно нуждался в капитальном ремонте. На полках и окне был толстый слой пыли. В раковине лежала гора немытой посуды.

Куликов перехватил взгляд Печёнкина.

- Да, да… Не подобает врачу вести домашнее хозяйство в таком качестве. Но я целыми днями на работе. Сутки на «скорой», потом на приеме в поликлинике или по домашним вызовам. Домой поздно вечером прихожу, бывает и приготовить покушать некогда. С ног валюсь… Специально много работы беру, чтобы в пустом доме, как можно меньше находиться. Здесь мне все о них напоминает… - задрожал его голос.

- А можно мне комнату мальчиков осмотреть? – спросил Печёнкин.

- Да, да, конечно, конечно, - пригласил его мужчина в другую комнату.

Это была гостиная с маленьким телевизором. В противоположенном углу стояло старое пианино. У стены со старым плюшевым ковром стоял подранный котом диван, а рядом узкая железная детская кровать.

- Тут спал Женя… - отвернул свое лицо от Печёнкина убитый горем отец. Но Печёнкин заметил, как нервно затряслись его подбородок и губы. – А мы тут с Валюшей на диване, - кивнул он в сторону ковра.

- У мальчика не было своей комнаты? – поинтересовался

Алексей.

- Была… Но, когда погиб Славик, Валюша велела перенести кровать Жени сюда. Хотела быть рядом с ним… Всегда…

Куликов открыл дверь в соседнюю комнату и включил свет. Там стояла еще одна детская кровать, старый письменный стол, комод и шкаф с детскими вещами и игрушками. Печёнкин открыл его. Там сверху висели чистые отутюженные школьные брюки, белоснежная сорочка, снизу лежали теплые вещи, на специальном приспособлении висели детские шарфы, шапки, варежки и носочки. Печёнкин потрогал красные варежки.

- Славик должен был пойти в третий класс, - отвел взгляд в сторону от вещей, растрогавшийся отец.

В углу стояли заношенные тапочки, резиновые сапожки и валенки. Над кроватью было много детских непропорциональных рисунков с непонятными сюжетами. На некоторых были изображены просто какие-то витиеватые узоры и каракули

- Славик любил рисовать… - пояснил Куликов. – После смерти маль… - осекся Куликов. – После того как пропал Женя, я сюда не захожу… - снова отвернулся он от Печёнкина, и его руки затряслись. – Я просто потерял уже всякую надежду… Вы осуждаете меня?

- Нет. Я вас не осуждаю… Я понимаю, что вам очень тяжело, - Печенкину было больно смотреть на страдание отца,

но он все равно решил задать тому последний вопрос.

- А как пропал Женя?

- Я был на работе. У меня было несколько вызовов на участке. Я пообещал жене, что приду на обед. Но задержался. Попалась сложная пациентка, у нее был гипертонический криз и инсульт. Мне пришлось её откачивать, вызывать неотложку. Но реанимационная бригада не успела. Женщина умерла у меня на руках. Потом оформляли бумаги, вызывали участкового. В общем на обед я не попал, сразу в поликлинику поехал. У меня в 15.00 прием начинался. В это время всегда грипп, простуды, ангины. И как раз время летних отпусков началось. Пришлось подменять сразу нескольких терапевтов с нескольких участков. А больные, как правило все нервные, злые, а тут еще и очередь, которую надо час, а то и два отстоять. Каждому больничный лист нужен.

Валентина позвонила мне в поликлинику, когда я только на прием пришёл, что Женя пропал. Но я честно сказать подумал, что он с мальчишками заигрался, а матери не сказал. Она его в сильной строгости держала. В поликлинике я пробыл до 19.00 часов. А когда домой пришел, она вся в слезах, уже оказывается и в милицию сбегала и все дворы оббежала, а его нигде нет, - вытер слезу Куликов.

- Это я во всем виноват… Права Валентина… Если бы я тогда все бросил и побежал его искать. Он бы был сейчас с нами…

Куликов совсем сник, его и так узкие плечи сузились еще

сильнее, он опустился на диван и зарыдал.

При виде этого зрелища Печёнкину стало очень жаль раздавленного горем отца и мужа, он не нашел никаких слов поддержки и просто направился к двери:

- Извините, мне пора. Всего вам доброго, - вышел он из дома Куликова.

Печёнкин спешил в магазин по соседству. Поздним вечером туда приезжала машина с продуктами, и он её разгружал. За это, заведующая обещала платить ему 2 рубля. А так как Алексей оказался непьющим и пунктуальным, она выплачивала ему по повышенному тарифу все 2 рубля 50 копеек, и даже достала для него «раковые шейки» и сосиски.

Алексею это было неприятно. Так как будь он «при исполнении» в своем времени, он бы конечно же составил на водителя, продавцов и заведующую не один десяток протоколов. И даже завел несколько административных и уголовных дел. Но сейчас у него не было ни выбора, ни полномочий, ни документов, и ему нужно было на что-то жить.

Глава 12
«Старая часовня»

Через два часа Кира, Антонов и Рябинин дошли до песчаных гор, на какие указывала Инга, но Ивантеевки видно не было.

- Слушай, Егор, а ты уверен, что мы идем правильно? Мо-

жет быть, девушка не эти холмы имела в виду? – спросил Антонов.

- А, ты здесь видишь еще какие-то? Я точно видел, как она указала в эту сторону, - был зол Рябинин.

- Но тогда почему населенного пункта нет? По всем признакам он уже должен был появиться.

- А, что по этому поводу думает Кирея? – спросил Рябинин.

Но девушка промолчала.

- Стажер Овечкина, соблаговолите ответить, - снова обратился Рябинин к ней.

- Что, уже можно открыть рот? – спросила та с сорказмом.

- Можно.

- Я кажется, говорила вам что здесь что-то не то. И что мне не нравиться эта девица. Но меня никто не слушал. А что, если она специально наврала нам?

- Зачем? – раздражался всё сильнее Рябинин.

- Пока не знаю. Но чувствую…

- Слышите?! – резко остановился оперативник.

- Что? – не поняли его спутники.

- Звон… – поднял указательный палец тот.

- Какой звон? – прислушивался Антонов, но ничего не слышал.

- Колокол звонит.

Кира на несколько секунд замерла и сосредоточилась.

- Не слышу, - пожала она плечами

- Вы что, глухие? Или прикидываетесь? – сердился Рябинин. – Вот опять… Бом… Бом… Бом… - повторял он услышанные звуки.

Но ни Антонов ни Овечкина ничего не слышали.

- Смотрите что это? – показала Кира рукой в направлении небольшого озера.

- Что там? – спросил Рябинин, и стал всматриваться в указанное девушкой направление.

- Не знаю, постройка какая-то старинная.

- Где? - не видел Антонов.

- Вон там за деревьями вверх по склону, - прибавила Кира шаг в направлении постройки.

Когда поднялись на холм, то их взору открылась полуразвалившаяся старинная часовня.

- Говорил, же вам, что колокол звонил, - искоса посмотрел Рябинин на Киру.

- Но здесь нет колокола, - обошла Кира строение.

Часовня одной стороной прислонялась к каменистой скале, а другой упиралась в крутой обрыв.

Вошли внутрь. На стенах храма были изображены облупившиеся лики святых, кругом была полная разруха и толстый слой пыли. Местами доски прогнили и через огромные щели был виден лес. Где-то глубоко внизу играла бликами река. На скальной стене солнечный луч выхватил изображение круга с рисунком внутри. В центре круга стояла старая лампада с несколькими каплями масла.

- Что это? – протерла Кира старое изображение.

- Похоже на что-то оккультное, - стал пристально вглядываться в рисунок Антонов. – Посвети, - попросил он Рябинина.

Тот порылся в своей сумке, в поисках фонарика, - не могу найти, куда он запропастился, - полез он в карман, и достал зажигалку. Почиркал ей, но безрезультатно.

- У меня спички есть, - достал коробок из плащ-палатки Антонов. Зажег и поднес он огонь ближе к надписи.

– *Oidalg Orrak* – прочёл Антонов витиеватую надпись в круге. – *Oidalg Orrak* – повторил он ещё раз, постоял подумал, и пожав плечами сказал: - Я не знаю, что это обозначает. Абракадабра какая-то.

- *Oidalg Orrak*, - повторила за Антоновым Кира, - очень странные слова. - Буквы похожи на английские… - пожала она плечами.

- И на немецкие, и на латинские, и на другие языки Европы… - согласился Антонов.

- Ладно, пойдемте отсюда. Здесь нет ничего интересного, - кивнул в сторону выхода Рябинин.

Спичка догорела до конца и обожгла пальцы Романа. Он невольно выронил её. В эту же секунду отовсюду потянуло сквозняком и загорелась лампада.

- Что это? – от неожиданности, отпрянула Кира.

- Просто огонь! – ответил Рябинин. – Что тут страшного? – зло усмехнулся он.

- Нет, это не простой огонь… - решил возразить Антонов. – Тут что-то не так… Похоже, что это мы невольно зажгли его.

- Может те слова, что мы прочли, были какими-то заклинаниями? – предположила девушка.

- Что вы тут выдумываете? – рявкнул Рябинин. – Сквозняком огонь зажегся и всё.

- Странное объяснение, ты не находишь? – удивился такому поведению друга Антонов, и посмотрел ему в глаза. В них отражался огонь лампады. Языки пламени меняли их цвет от золотисто-красного, до сине-зеленого. Роман не увидел в них своего отражения, и чтобы удостовериться помахал перед лицом Рябинина своей рукой. Тот зло схватил его за запястье, так что побелели костяшки пальцев.

- Кира, погаси огонь! – крикнул Антонов.

- Чем?! – растерялась она. Её накрыла паника и истерика одновременно. Было такое ощущение, что её тело туго спеленали, и она не могла пошевелиться. Девушка перестала сопротивляться и мысленно начала себя успокаивать.

Антонов выдернул свою руку из мертвой хватки Рябинина, и кинулся к лампаде, но тот опередил его и преградил путь. Неприятный холодок пробежал по телу Антонова. Он попытался оттолкнуть друга, заслонявшего огонь, но Рябинин ударил его в грудь так, что Антонов отлетел на несколько метров.

- Егор, очнись! Егор! – крикнул он, пытаясь встать на но-

ги.

Но Рябинин, словно не слышал его. Наоборот, его лицо потемнело и приобрело жесткие черты. На мгновение Антонову показалось, что за его плечами промелькнула тень огромных крыльев. И Роман понял, что тот себя не контролирует.

- Егор, борись! Не сдавайся! – поднялся он на ноги. И стал быстро соображать, как потушить огонь.

Сделав обманное движение, как в боксе, Антонов прошмыгнул под увесистый кулак Рябинина, и в один прыжок оказался у разрушенной печи. Он ладонями схватил горсть пепла и кинул его в огонь. Но не весь пепел долетел до цели.

Лампада зачадила, заискрила и с новой силой разгорелась. Огонь стал больше и злее. Рябинин с огненным блеском глаз снова ринулся на Антонова, его движения с каждым разом все меньше напоминали человеческие, он то прыгал как дикая кошка, то взлетал и зависал в воздухе как хищная птица.

- Егор, очнись! Приди в себя! – пытался увернутся от Рябинина Антонов. Но его человеческих сил на это не хватало.

Вот Рябинин, как коршун схватил его и поднял к потолку часовни… В следующие мгновенье его руки разжались, и они оба рухнули на пыльный пол.

Антонов больно ударился раненым плечом. Он упал на сумки с вещами, которые стояли у входа в часовню. Сверху на него рухнул обессилевший Рябинин. Перед глазами Антонова была зыбкая пелена, сквозь нее он увидел Киру, ко-

торая стояла на коленях у потухшей лампады, рядом лежала пустая пластиковая бутылка из-под минеральной воды.

Антонов легонько столкнул Рябинина и медленно поднялся на ноги. Голова кружилась, а раненое плечо ныло. Рябинин пошевелился и тоже медленно встал. Он смотрел на друзей не понимающим взглядом, его трясло мелкой дрожью.

- Что произошло? – спросил он.

- Ты озверел и напал на меня, - потер больную руку Антонов.

- Ты шутишь? – не верил тот.

- Ни сколько…

Рябинин взглянул на Киру. Та кивнула подтверждая слова Антонова.

- Почему? – снова спросил он.

- Дьявольский огонь причина тому, - кивнул в сторону лампады Антонов.

- Я попыталась потушить его водой, но у меня не получилось… – оправдывалась девушка. – Потом я следуя вашему примеру, засыпала его, и он потух. Как вы догадались, что его нужно тушить золой?

- Не знаю. Вспомнил про «греческий» огонь, углекислоту и азот, которые образуются в топочных газах, - стал отряхиваться Роман.

- Как все-таки хорошо, что ты у нас такой всезнайка, - похлопал по плечу того Рябинин.

Антонов застонал и отстранился.

- Прости брат, забыл про твое плечо… - быстро одернул от него свою руку Рябинин.

- Надо убираться отсюда! – схватил сумки оперативник и направился к выходу. Но тут же отпрянул назад.

- Там… волки… - громко сглотнул он слюну.

Антонов подбежал к выходу, через секунду его лицо побледнело, и он как Рябинин отошел назад.

- Их там не меньше дюжины – бросил он растерянный взгляд на Киру.

- У меня всего два патрона, - достал свой пистолет Рябинин.

- Ну, уже хорошо, - одобрил Антонов, - по пять на брата. Но это при условии, что ты двумя выстрелами положишь двух волков.

Рябинин снял пистолет с предохранителя.

- Может стрельнуть? Они напугаются и уйдут… - предложил он.

- Если стрелять, то нужно наверняка. А так, что попусту патроны тратить. Но и первыми нападать на них не следует. Мы не знаем, как они себя поведут, - ответил Антонов.

Кира стояла бледная и поникшая. Даже не смотря на её смелость, она понимала, что даже с одним небольшим волком она физически не справиться.

У печи валялась старая кочерга, девушка подняла её.

- Одень плащ-палатку и влезь куда-нибудь, чтобы твой рост и объем казались больше, - сказал ей Антонов. – Ды-

ши глубже, выдыхай медленнее, тебе нужно побороть страх. Животные чувствуют его. Сам он в это время подобрал несколько обломков от скалы, достал из сумки какие-то вещи и стал ими обматывать кисти и запястья своих рук, так чтобы скальные обломки из них не выпали.

Позади Рябинина мелькнула тень, Антонов резко оглянулся и увидел в просвет щели знакомую черную морду с порванным ухом. Он не успел ничего сказать, как тот оскалив пасть проломил хлипкую преграду в виде прогнивших бревен и кинулся на «добычу». Роман успел ударить волка в голову, тот просел на задние лапы и потряс головой, как боксер после нокаута. В эту же секунду волки стали со всех сторон окружать людей. Рябинин выстрелил в первого волка, который в прыжке летел на него. Попал в брюхо, тот жалобно заскулил, плюхнулся на пол и отполз в сторону. Но другие волки, почуяв кровь, не отступили, а наоборот пошли в наступление. Рябинин, целился в черного, который набросился на Антонова, но в пылу борьбы они постоянно менялись местами, и он боялся зацепить друга.

Кира стояла на полуразвалившейся печи в огромной плащ-палатке и размахивала кочергой.

Вторая пуля, выпущенная Рябининым не достигла цели, она поцарапала животное, лишь раззадорив его. Теперь парни стояли спина к спине закрыв собой девушку и отражали одну атаку за другой. Теперь Егор использовал пистолет вместо камня отбиваясь им наотмашь.

- Возьми штык-нож, - крикнул Антонов.

Рябинин выхватил из-за его пояса стальной клинок.

Минута казалась вечностью, силы друзей были на исходе. А волки все не отступали, хотя три из них лежали поодаль поверженные людьми. Особенно свирепствовал огромный черный. Теперь он сбил с ног Рябинина и пытался вцепиться тому в горло. Антонов бил его в бока как боксерскую грушу, хотя у него у самого на ноге и руке висело по волку.

И тут, где-то вдалеке послышался звонкий лай собаки и странный вой, от которого у Рябинина по телу пробежала мелкая дрожь.

Волки засуетились, замешкались, некоторые бросились прочь из часовни. Черному почти удалось добраться до шеи Рябинина, когда его оглушил удар кочергой в голову. Волчья челюсть звонко щелкнула в миллиметре от сонной артерии оперативника.

Снова послышался вой и лай. Волк отполз поднялся на лапы и мотая головой, поджав хвост, пошатываясь вышел из часовни. Остальные волки последовали за ним.

- Охотники? – поднялся на ноги Антонов и подал руку Рябинину.

- Возможно, - пожал плечами тот.

- Курсант Овечкина, объявляю тебе благодарность, - снял он с печи девушку. – Если бы не ты, мне бы прокусили жизненно важные органы, - почесал Рябинин свою шею.

Киру трясло, при свете луны, её бледное лицо, казалось

мертвенно-белым.

- И что нам делать дальше? Куда идти? – спросила она.

- Не знаю… - ответил Рябинин и сел на свою сумку. – Здесь тоже оставаться нельзя.

- Надо идти к охотникам, у них ружья, - сказал Антонов и поднял свой вещмешок.

- Давайте я вам сначала раны обработаю, - достала аптечку Кира. – Интересно, что за животное так выло?

- Собака, наверное, - закатил рукав рубашки Рябинин. Вся рука его была покусана, а около локтя пропорота волчьим клыком. Из раны струилась кровь.

- Тяв, тяв… - ворвалось что-то лохматое в часовню. И прямиком направилось к сумке Рябинина где был пакет с едой.

- Батон! Стой! Фу! Нельзя, тебе говорят! – влетел в часовню за псом человек. – Невыносимая собака! Извините… - стали привыкать его глаза к темноте.

- Егор? – увидел он в луче света израненное знакомое лицо.

- Андрюха? А ты тут откуда? – поднялся тот навстречу, но тут же поспешил сесть. Его нога тоже была изранена.

- Здорово дружище! Как я рад тебя видеть снова, - обнял его широкие плечи Антонов.

- Ромка! Живой?! – схватил того в охапку Тихомиров.

- Осторожно, задушишь, - отстранился слегка Роман.

- Здравствуйте, Андрей Владимирович, - вышла из темного угла Кира.

Пока друзья радовались неожиданной встрече, пес прогрыз дыру в сумке и вытащил оттуда пакет с продуктами.

Кира заметила это, но промолчала. Но Тихомиров отреагировал криком и даже кинул в пса пустой пластиковой бутылкой.

- Откуда у тебя этот пёс? – спросил Антонов.

- Он не мой. Это собака Печёнкина. Между прочим, здесь я оказался благодаря ему. Он сожрал чужие сосиски и конфеты, и я пошел искать дефицитный товар, чтобы восстановить ущерб.

- Мы что так долго отсутствовали, что теперь там в будущем сосиски стали дефицитом? – удивился Рябинин.

- Я сам там не был целую неделю. А вот в 1985 сосиски и «раковые шейки» - дефицит.

- Мы, что теперь оказались в 1985? – почесал свой нос Рябинин.

- Понятия не имею, - пожал плечами Тихомиров. – А вы в каком были?

- Лично я в 1941, - ответил Антонов. – А они, - кивком указал он на Киру с Рябининым, - прямо из дома.

- Спасибо, что спас нас, - поблагодарил оперативник. – Я уже думал, всё, конец.

- В смысле? От чего я вас спас? – не понял тот.

- Разве ты не на помощь нам бежал? – удивился Роман.

- Нет. Я услышал выстрелы, подумал, что охотники и прибежал на звук. Я вторые сутки брожу по этому лесу, не могу

обратную дорогу найти. А от кого вас нужно было спасти?

- Вон, - кивнул в сторону, где лежали тела мертвых волков, Рябинин. – На нас тут целая стая напала. Остальные услышали вой и лай собаки и ушли.

- Лаял действительно Батон, а вот выл кто-то другой. Я честно сказать сам испугался.

- Кто же тогда так выл? – снова почесал свой заострившийся нос Егор.

В свете луны показалась огромная черная тень волка. Кира от неожиданности вскрикнула и попятилась назад. Тень попала в полоску света и теперь все увидели, как она постепенно превратилась в живого рыжего кота.

- Хорс?! – схватил кота на руки Роман. – Только не говори мне, что коты умеют так страшно выть, - подозрительно посмотрел он на того.

Кот фыркнул и спрыгнул с рук Антонова. Потом он недовольно посмотрел на собаку и важно зашагал к выходу.

- Ущипните меня. Впервые слышу, чтобы коты выли как… - на секунду задумался он, - неизвестно кто… - не нашел он, с чем можно было сравнить этот вой.

– Как иерихонская труба, - улыбнулся Рябинин.

Когда вышли из часовни, Антонов предложил найти подходящее место для ночевки и разжечь огонь.

- А чем вас часовня не устроила? Там хотя бы крыша есть и две стены. Можно было костер развести, - предложил Тихомиров.

- Ну, уж нет. Там костер разводить нельзя, - скосился на Рябинина Антонов. – Там некоторые неадекватно себя вести начинают, - потер свое ушибленное плечо он.

- Может вернемся к Инге? У нее переночуем, а потом она нас проводит в эту Ивантеевку? – предложил Рябинин.

- Нет! – запротестовала Кира. - Она мне не нравиться. Там опасно. Я не могу объяснить почему, но чувствую, что там что-то не так.

- Что за Инга? – поменялся в лице Тихомиров. – Как она выглядит?

- Длинные черные волосы, белая кожа, черные глаза. Очень красивая, - описала девушку Кира.

- Где вы её видели?

- Она живет в этом лесу, где-то вон там в низине, - махнула Кира рукой в сторону.

- Ты что её знаешь? – спросил Антонов.

- Я конечно могу ошибаться. Но если это та самая Инга. То тогда я солидарен с Кирой.

- Рассказывай все что знаешь, - бросил плащ-палатку на землю Антонов. – Предлагаю остановиться здесь. Хороший обзор – огляделся он по сторонам. – Никто с тыла не зайдет, - кивнул он в сторону скалы. – И вода рядом, – показал он на речку.

- Согласен, - тоже бросил свои вещи Тихомиров.

Разожгли костер, распечатали банку тушенки, до которой не успел добраться пёс Печёнкина.

- Ну, что там с этой Ингой? – напомнил Антонов.

- После того как мы с тобой расстались в прошлый раз, я провалился в какую-то странную яму. Меня там МЧСник нашел, вернее его собака. Ну, опущу все подробности, - подкинул сухие палки в костер он и продолжил. - Потом, когда он меня на поезд вёз у нас машина заглохла. И мы пошли пешком. Я услышал крик о помощи и побежал на него. Там было озеро, в нем тонула девушка. Я бросился её спасать. Но тут же, как камень, пошел ко дну. Я не мог всплыть. В озере было много утопленников, они словно были привязаны ко дну и смотрели на меня стеклянными глазами. Меня охватила паника и дикий ужас. Я чувствовал, как меня затягивает на дно невидимая сила. Я приготовился умереть, но нас тогда спас парень, - рыбак.

Потом оказалось, что это озеро в народе называется Бездонкой или Ингиным-озером. Местная легенда гласит о некой девушке, которая мстит за свою поруганную честь всем, кто оказывается поблизости от этого озера. Якобы она специально заманивает путников или направляет их к нему, а потом топит в нём.

- Но Настя… - тяжело вздохнул Тихомиров, - ещё до травмы нашла мне другие материалы, связанные с этим озером.

Когда я был в гостях у спасателя МЧС Дмитрия, его мама говорила, что много лет назад это озеро обследовал ученый лимнолог, но не закончил свою работу, в связи с тем, что сошел с ума.

- Кто такой лимнолог? – спросил Рябинин.

- Специалист по озерам, или озеровед, - пояснил Антонов.

- И что ты выяснил? – заострился нос Рябинина.

- Я нашел клинику, где находится этот лимнолог, переговорил с его лечащим врачом и выяснил, что у его пациента персекуторный бред и панические атаки.

- Какой бред? – не понял Рябинин.

- Персекуторный, - повторил Тихомиров, - ну по-простому говоря мания преследования.

- Ты видел этого озероведа? – почесал свой нос Рябинин.

- Да. Сломленный, затравленный, с безумными глазами, - описал человека Тихомиров. Все стены его палаты испещрены какими-то знаками и рисунками. Еще там было очень много глаз. Разных… Очень страшных, пустых, мертвых, стеклянных. Я украдкой сфотографировал это на телефон, и показал Насте.

- И что она сказала? – спросил Антонов.

- Она не довела свои записи до конца, не успела… Но кое-что все-таки она расшифровала. Там были знаки водяных демонов, которые чаще всего предстают перед человеком в женских образах. Одну из его надписей она расшифровала как имя одного из этих демонов его зовут... – достал он свою записную книжку, полистал её и показал записи Насти. – Вот так.

- Демон склоняющий к высокомерию и развращению, - пояснил Антонов, видя напрягшееся лицо Рябинина. – Его

часто изображают в виде мерзкой жабы.

- Там ещё была одна странная надпись, - снова полистал Тихомиров свою записную книжку, и показал её Антонову.

- *EadinofubLailew*, – прочитал тот. – Странное слово, - пожал он плечами.

- Я тоже так и не понял, что это, - закрыл свои записи Андрей.

- А вот глаза, это своего рода либо какая-то подсказка, либо оберег или защита от кого-то или чего-то, - сосредоточился на костре взгляд Антонова. – А вот навестить еще раз эту загадочную Ингу, пожалуй, надо. Чтобы понять или удостовериться в предположениях Киры.

- Согласен! - воспрял духом Рябинин.

Кира бросила на него недовольный взгляд, но промолчала.

- Всем спать! – приказал оперативник. – Я первый несу вахту, через три часа Антонов, потом Тихомиров.

- Есть, товарищ командир, - ответил Роман и поудобнее привалился спиной к скале.

Глава 13
«Соблазны и пороки»

Утром, когда друзья проснулись, то обнаружили, что все их продуктовые припасы съедены псом Печёнкина. А самого пса нигде нет.

- Чтоб его черти забрали! – выругался Рябинин. – Правду сказал сосед Печёнкина, что это не пёс, а сам Сатана.

- Есть у него и одно положительное качество, - вступился за собаку Тихомиров. – Он отовсюду может найти выход. И из любой западни выбраться.

- И что нам с того? – не разделял настрой Тихомирова Рябинин.

- Какой-бы этот пёс не был, но он меня от смерти спас, хотя и пакостей от него немало было.

- Расскажите, Андрей Владимирович, - стала собирать вещи Кира.

- А дело было так… - начал свой рассказ Тихомиров, когда они покинули пределы своего лагеря. Он рассказал про то как он оказался в 1985, и как Печёнкин с Рогожкиным вели расследование по делу о пропавших детях.

– Так, вот, когда этот треклятый пёс стянул соседские сосиски с конфетами, а в прошлом веке в середине 80-х эти товары были дефицитными, мне пришлось идти на их поиски. И вот я каким-то непонятным образом оказываюсь около бревенчатого дома в лесу. С первого взгляда совершенно обычный, старый дом. Я вошел в него. Дверь захлопнулась, и я оказался в ловушке. Там было темно, сыро и холодно. Я не видел такого никогда. Даже сейчас вспоминая об этом, меня охватывает дикий ужас. Там были окна, но они не выходили на улицу, они были вроде тоннелей и лабиринтов. Я пытался оттуда выйти, но не мог. Дверь исчезла… По моим ощуще-

ниям я бродил в этих лабиринтах несколько суток. Сколько было окон я не могу сказать точно. Я был в трех. Они были направлены в разные стороны. Там был мрак и такая тоска, что не хотелось жить. В этих -тоннелях я видел человеческие пороки. Там мелькали черные страшные тени, повсюду слышались человеческие стоны, ропот, шепот, крик, шорохи… У меня было чувство что я попал в преисподнюю…

Сначала меня охватила злость и ненависть ко всему и всем. Потом я начал себя жалеть и обвинять всех. Потом, когда меня охватило полное отчаяние, вдруг появился этот пёс. Я был ему несказанно рад. Он нашел выход и вот я здесь вместе с вами.

- Что это были за окна? – спросил Антонов.

- Большие, больше человеческого роста и похожи на мозаичные витражи. Там были какие-то изображения, но я так был погружен в себя, что не рассмотрел их.

- А как собака выход нашла? – спросила Кира.

- Не знаю. В какой-то момент пёс схватил меня за штаны и потащил за собой. Все во мне сопротивлялось этому. Разум был словно парализован. Мне было больно и обидно. Перед моими глазами всплыли все несправедливые моменты моей жизни. Не хотелось абсолютно ничего. Но превозмогая сознание, я решил положиться на пса. И он меня какими-то мысленными и не мысленными путями вывел.

- А что было дальше? – снова спросила Кира.

- Дальше, Батон начал лаять и побежал спасать вас.

- А кот откуда взялся? – прижала к себе лохматое рыжее существо девушка.

- Он же кот. Когда хочет появляется, когда хочет пропадает. Как у Киплинга, «Кот который гуляет сам по себе». Он появляется только в определенных случаях, - пояснил Тихомиров.

- Вон дом, вашей Инги, - сказала Кира и косо посмотрела в сторону Рябинина, когда к вечеру они вернулись на исходную точку.

- Что-то не так, - остановил рукой Рябинина Антонов, который на всех парах летел к дому девушки с бестолковой улыбкой на лице.

- Да, брось, что там может быть не так? Мы же здесь уже были, - отвел руку Антонова в сторону Рябинин.

- Ты же следователь, а не видишь очевидного. Вчера вдоль забора были другие цветы. Она что их пересадила за ночь? В огороде вчера была рассада. А сегодня смотри уже завязались кочаны капусты, и картошка цветет, - кивнул в сторону огорода Антонов.

- Ну, и что?! Такое с нами бывает. Живешь в одном времени, а через минуту уже в другом, - не согласился Рябинин.

- Так-то оно так… - не успел договорить Роман.

- Это тот самый дом… - резко остановился Тихомиров. – Только когда здесь был я, все было в запустенье, заросшее бурьяном.

- Странно… Что будем делать? – спросил Антонов.

- Идем проверим, - пошел к дому по тропинке Рябинин.

- Стойте, Егор Александрович! – остановила его Кира. – Туда нельзя…

- Не выдумывай, - отмахнулся он от неё и вскочил на старое крыльцо.

Как только Рябинин открыл дверь, отовсюду стала наползать темнота. Небо затянуло тяжелыми тучами, лес стал гуще, корни и стволы деревьев стали плотнее окружать друзей, загоняя их в ловушку. В темноте окружая людей стали появляться горящие желтые глаза, послышался волчий вой.

Кира от страха вжалась спиной в широкий ствол дуба… Ветви дерева словно живые прижали девушку, и она провалилась в темноту ствола успев только вскрикнуть.

- Кира! – позвал её Антонов. Тьма навалилась на него, и он в ней растворился.

- Ромка! – искал на ощупь в полной темноте друга Тихомиров. – Кира! Где вы?! – провалился он в какую-то яму.

***

Рябинин переступил порог дома и увидел уже знакомое убранство: тот же стол, шкаф, полка, печка, лавка. У окна сидела Инга и заплетала растрепавшиеся волосы в косу.

- Я знала, что ты вернешься, - сказала она ему и улыбнулась.

Егора переполняли чувства радости, блаженства и счастья

одновременно. Он никогда ещё не испытывал подобного.

- Садись к столу, - пригласила Инга своего гостя. - Я напекла пирогов, - поставила она на стол большое блюдо с угощением. – А вот и малиновая наливочка. Ягоды сама собирала, - налила она в кружку ярко-красную жидкость. – Пей, ни о чем не беспокойся, - журчал её голос словно ручеек.

Рябинин взял кружку и сделал глоток. Вино было приторно-сладким. Его бросило в жар, а по телу пробежала приятная истома. Инга подошла ближе, обняла его голову и прижала к своей груди. Её руки были тонкими и холодными, и эта холодность была приятна ему. От переполнявших его чувств он закрыл глаза и притянул девушку к себе. Ему захотелось чтобы это мгновение стало вечностью.

- Инга, не уходи от меня. Мне хорошо с тобой, - шептали губы Рябинина.

- Я буду с тобой… - отвечала Инга. – Только ты должен отречься от всего прежнего.

- Да, да…

- Ничего не бойся… Доверься мне… И ты будешь моим вечно…

Рябинин открыл глаза и его затуманенному взору предстала яркая картина: он восседает на золотом троне, утопая в мягких шелковых подушках, рядом всевозможные яства и вина на разный цвет и вкус. Ему прислуживают полуобнаженные наложницы предугадывая все его желания. Звучит приятная усыпляющая музыка. Поет сладким голосом Инга,

её руки превратились в крылья словно у птицы Сирин. Кругом цветут ярко красные маки, они выше человеческого роста, их цветки больше человеческой головы. Они повсюду: на окнах, в саду, вдоль реки и каменных дорожек. Веки Рябинина становятся тяжелыми, а тело наоборот невесомым, он находиться в полной прострации и эйфории. И только где-то глубоко в сознании кто-то настойчиво зовет его, не дает полностью расслабиться и наслаждаться неописуемым блаженством. Он из последних сил пытается открыть глаза чтобы еще раз увидеть Ингу. Его взгляд случайно скользит по зеркалу. В нем отражается другая картина…

Злобная старуха с пустыми глазницами высасывает душу из человека, который связан по рукам и ногам толстыми веревками словно змеями. Одна черная мерзкая змея заползает к нему в тело. Она стремится завладеть его душой… Её раздвоенный ядовитый язык уже у его сердца…

- Егор… Егор… - еле слышен звук его собственного имени из темноты и мерзкий собачий лай.

«Знакомое имя… Чьё оно?.. Или это не имя…» - Рябинину тяжело соображать. Да и не зачем. Ему слишком хорошо.

«Зачем мне имя? Оно мне не нужно… Мне ничего не нужно… Пустота… Как хорошо, когда кругом пустота…. Ничего нет и ничего не надо… Только блаженство… и нудный лай… Когда же он прекратится этот дурацкий лай?» – начал сердиться Рябинин, и открыл глаза, чтобы увидеть источник своего раздражения.

То, что находилось рядом с ним не ожидало что «клиент» очнется. Рябинин же наоборот был поражен разительными переменам. Не было красавицы Инги, он лежал в бесформенной субстанции напоминающей что-то среднее между киселем и грязной ватой и не мог пошевелиться. ОНО было живое, пыхтело, причмокивало и что-то бубнило. Рядом с этим существом сидела мерзкая худая старуха с пустыми глазницами, на её голове было несколько длинных седых прядок волос. Она своими грязными когтищами гладила тело Рябинина.

От омерзения у того подкатила тошнота к самому горлу. Но тело его не слушало. Рябинин сам превращался в это мерзкое желе и мог только видеть и слышать. Он стал напрягать свои мозги, пока они тоже не превратились в такую же мерзкую субстанцию.

«Звук. Я слышу звук. Я умею слышать? Странный знакомый звук. Что это? Похоже на лай. Лай. Какое странное слово – «лай». Я слышу лай. Кто лает? Пёс. Чей пёс так умеет лаять?» - задавал себе глупые вопросы он, и гордился своей сообразительностью.

«Это лает пёс… Надо его позвать… Как зовут псов?» - этот вопрос буквально взорвал мозг Рябинина. «Кто такой пёс? Пёс. Пёс. Пёс – лает. Пса зовут. Как зовут пса? Зачем мне пёс? Пёс!» - мысленно позвал он. Потом он хотел открыть рот и произнести слово «пёс» вслух, но вместо звуков его рот выпустил слюни с пузырями.

Где-то рядом послышалась возня, скуление и рычание. Потом кто-то схватил разомлевшее тело Рябинина острыми зубами за плечо и стал вытаскивать из «ватного киселя». По мере того как его тело покидало новую среду обитания, его мозг постепенно восстанавливался.

Старуха хватала ускользавшее тело своими мерзкими руками и от их прикосновения у Рябинина приятные мурашки стали бегать по коже. Он не знал, что ему выбрать. Остаться в густом киселе или поддаться тому, кто его из этого киселя тащил.

Тащили его с остервенением и злостью, рычали, тявкали, пачкали его лицо своими слюнями. Даже покусали за разные места. И теперь эти места ощущали дискомфорт и по ним не бегали приятные мурашки. Зато сознание стало постепенно проясняться.

- Пёс, Батон… - смог произнести Рябинин слова, которые сопровождались слюнявыми пузырями.

Собака бросила его и стала подозрительно смотреть наклоняя голову то в право то в лево. Словно говорила человеку: «давай соображай быстрее».

Кисельная субстанция запыхтела и застонала, когда поняла, что тело человека её покинуло. Она стала открывать рот как мерзкая жаба, и из него, как и у Рябинина вместо слов текли слюни и пузыри. Слепая старуха шарила наощупь вокруг себя и шипела как змея. Пёс схватил Рябинина за штаны и потащил в сторону. Теперь оперативник увидел, что в

углу избы вырыта небольшая яма, через которую пёс скорее всего и пробрался в дом. Животное пролезло наружу и стало лаять, зовя за собой Рябинина. Но яма для человека была слишком маленькой. Рябинин бросился копать её руками, пёс помогал ему с обратной стороны.

Старуха растопырив перед собой руки, теперь шаг за шагом обследовала все небольшое пространство в котором находился Рябинин. В комнате были окна, но не было двери, она исчезла сразу же, как только Рябинин переступил порог этого дома. Он вспомнил рассказ Тихомирова о том, как тот был в этих окнах и не рискнул повторить это. Слишком мерзким было воспоминание о мнимом удовольствии и счастье.

Субстанция пыхтела все сильнее и сильнее, внутри нее все клокотало, и Рябинин вспомнил детские стишки Льюиса Кэрролла «…и хрюкотали зелюки как мюмзики в мове…» - окончательно восстановился его мозг. «Видимо автор «Алисы в стране чудес» тоже здесь был» - решил он. «Иначе такие стихи навряд ли придут в голову».

Рябинин старался изо всех сил, и тоже пыхтел пытаясь вылезти в узкий лаз. Голова пролезла, а плечи все никак не проходили. Старуха нащупала его ноги и стала затягивать обратно внутрь. С каждым ее прикосновением к Рябинину возвращалась истома и нежелание сопротивляться. Но пёс схватил его за воротник куртки и стал тянуть наружу. У Рябинина возникло раздвоение личности. Одна его часть рвалась на свободу, другая хотела остаться и получать удовольствие.

Наконец псу удалось высвободить плечи оперативника, а потом и самого Рябинина. Когда он оказался на улице, и оглянулся в сторону подкопа, то увидел, как субстанция и старуха пытаются вылезти через яму и вернуть беглеца на место. Но дневной свет мешал им это сделать. Мерзкое «желе» от солнца покрылось огромными волдырями завизжало и втянулось обратно. Старуха пошарила руками в разных направлениях и ничего не найдя, заползла в след за субстанцией.

Яма, в которую провалился Тихомиров, оказалась рекой. Он плыл по ней в лодке, которая сама собой управляла, на дне лодки было много пустых сундуков и мешков с золотыми застежками, вместо весла в лодке был большой черпак. Вода в реке была чистой и прозрачной. Её дно было усыпано драгоценными камнями, золотыми монетами и слитками.

«Я попал в сказку? Или мне это снится? Или это и есть пещера Али-Бабы?» - задавал он себе вопросы. «Я никогда в жизни не видел такого богатства. Неужели все это можно взять? Я бы пригласил всех лучших врачей мира. Они бы вылечили Настю…» - мечтал он.

«Я бы возложил эти сокровища к ногам всех Богов, и они вернули бы мне сына… Как я не подумал об этом раньше? Деньги правят миром… Они могут всё… Надо наполнить мешки и сундуки доверху…»

Тихомиров взял черпак и стал им доставать драгоценно-

сти со дна реки. Он быстро заполнил все сундуки и мешки, даже лодку наполнил до краев. Но его все не покидало чувство, что этого слишком мало и надо ещё и ещё…

Силы покидали его, но руки гребли со дна реки все подряд. Особенно Андрею хотелось достать огромный изумруд, но черпак был слишком мал и не мог вместить в себя драгоценный камень. Тихомиров решил спрыгнуть в воду и поднять его руками, но в этот момент появился Антонов, он запрыгнул в лодку к Тихомирову и стал выбрасывать все добытое непосильным трудом добро за борт.

- Ты что, сдурел? – накинулся на Антонова тот. – Не тронь! Это мое! – пытался он вытолкнуть того за борт лодки, но Антонов стал выхватывать у того черпак.

- Андрей остановись! Не бери это! Тут все не так как кажется, - пытался вразумить он друга.

Но Тихомиров его не слышал, он был не в себе…

- Золото! Золото! Не тронь моё золото! – пытался он помешать другу, который схватил мешок и выбросил его в реку.

- Не смей! Мне это нужно для Насти! Я вылечу её. Все лучшие врачи мира будут её лечить, - выпрыгнул он вслед за мешком.

Вода в реке стала кроваво красной и теперь её дна не было видно.

Антонов схватил его за шиворот и стал затаскивать обратно в лодку.

- Золото! Мое золото! Мне надо много золота! – твердил он выпучив глаза.

- А еще бриллианты, сапфиры, рубины, изумруды, - передразнил его Антонов.

- Где? Где бриллианты? Изумруды? Где? Дай мне! Где они? – уставился жалобными глазами маленького ребенка в лицо Антонова Тихомиров.

- О-о-о! Как все запущенно… Неудачная шутка - сожалел Антонов, потому что Тихомиров теперь умолял его отдать их ему.

- Андрюша, зайди в лодочку, - стал разговаривать с ним Антонов, как с маленьким ребенком, - я тебе сейчас все отдам. Все что у меня есть. Только залезь снова в лодочку, - сменил он тактику.

- И золото, и бриллианты с рубинами? – стал влезать в лодку Тихомиров.

- Угу, - кивнул тот, - и сапфиры с изумрудами, и топазы с янтарем, - стал выбрасывать за борт Роман грязные мешки с ржавыми ручками наполненные мусором и червями, и прогнившие ящики с хламом. – Сим-сим, закройся! – с сарказмом произнес он.

Кира оказалась запертой в небольшой темной комнате, с низким потолком. Углы комнаты были поражены черной плесенью. В комнате было только одно маленькое окошко, забитое ржавыми гвоздями в толстые старые доски. В

небольшие щели был виден заунывный пейзаж. Высохшие кривые стволы деревьев с пожухлыми листьями, замерли в позах «судороги и муки». Сизый кудлатый туман был похож на старую паутину, и стелился по грязной земле. Еще там была старая могила с покосившимся крестом, и скамейка с прогнившими досками под перекошенным деревом. На дереве висела пеньковая веревка с петлей. Дерево скрипело и стонало, а петля монотонно раскачивалась в такт ледяному ветру.

Кире было жутко и очень одиноко. «Зачем я живу? Что хорошего в моей жизни? Зачем мне она? Зачем мучиться и страдать? Я устала… У меня больше нет сил… Он не любит меня… Я никому не нужна такая…» - её сердце наполнилось болью и ей захотелось оказаться в этой петле…

Девушка стала озираться по сторонам, в надежде найти способ выйти. Теперь она заметила, что в углу комнаты стоит каменная плита, оцепленная толстыми ржавыми цепями. На плите что-то нацарапано, а рядом лежит истлевший скелет. Кира подошла ближе и только теперь заметила, что этот скелет был прикован цепью к плите.

Но Кире сейчас было не до надписи и не до скелета. Ей хотелось побыстрее уйти из этой жизни. Она схватила острый предмет, похожий на нож, лежащий недалеко от скелета, и в эту секунду ей в руку вцепился рыжий кот. Девушка попыталась его скинуть, но это оказалось сделать не просто. Кот зло смотрел на нее своими зелеными глазами и против-

но шипел.

- Брысь! Оставь меня в покое! – закричала она на животное и отбросила его. Нож тоже выпал из рук девушки.

Кот прижал уши, изогнул спину и стал ходить кругами вокруг неё, словно ища подходящий момент, чтобы снова вцепится. Кира несколько раз попыталась завладеть выпавшим ножом, но каждый раз кот оказывался быстрее, и не давал ей его поднять. Киру это очень злило, она ещё больше ощутила себя никчемной, раздавленной неудачницей.

«Я даже с котом справиться не могу. Я вообще ничего не могу. У меня ничего не получается. Я бесполезное существо…» - она схватила цепь к которой был прикован скелет и набросила её себе на шею.

Кот вцепился ей в волосы и громко заурчал, словно хотел успокоить. Кира старалась изо всех сил задушить себя. Но цепь была слишком тяжелой и у нее ничего не получалось. С улицы призывно завыл ветер. Под его натиском открылось забитое досками окно, которое трансформировалось в дверь. Луна с изображением черепа осветила сизую дорожку в тумане, ведущую к сухому дереву с веревочной петлей. Кира не раздумывая шагнула в туман. Её голова, сердце, легкие мгновенно наполнились невыносимой тоской и болью. Она подошла к дереву, влезла на скамейку и только теперь увидела, как за ней плетется рыжий кот с печальными глазами и несчастным видом. Кире стало до боли жаль кота. Он был такой жалкий и одинокий как сама Кира.

«Бедный котик, он никому не нужен в этой жизни…» подумала она. «Он такой печальный и несчастный. У него такие короткие лапки… и такая длинная рыжая шерсть… А глаза? Какие у него ужасные зеленые глаза… Как он с этим живет… Это так тяжело и страшно…» - взяла она кота на руки, и стала втискивать его голову в петлю на дереве.

«Сейчас помогу коту, а потом и сама повешусь…» - стала она размышлять как бы ей получше его повесить, потому что петля была большой, а кот обычным упитанным. И в петле его можно было повесить только за пузо. Потому что его голова из петли постоянно соскальзывала. Хотя он даже не сопротивлялся.

«Бедный, как же ему надоело жить…» - сочувствовала ему Кира. «Может мне ему голову оторвать, чтобы не мучился? Вот только чем? Как же он будет без головы?» - зарыдала она, представив обезглавленного кота.

Кот после нескольких неудачных попыток повеситься, тоже загрустил еще сильнее. Он опустил свою голову на короткие лапы и выдавил из себя скупую слезу.

Около дерева появился стол, накрытый алой атласной материей, а на нем несколько инструментов для отрывания кошачьей головы. Среди них были и серп, и топор, и ножницы, и щипцы, и кусачки. Кира по очереди брала каждый инструмент и примерялась, как бы ей оторвать коту голову так, чтобы было быстро и не больно. Но каждый раз ей казалось, что она причинит коту новые страдания. И только она взяла

пилу, чтобы примерится ещё раз, как раздался голос Рябинина и лай собаки.

- Кира! Брось пилу! Зачем ты хочешь убить животное?

- Он такой несчастный, - рыдала она. – Зачем ему жить? Жизнь – это сплошные разочарования и боль. Как ему всю жизнь жить в длинной, да ещё и рыжей шерсти и с такими короткими лапами.

- Он просто кот, - пытался привести в чувство девушку Рябинин.

- Нет, он непросто кот, он никому ненужный и глубоко несчастный кот. Вот вы можете себя представить котом?

- Нет. Не хочу, - ответил Егор.

- Вот видите… А он каждый день кот. Каждый день с длинной рыжей шерстью, каждый день на коротких лапах. Такой несчастный!.. – зарыдала она с удвоенной силой. Никто не хочет быть котом…

- Кира, ты несешь полный бред! – не мог понять в чем дело Рябинин. Он шагнул в направлении девушки и тут же почувствовал, как ему тоже стало тяжело и горько жить на этом свете…

Пес схватил его за рукав и затащил обратно, где не было тумана.

Когда Рябинин понял в чем подвох он стал звать девушку к себе, но она не собиралась уходить от дерева. Теперь она влезла на скамью и стала пытаться одеть петлю на свою шею.

- Батон, взять кота! – приказал он собаке.

Но пёс потоптался на месте, и входить в туман не собирался.

- Батон, будь другом. Они сейчас повесятся и всё. Что мы тогда будем делать?

Пёс нехотя поплелся вдоль лунной дорожки, выбирая минимальное расстояние до кота, чтобы как можно меньше находиться в тумане. Рябинин пошел за ним. Пес изловчился и схватил кота за хвост, но тут же весь обмяк, и его морда стала такой жалкой и такой несчастной, что Рябинин сам чуть не расплакался. Он схватил пса за его хвост и выволок обоих за пределы «лунного тумана».

Потом он поманил Киру котом.

- Я нашел быстрое средство удавить кота, - сообщил он ей. – Раз и всё! Он даже ничего не почувствует. Но ты должна мне помочь. Оставь петлю и подойди ко мне.

Кира послушалась и подошла к Рябинину. Он схватил её за руку и вытащил из тумана.

- Что это было со мной? – гладила Кира свою оцарапанную о цепь шею, когда пришла в себя.

- Мы тут все сходим с ума. Надо выбираться от сюда, чем быстрее, тем лучше.

- Я вам изначально говорила, что мне здесь не нравится, так вы: «Инга! Инга!» - передразнила она оперативника.

- Все, хватит. Признаю, что был не прав, - отвернул свое лицо от внимательных глаз девушки Рябинин. А сам вспомнил страшную старуху и серое желе и передернулся от омер-

зения.

- Батон ищи Тихомирова с Антоновым! – приказал он псу, который теперь загнал кота на дерево и высунув язык бегал вокруг стараясь его стащить вниз.

Кира сняла кота и прижала его к себе.

- Прости меня котик, я была не в себе, - прижалась она щекой к животному и поцеловала его в довольную морду.

Пес понял, что кота ему просто так не отдадут, и приплясывая побежал метить ближайшие кусты.

- Батон, ищи Тихомирова и Антонова! – повторил Рябинин. – Я верю в тебя. У тебя талант ищейки. Ты самый умный пес на свете, - заискивал он перед собакой. - Вон как ты ловко спас нас. Молодец! Теперь Тихомирова с Антоновым найди, и я окончательно поверю в твою гениальность.

Глава 14
«Часовня отца Прокопа»

Через полчаса благодаря псу Рябинин с Кирой вышли на небольшую поляну у «проклятого дома», так его назвала Кира. Теперь этот дом был совсем другой. Там, где был ухоженный огород, рос высокий бурьян. Где были флоксы и анютины глазки, теперь манил сладким запахом дурман с огромными цветками, и звенела своими рябыми колокольчиками белена. На месте дуба была старая могила, огороженная цепями. Вместо колодца была лужа, кишащая насекомыми и

червями. Рядом с этой лужей сидел весь грязный Тихомиров, а Антонов пытался оттереть с того грязь листьями бузины.

- Что с вами случилось, Андрей Владимирович? – подбежала к ним Кира, и достала из своего рюкзака пачку влажных салфеток.

- Золото, бриллианты собирал, - съязвил Антонов, и улыбнулся вспомнив глупое выражение лица Тихомирова.

- Ничего смешного, - одернула его Кира. – Я чуть жизнь самоубийством не закончила. Меня Егор Александрович из петли вытащил. А самое ужасное, что я чуть вашего кота не убила.

- Вообще-то это не я тебя спас, а Батон. Он если честно и меня из такого дерьма вытащил, что рассказывать и то противно.

- То есть каждый из нас был соблазнен каким-то пороком, - сделал вывод Антонов, когда каждый рассказал о своих приключениях и переживаниях.

- В этой комнате я был в прошлый раз, - выслушав Киру сказал Тихомиров, - правда в туман не заходил.

- А ты почему о себе не рассказываешь? – спросил Антонова Рябинин.

- *Ira, Acedia, Superbia* – ответил тот.

- С латыни: гнев, уныние, гордыня – перевел для него Тихомиров.

- Это мой треглавый змей. Мои смертные грехи. Я был с ними на пороге жизни и смерти. Я научился отделять свет от

темноты, землю от огня, плотное от тонкого, поэтому в этот раз все обошлось. Но я пока не понял, что все это значит. Для чего мы здесь? – сделалось серьезным лицо Антонова.

- Хотелось бы знать, - поддержал его Тихомиров.

- Мне другое не дает покоя, - посмотрел на друзей Рябинин. – Куда делась Инга?

- Кому что, а вшивому баня, - еле слышно произнесла Кира.

- Овечкина, я все слышу, - скосил на нее глаза Рябинин. – Я просто хотел уточнить, почему в доме все на своих местах, а её нет?

- А вы не думали о том, что Инга - это не Инга? – ехидно спросила девушка.

- А кто? – очень удивился Рябинин и его лицо снова приняло глупое выражение.

- О-о-о! Похоже у вас разжижение мозгов продолжается, - усмехнулась она.

- Кира, ты говори, да не заговаривайся, - одернул ее Антонов. – У нас тут у всех мозги набекрень. Все эти искушения, действуют на каждого по-разному. Кто-то или что-то нащупывает наши самые уязвимые места и старается ударить побольнее, испытать на прочность, соблазнить, а потом использовать в своих целях. И я думаю нам нужно быть готовыми ко всему. Тут все не так, как нам кажется на первый взгляд. И я думаю нам предстоит разобраться где здесь правда, а где ложь.

- Мы, когда сюда шли недалеко ручей видели, - сказала Кира, - Андрею Владимировичу нужно умыться, - смотрела она на тщетные старания того оттереть грязь.

Когда Тихомиров пошел умываться, а Кира предложила постирать его вещи, Рябинин спросил:

- Слушай, Ромка, почему на меня здесь все так сильно влияет? Я прямо ощущаю, как во мне что-то порой просыпается. То, что дремало многие годы, а теперь рвется наружу. И иногда я не могу это в себе побороть.

- Егор, я тебе сейчас скажу то, что я думаю, а ты хочешь соглашайся со мной, хочешь не соглашайся.

- Хорошо, скажи, - напряглись черты лица Рябинина.

- Помнишь Митьку Рябину? – посмотрел на него Антонов.

- Конечно помню. Ты же сам мне намекал, что он мой далекий предок.

- А Василису?

- Ну-у-у, и к чему ты клонишь?

- Митька был отцом одного из твоих предков, но ведь была же и мать?

- Митька с Настей встречался… - не договорил он. – Так ты что думаешь, что он на Василисе женился?

- А, что тут думать. Женился он на ней или нет, я, конечно, не знаю, но Настя в пожаре погибла. А у тебя глаза Василисы, ну и этой Полтавской… Натальи Кравчени. И здесь из нас ты самый незащищенный. В тебе видимо идет противоборство света и тьмы. Поэтому все это на тебя так сильно влияет.

- И что мне делать? Как с этим справляться?

- Я не знаю. Это можешь знать только ты.

- Егор Александрович, Роман Иванович! – прибежала Кира, - мы там старую часовню нашли. Пойдемте скорее.

- Я здесь был, - сообщил Тихомиров, - до того, как вас нашел. Это скит отца Прокопа. Он рассказывал мне, что здесь раньше монастырь был.

- Что-то опасаюсь я всяких монастырей, - скривился Рябинин, - они последнее время плохо на меня влияют.

- Нет, здесь всё хорошо, и отец Прокоп хороший человек. Он меня накормил. Я у него ночевал. Он службу здесь служил. Утром ушел рыбу удить, а я пошёл его искать и заблудился, потом вас встретил. И старику даже «спасибо» не сказал.

Друзья спустились с холма, зашли в часовню. Там никого не было.

- Вон там его келья. Может он там? – показал на пристройку с обратной стороны церкви Тихомиров.

Но и там отца Прокопа не оказалось.

- Предлагаю подождать, все равно где-то нужно переночевать, - предложил Андрей, - скоро совсем стемнеет.

- Не возражаю, - согласился Антонов.

- Не удобно без хозяина в его дом входить, - запротестовала Кира.

- Он, наоборот, обрадуется, - настаивал Тихомиров. – Он

уже пять лет один живет. Он любым гостям рад.

В келье было холодно, и Антонов набрав сухих толстых веток, разжег огонь в печи.

- Есть хочется, - порылся в своей спортивной сумке Рябинин, - что аж переночевать негде.

- Давайте хоть чаю выпьем, - предложил Антонов. А то у меня тоже желудок тоскливо воет. Пойду еще веток принесу, - вышел он из кельи.

- Какая красивая тарелка! – взяла Кира с полки большое блюдо, и поставила на стол. Сейчас бы жаренной картошечки, с хрустящим огурчиком, - сглотнула она моментально выделившуюся слюну.

- А я бы шашлыка съел, да с зеленым лучком, да со свежим хлебом и овощами, - поддержал Рябинин.

- А я хоть чего-нибудь. Но и от чашечки кофе бы не отказался, - зевнул в кулак Тихомиров, и привалился на стену кельи.

В этот момент открылась дверь кельи и на пороге появилась молодая стройная женщина в черной одежде.

- Здравствуйте гости дорогие! – поклонилась она. Я тут вам гостинцы принесла, - стала она выкладывать на блюдо продукты. Тут оказались и вареный картофель, и жаренные перепела, и овощи с зеленым лучком и свежим хлебом.

- Все как по заказу, - взял с блюда перепёлку Рябинин.

Кира взяла огурец и с удовольствием захрустела им.

- Замечательные огурчики, большое вам спасибо.

- Спасибо, очень вкусно, - поблагодарил женщину Рябинин, с набитым ртом.

- А вы монахиня? – спросила Кира.

- Нет, - отрицательно закачала она головой, - *я послужница Касьяна в монастыре. Он велел мне вас встретить и во всем помогать.*

- А откуда отец Касьян узнал, что мы придем? – спросил Рябинин.

- Он все знает, все ведает. Служба у него такая.

- А где отец Прокоп? – спросил Тихомиров.

- Так на отдыхе он, человек старый ему покой нужен, - ответила женщина.

- А как вас зовут? – обратилась к ней Кира.

- *Элла я. Другие послуги Розой кликают*, - улыбнулась она приветливой улыбкой.

- А давно вы в монастыре служите? – снова спросила Кира.

- *Давненько. С младых лет.*

- Запить бы чем-нибудь, - застрял кусок мяса в горле Рябинина, и он закашлял.

- *Ой, совсем запамятовала*, - открыла ящик в углу кельи Элла-Роза и достала оттуда хрустальный графин с вином. - *Угощайтесь гости дорогие. Может еще какие пожелания будут?* – смотрела она на друзей преданными глазами.

- У меня только одно желание. Хочу, чтобы жена выздоровела, и ребенок здоровым родился, - грустно улыбнулся

Тихомиров.

- *Будет исполнено*! – ответила женщина и загадочно улыбнулась. – *Я имею в виду, что когда человек искренне чего-то хочет, его желания всегда исполняются*, - пояснила она.

- Я искренне хочу! – закивал головой Тихомиров.

- *Ну и славненько*, - поклонилась гостям Элла-Роза.

- А отец Прокоп говорил, что он один в этом монастыре остался. Другие монахи умерли, - решил поддержать разговор Андрей.

- Отец Прокоп старенький уже. Иногда память его подводит, иногда глаза. А монастырь не заброшен. В каждой келье или часовенке и послуги и послужницы имеются. И гостям всегда рады.

В келью вбежал запыхавшийся пес, который вместе с Антоновым бегал за дровами, и злобно зарычал на женщину.

- Фу, Батон! – прикрикнул на него Тихомиров. – Нельзя!

Пес не послушал и стал лаять.

- Не гоже псу, в святилище находиться, - строго сказала Элла-Роза. – Прогоните его!

- Батон, иди на улицу! – попытался выставить пса из кельи Рябинин.

Но пес не унимался.

- Вот тебе мясо! – оторвал Рябинин кусок перепекли и бросил ее на улицу.

Пес странно посмотрел на него, но на улицу не пошел.

- Батон, пошел прочь! – замахнулся на собаку Тихомиров

зеленым луком, который был у него в руке.

Кира тоже пыталась усмирить пса и выгнать его на улицу, но тут прибежал Антонов и в недоумении застыл на пороге.

- Что это с вами? – смотрел с опаской на друзей он.

Пёс жалобно заскулил и попятился назад.

- Элла-Роза сказала, что собаку нужно выгнать из кельи, - ответила Кира, у которой в руках была сухая палка, и которую она с наслаждением жевала.

Тихомиров размахивал грязной тряпкой, а Рябинин ел дохлую ворону прямо с перьями. На столе стояла старая потрескавшаяся крынка с мутной вонючей жидкостью, на блюде кусок тухлого мяса с опарышами, камни и комья грязи. У Антонова тошнота подкатила к самому горлу и превозмогая отвращение он спросил:

- Элла-Роза это кто?

- Послужница Касьяна, - сказал Кира и оглянулась в сторону, где, по её мнению, должна была стоять та. Но там никого не было. Она посмотрела на свой «огурец» и выбросила то, что осталось от палки. Потом она стала выплевывать все то, что у нее было во рту и протирать его влажной салфеткой.

Рябинин скривился, и тоже выкинув дохлую ворону, выбежал на улицу. Через несколько секунд оттуда стали доносится очень неприятные звуки очищающегося желудка оперативника.

Тихомиров бросил на пол свой «лук» и брезгливо вытер руки.

- Слава Богу я не успел его попробовать, - обрадовался он. – Ромка, я прошу тебя, больше не отходи от нас ни на шаг. А то пока тебя нет, с нами происходят ужасные вещи.

- Так что тут у вас произошло – спросил Антонов. - Меня не было всего каких-то пять минут. Хорошо, что пёс почувствовал что-то неладное и бросился к вам. А я за ним. И кто такая эта ваша Элла-Роза? Если она, конечно, была? – посмотрел он по очереди на каждого.

Те в ответ закивали.

- Она появилась неожиданно и сказала, что её к нам послал какой-то Касьян из монастыря, чтобы она нас встретила и накормила, - сказала Кира.

- Ты же говорил, что здесь жил отец Прокоп? – обратился к Тихомирову Антонов.

- Да, я с ним разговаривал вот так же, как сейчас с тобой, - ответил тот. – А эта прислужница сказала, что он отдыхает, старый, немощный.

- А как ты изначально сюда попал? В первый раз? – сосредоточился Антонов.

- Я же рассказывал вам про сосиски и конфеты, - напомнил Тихомиров.

- Давай с самого начала и с подробностями, - попросил его Антонов. – Только давайте выйдем на улицу. Тут очень душно, - брезгливо посмотрел он на те «угощения», что остались на столе.

Когда вышли на улицу и развели костер, Андрей снова

стал рассказывать о том, как пёс стащил соседские сосиски, и как он пошел на их поиски. Но на этот раз он рассказал друзьям о странной старушке и её сумке, и о том, как он шёл на звон колокола, который отец Прокоп назвал глухим.

- Ну и где эта сумка сейчас? И что в ней было? – спросил Рябинин, которого до сих пор трясло и тошнило.

- Так её пес утащил куда-то, - ответил Тихомиров.

- А куда ты её нес?

- Так старушка сказала, какой-то Розе передать, от тети Зои. Потом я неудачно подвернул ногу и услышал звон колокола. Пошел на этот звон и увидел отца Прокопа. Когда я ему рассказал про колокол, он очень удивился и сказал, что его нельзя услышать, потому что он глухой. И покоится на дне реки вместе с колокольней.

- Помните, Егор Александрович, тоже его слышал, когда мы шли к старой часовне? – напомнила Кира.

- Да… - ответил Антонов. – Он слышал, а мы нет. Почему?

-А, что значит глухой колокол? – спросила Кира.

- Значит беззвучный. Который невозможно услышать, - объяснил Антонов.

- Отец Прокоп рассказал мне легенду про какого-то иеромонаха по имени Тарасий, который за дары отпевал самоубийц и отпускал грехи вероотступникам. На эти дары он и возвел высокую колокольню и заказал вылить самый большой колокол. Но когда его подняли на колокольню, и попытались раскачать, он оказался глухим. Под его тяжестью обо-

рвался трос и колокольня вместе с колоколом и людьми, что были там, рухнула с утеса в реку. Отец Прокоп сказал, что так Бог наказал грешного иеромонаха и тех, кто помогал ему в этом.

- Значит, по идее никто колокол слышать не должен. Но двое из нас его слышали. Предположим, почему его слышал Егор, я догадываюсь. Но почему его услышал ты? – посмотрел он внимательно на Андрея.

Тот молча пожал своими широкими плечами.

- Что тебе еще Отец Прокоп про монастырь рассказывал? – подкинул очередную ветку в костер Антонов.

- Ну, что раньше тут было семь скитов, они являли собой целый монастырь. Потом все монахи умерли, и отец Прокоп остался один.

- Где-то я слышал про этого Тарасия, - напряглись черты лица Антонова. – Вероотступник, который решил вознестись выше самого Бога и сына его Иисуса Христа. Которому приносил дары сам Мамон.

- Да, именно так и говорил отец Прокоп, - подтвердил Тихомиров.

- И так, что мы имеем? – стал размышлять в слух Антонов. – Перовое, - начертил он веточкой у костра цифру «1» - Место. Что-то, для чего мы здесь, по всей вероятности находится на этом месте. В этом лесу.

- И в этом времени, - добавил Рябинин.

«2» - начертил Антонов – Время.

- Чтобы решить уравнение со многими неизвестными, с двумя переменными, шанс приближен к нулю, - вздохнул Рябинин.

- Значит нужно найти еще что-то, - добавила Кира. – Давайте применим мозговой штурм.

- Мне кажется, что нужно исходить в первую очередь из самого места, - предложил Тихомиров.

- Поддерживаю, - одобрил Рябинин. - Нужно днем ещё раз исследовать эту часовню. Только входить в нее нужно не всем сразу, а разделиться. Чтобы кто-то оставался снаружи, и если что, то пришел бы на помощь.

- А мне кажется, что исследовать надо не только эту часовню, но и все места, где мы уже были. Возможно, мы упустили что-то важное, - зевнул в кулак Антонов. – А теперь я предлагаю всем выспаться.

- Спите, я подежурю, - предложил Рябинин.

- Разбуди меня часа через три, - стал поудобнее укладываться Антонов.

- Ну, а потом ты меня, - улегся Тихомиров.

- Хорошо, - ответил Антонов, и закрыл глаза.

Кира тоже свернулась калачиком и укрылась своей курткой, которая была короткой и еле прикрывала спину девушки.

Рябинин подбросил в костер хворост, укрыл уже задремавшую девушку своей курткой, и стал напряженно думать.

Глава 15
«Новая работа»

Ночью Печёнкину не спалось, ныли спина и руки, от тяжелых ящиков и мешков, которые он закончил разгружать два часа назад. И, тогда он решил еще раз просмотреть свои записи и поразмышлять над сложившейся ситуацией.

Накануне Рогожкин принес ему список детей, пропавших за последние три года, и несколько протоколов и заявлений. Алексей сфотографировал их на свой телефон и вернул участковому.

- С такой техникой, преступления в два счета раскрыть можно, - позавидовал тот.

- Да, в будущем, многие преступления видеокамеры фиксируют. Иногда просто нужно просмотреть записи, занести изображение лица в базу данных, и компьютер сам, за пару минут отыщет виновника.

- Что, прямо имя и фамилия будут известны? – был удивлен Рогожкин.

- А ещё адрес, номер автомобиля, серия и номер паспорта, - еще больше удивил того Печёнкин.

- Ничего себе, - почесал затылок участковый. Потом прищурился и спросил. – Да ты меня разыгрываешь, наверное?

- Истинная правда. Так всё и будет.

Теперь достав свою записную книжку, Печёнкин стал напряженно думать с чего начать расследование на этот раз.

«Пройдусь по датам» - решил он. «И так, 1982 год…»

«За четыре года 13 пропавших детей. Несколько трупов найдено, но не все. Последние два года дети стали пропадать чаще. Хотя не факт, что Рогожкин раздобыл все сведения», - размышлял Печёнкин, спустя несколько часов.

«Интенсивность: 1982 год – дети пропадали каждый месяц, потом через 2 месяца. А потом ровно на год преступления прекратились. А в 1985 снова повторились. С чем это связано?» - начертил он график преступлений.

«Если это дело рук одного человека. То какая в этом схема? Нервный срыв? Психическое обострение? Почему тогда год дети не пропадали? Не было срыва?

Предположим, что преступник нездоров. Тогда возможно он где-то должен был лечиться? Психиатрическая клиника? Или просто наблюдался у врача психиатра. Надо завтра спросить у Рогожкина про такие лечебницы…»

Мысли Печёнкина стали путаться, и он уронив блокнот на свою грудь, уснул. Из блокнота выпало несколько листов. На них были фамилии и имена пропавших детей, какие-то схемы, даты и обрывок рисунка.

Проснулся он от стука в дверь.

- Кто там?! – не открывая глаз спросил Печёнкин.

Но никто не ответил. Тогда Алексей перевернулся на другой бок и тут же снова уснул. Стук повторился.

- Кто там?! – все-тали пришлось ему встать и надеть штаны.

За дверью никого не было.

- Что за дурацкие шутки?! – закрыл он дверь, и направился к кровати. Включил настольную лампу, чтобы посмотреть сколько время.

- Ты кто? Откуда ты тут взялась? – увидел он белокурую девочку, которая сидела на стуле у письменного стола, и рассматривала обрывок рисунка, выпавшего из блокнота Печёнкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.